

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (19)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 3 (19)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.
председатель

ректор ГБОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.
заместитель председателя

президент ГБОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.
заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.
главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жирыков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Кустова Е.В.* К вопросу об условиях формирования вятских монастырей на рубеже XVI–XVII веков (по материалам Слободского Богоявленского монастыря)..... 8
- Андреев И.Л.* К истории коллективных челобитных русского дворянства в XVII веке..... 16
- Алимджанов Б.А.* Налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве 27

Новейшая история России

- Касаров Г.Г.* Большевики в условиях иностранной интервенции и Гражданской войны в России во второй половине 1918 года 34
- Карпов Е.А.* Источники социально-демографических сведений о воспитанниках артиллерийских подготовительных училищ 46
- Латышев А.В.* Работа политотделов в проверочно-фильтрационных (специальных) лагерях НКВД (январь 1942 – май 1945 года)..... 55
- Кириллов В.В.* Проблема распада СССР в новейшей историографии 62

Всеобщая история

- Щемелев А.В.* Фракийский всадник: особенности источниковой базы исследования 71
- Войтенко А.А.* Яблоки и фиги. Одно разночтение в Житии св. Онуфрия Великого 80
- Мажитова Ж.С.* Вклад М.П. Вяткина в исследование народно-освободительного движения казахов под руководством бия-батыра Срыма Датова 89
- Крысенко Д.С.* Место Анголы в противостоянии США и СССР на юге Африки (1975–1991 годы)..... 96

Критика. Рецензии. Публицистика

Михайловский Ф.А. Гульельмо Ферреро и его «Величие и падение Рима»: к столетию первого русского издания (Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. А.А. Захарова. Т. I–V. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915–1923)..... 105

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2015, № 3 (19)..... 112

Требования к оформлению статей..... 114

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Kustova E.V.* On the Issue of the Conditions of Formation of Vyatka Monasteries at the Turn of XVI–XVII Centuries (Based on Slobodskoy Epiphany Monastery) 8
- Andreev I.L.* To the History of Collective Petitions of Russian Gentry in the XVIIth Century 16
- Alimdzhanov B.A.* Fiscal Policy of the Russian Empire in the Turkestan General-Governorship 27

Modern History of Russia

- Kasarov G.G.* Mensheviks in the Conditions of the Foreign Intervention and Russian Civil War in the Second Half of 1918 34
- Karpov E.A.* The Sources of Social and Demographic Information about Pupils of Artillery Preparatory Schools 46
- Latyshev A.V.* Political Departments' Activity in NKVD's Screening-Filtration (Special) Camps (January 1942 – May 1945) 55
- Kirillov V.V.* The Problem of Disintegration of the USSR in the Modern Historiography 62

General History

- Shchemelev A.V.* The Thracian Horseman: Features of the Source Base Study 71
- Voytenko A.A.* Apples and Figs. One Discrepancy in the Life of St. Onnophrius the Great 80

<i>Mazhitova Z.S.</i> M.P. Vyatkin's Contribution in the Research of Kazakh National-Liberation Movement Led by Biy-Batyr Syrym Datov	89
<i>Krysenko D.S.</i> Place of Angola in the Confrontation of the USA and the USSR in Southern Africa (1975–1991)	96

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Mikhailovsky F.A.</i> Guglielmo Ferrero and his «Greatness and fall of Rome»: To the Centenary of the First Russian Edition (Ferrero G. Greatness and Fall of Rome / Trans. A.A. Zakharov. T. I–V. M.: Ed. M. and S. Sabashnikov, 1915–1923)	105
--	-----

«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2015, № 3 (19)	112
---	-----

Style Sheet	114
--------------------------	-----

Е.В. Кустова

**К вопросу об условиях
формирования вятских монастырей
на рубеже XVI–XVII веков
(по материалам Слободского
Богоявленского монастыря)**

В статье рассматриваются вопросы создания одного из первых вятских монастырей, анализируется, как были заложены его экономическая база, архитектурный ансамбль и духовные традиции. Определяется роль субъективного фактора в данных процессах. Уточняется время основания обители. Выделяются местные особенности в призме общероссийских процессов церковной жизни.

Ключевые слова: Вятский край; монашество; вклады; вотчины; старчество.

Монашество в Приуралье начало формироваться позднее, чем в северных и центральных районах страны. Во многом это обусловлено темпами колонизации края и степенью зрелости церковной жизни. Начиная с середины XV века монастыри стали появляться в пермских землях, а в последней четверти XVI века этот процесс охватил и Вятский край. Первым был основан Успенский монастырь в городе Хлынове в 1580 году постриженником Пыскорского монастыря преп. Трифоном Вятским.

Слободской являлся вторым по значимости городом Вятской земли, центром крупнейшего в крае уезда, а слободское купечество традиционно конкурировало с вятским. Слободжане проявляли активность не только в сфере экономики, но и в церковной жизни. Именно они первыми в крае инициировали создание монастыря. Судя по житию преп. Трифона Вятского, еще до прихода святого в Вятскую землю «близ града Слободскаго некто тамо нача монастырь строити и церковь созда, судьбами же всесильнаго Бога той строитель преставися, и та церковь в несовершении стоит пуста два лета» [4: с. 70–72]. Поскольку недостроенный храм был передан жителями города Слободского

преп. Трифону в августе 1580 года, следовательно, попытка построить монастырь в этом городе относится примерно к 1578 году. Примечательно, что по пути в Хлынов в Кайгородке Трифон встречает жителя именно Слободского, который сообщает о том, что «вятчане издавна желают еже бы быти у них монастырю к совокуплению иноческаго жительствова и наставника такового дела избирают, еже бы строити монастырь и совокупляти братию, но таковоу начинанию не обретают человека». Также житие указывает дату прибытия преподобного не в Хлынов, а в Слободской, где он пробыл несколько дней. Акцент на Слободской, сделанный автором жития, по-видимому, не случаен.

Существуют два документа, которые относят создание Слободского монастыря еще к 1567 году. Это челобитная на имя царя Василия Ивановича от братии обители и список с отводной грамоты. Речь шла об отведении монастырю пустой полянки размером 2 десятины около речек Спировки и Козулки, где ранее располагалась поскотина, для постройки келий, церквей и огорода. Однако анализ их содержания свидетельствует о том, что это, по-видимому, даже не списки с грамот начала XVII века, переписанные с ошибкой в дате, а специально изготовленные подделки, причем фамилии и имена были заимствованы из документа начала XVII века (РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10979; Д. 10980) (опубликовано: [1: с. 1–3]). В частности, челобитная обращена от лица уже существующего монастыря, который был основан в 1590-х годах, адресатом является царь Василий Иванович, правивший в России в 1606–1610 годах. Также в документе встречается имя вятского воеводы князя Михаила Ухтомского, который служил в Хлынове в 1609–1610 годах. Упомянутые в них монахи и некоторые из слобожан также встречаются в документах начала XVII века. Все это позволяет сделать вывод о том, что указанные имена были списаны с оригинальных грамот 1609–1610 годов. Для достоверности к челобитной была приложена даже маленькая черновосковская печать якобы воеводы М. Ухтомского. Написанные, очевидно, в середине XVIII века, они были представлены в 1757 году в Слободскую межевую контору и, вероятно, создавались, для утверждения или подтверждения за монастырем некоторых земельных прав.

Монастырь в Слободском возник в конце XVI века. После основания преп. Трифоном Успенского монастыря в Хлынове слобожане рассчитывали, что они получат возможность для бесплатного пострижения в этой обители. Монастырь строился на средства пяти вятских городов, в том числе и Слободского. Более того, жители города передали преп. Трифону, как указывалось выше, недостроенную церковь [4: с. 70]. Однако ожидания слобожан не оправдались. В своей челобитной к патриарху Иову они писали: «...многие де и посадские люди и волостные крестьяне во ангельский чин постричься желают, и им де постричься негде, а которые де и люди наперед сего постриглись и они де и волочатца бес пристрою меж двор, а отца де духовного у них блиско нет и они де и помирают без даров и бес покаяния» [1: с. 4]. Таким образом, монашествовавшие в Слободском уже были и до создания монастыря. Жили они,

по-видимому, в частных домах. Вопрос о том, почему у них не было духовного отца, не вполне понятен. Духовником, который бы их исповедовал и причащал, для них мог стать любой священник в приходских храмах Слободского. Очевидно, это было некоторое преувеличение, как дополнительный довод к открытию новой обители. Из челобитной мы также узнаём, что «в Слободском городе монастыря не бывало искони вечно» [1: с. 4].

Грамота интересна также тем, что свидетельствует о большой роли местного сообщества в создании монастыря. Инициаторами стали «мирские люди» во главе с земским старостой «Осипком Федоровым сыном Богдановым». Они отвели место за посадом, построили храм и даже определили настоятеля (в должности строителя) — иером. Иоасафа Казанца, выделив ему место для кельи. Кроме того, грамота описывает непростые отношения слобожан с Хлыновским монастырем [7: с. 77–78], которому они оказывали немалую помощь: «А есть де и на Вятке в городе в Хлынове монастырь Успения Пречистой Богородицы, и тот де монастырь от Слободского города отдалел. А которые де и иные посацкие люди и волостные крестьяне в тот в Успенский монастырь хотят постричься и того де и Успенского монастыря архимарит Трифон и старцы вкладу у них просят дорого с человека по десяти рублей и по пятнатцати и по дватцати, и с убогово де и человека меньше десяти рублей не возмут. А кому де и случитца постричься у себя на подворье, и они де бес пяти рублей не постригут, и многие де и люди помирают у них бес постригания, хоти и желают постричься» [1: с. 4]. Грамота свидетельствует о распространении на Вятке традиции вкладов при пострижении, а также пострига дома в старости. Оба явления осуждались церковными соборами, но имели повсеместное распространение в России.

Вместе с тем грамота патриарха Иова указывает на то, что храм в монастыре к тому времени был уже построен, причем даже имел именование в честь праздника Богоявления, хотя и не был освящен.

Патриарх Иов в своей грамоте от 4 января 1599 года благословил основание монастыря, освящение храма в честь Богоявления «попу з дияконом», для чего приказал выдать антиминс, а также дал иером. Иоасафу «благословенную грамоту, почему ему впредь в том монастыре у них быти и велети ему тот монастырь строити и братию собирати и желаемых постригати, чтоб им впредь которые похотят тут постричься постригати их беспенно», т. е. без взимания вкладов [1: с. 5]. Причем постригать было позволено и «в большой образ». Однако храм по неизвестным причинам освятили лишь спустя пять лет — по Слободской летописи это произошло 22 января 1604 года, через две недели после праздника Богоявления. Спустя еще два года освятили Введенскую церковь (ОР РНБ. Ф. Ф. IV. 844. Л. 168). С чем была связана подобная задержка и где служили монахи до этого — не вполне понятно. Можно предположить, что пока строились кельи и другие храмы, монахи жили при приходских храмах, где и служили.

Почти во всех вариантах жития преп. Трифона основателем монастыря в Слободском и строителем Богоявленской церкви называется он сам [5: с. 85]: после изгнания из Успенской обители он направился в Слободской, где слобожане помогли ему основать монастырь, отведя для него место. Однако грамота 1599 года, наряду с другими документами, не дает оснований так полагать. В одном из документов было записано, что когда преподобный пришел в Слободской в Богоявленский монастырь, «виде... две церкви прекрасны Богоявления Господня и Введения пресвятой Богородицы... освящены. Освятил Богородичной архим. Иона 7116 г. от Рождества Христова 1608, а строили те церкви: строитель священноинок Иоасаф, да черный поп Антоний, да старец Ефрем, да старец Ефросин» [6: с. 111–112]. Почти дословно это повторяется в одном из вариантов жития, составленном, по-видимому, в Слободском (Сектор редкой книги Научной библиотеки ВятГГУ (далее — СРК НБВятГГУ). № 101218. Л. 110–110 об.). Интересно, что освящал храм хлыновский архим. Иона (Мамин), который некогда выгнал преп. Трифона из основанной им в Хлынове обители. Сам преп. Трифон пришел в Слободской через 9 лет после основания там монастыря, т. е. в конце 1607–1608 годов [6: с. 110].

Грамоты указывают, что первым настоятелем в 1599 году в звании строителя был иером. Иоасаф Казанец, в 1607 году — Антоний [1: с. 4; 6: с. 111; 8: стб. 803]. Антоний также упоминается в Слободской летописи под 7115 годом (1606/07 г.) (ОР РНБ. Ф. Ф. IV. 844. Л. 168).

Хотя преп. Трифон, по-видимому, не являлся настоятелем монастыря, житие не случайно связывает с его именем процесс строительства и обустройства Слободской обители.

С одной стороны, он стал, по всей вероятности, духовником монастыря, который исповедовал, давал духовные наставления приходящим и братии. Его хорошо знали и в Слободском уезде: многие приезжали к нему за советом и с просьбой о молитвах, а кто-то и с просьбой постричь в монашество. Одна из редакций жития преп. Трифона так говорит о его роли в духовной жизни Слободского монастыря: «...о Христе братия зело возлюбиша о(т)ца и наставника пр(е)п(одо)бнаго Трифона, и при нем братия умножашуся. Преподобный же всех с любовию приемляше, иноческому житию наставляше их. И поучаше всегда о сп(а)сении д(у)шевнем. И сам пр(е)п(одо)бный наипаче всем собою образ показоваше» (СРК НБВятГГУ. № 101218. Л. 110 об.).

С другой стороны, преп. Трифон способствовал и материальному обеспечению обители, созданию монастырского ансамбля. Поскольку монастырь строился стараниями жителей города и крестьян, этих средств не хватало, поэтому уже немолодому старцу приходилось много путешествовать по разным землям для сбора пожертвований. Так, с учеником Досифеем он неоднократно ходил в северные земли — в Сольвычегодск и Корязму — для сбора милостыни на церковное строение и монастырские нужды. В эти поездки он всегда брал с собой три почитаемые иконы — Спаса, Богородицы

и Николая Можайского. Случаи исцеления благодаря этим иконам были записаны, в частности, в книге Коряжемского монастыря [4: с. 93–103, 106]. Большую помощь оказывали Строгановы, а именно Никита Григорьевич: он дал милостыню на монастырское строение, а также «икон, книг, и риз, соли и железа, и братии на потребу, елико пр(е)п(одо)бному доволно бысть» (СРК НБВятГГУ. № 101218. Л. 118).

На собранные средства вместе с другими монахами преп. Трифон построил кельи, ограду и святые ворота. Вернувшись с пожертвованиями, в 1610 году он заложил над святыми вратами церковь «во имя собора архистратига Михаила и прочих безплотных н(е)б(ес)ных сил и всем украси и ос(вя)тил ю 7122 соборной протопоп Павел июля в 3 д(е)нь» (СРК НБВятГГУ. № 101218. Л. 110 об. – 111). Таким образом, церковь была освящена в 1614 году, уже после смерти преподобного. Сегодня это старейшая деревянная постройка в Кировской области.

После смерти преп. Трифона в 1612 году перед слободским монастырем стояло три основные задачи: сохранение духовных традиций, заложенных преподобным, поддержание и развитие монастырского ансамбля, а также расширение земельных владений, которые позволяли бы содержать братию.

Что касается духовных традиций, в монастыре были монахи, стремившиеся сохранить и передать духовный опыт, полученный от преп. Трифона. Самым известным его учеником был инок Досифей, который практически неотлучно сопровождал святого в последние годы его жизни. Неизвестно, пришел ли Досифей в Успенский монастырь незадолго до изгнания оттуда Трифона или он изначально был послушником Слободского Богоявленского монастыря. Житие преп. Трифона говорит лишь о том, что Досифей принял постриг в Слободской обители. Вместе со своим учителем он совершал длительные путешествия по северным землям для сбора пожертвований на обитель. Незадолго до смерти преп. Трифон завещал ученику следовать подвигам иноческого терпения и не покидать Слободского монастыря: «...и запрещаю ему да неисходит из обители Богоявленского м(о)н(ас)т(ы)ря, и аще некако изыдеши рече, паки в том же м(о)н(ас)т(ы)ре будеши, и многи скорби и напасти от бесов и от злых ч(е)л(ове)к приимеши, точию внимай себе яко по смерти своей в Богоявленском м(о)н(ас)т(ы)ре почиши, и в память мою многи(м) на пол(ь)зу будеши, яко мой еси ученик». Давал он ученику и иные наставления, и о чем он говорил, по словам Досифея, произошло в его жизни (СРК НБВятГГУ. № 101218. Л. 128 об. – 129).

Следуя завещанию преподобного, Досифей прожил в Богоявленском монастыре до конца своих дней. Мы не знаем, был ли он простым иноком или занимал какую-либо монастырскую должность. В грамотах Слободского монастыря в период с 1622 по 1640 год с некоторым перерывом упоминается келарь Досифей [1: с. 22, 26, 31, 35, 38, 40, 46–48]. Но являлся ли он учеником преп. Трифона — сказать сложно. Незадолго до смерти Досифей рассказал будущему автору жития преп. Трифона о своем учителе и его завещании. Один из списков жития сохранил точную дату их беседы — 30 марта 1664 года (НИОР РГБ. Ф. 595. № 6. Л. 207). Умер Досифей будучи «в велицей старости». В одном из списков жития говорится, что почил он в возрасте ста лет, прожив 54 года после смерти

преподобного. 5 сентября 1666 года он был похоронен в Слободском Богоявленском монастыре (СРК НБВятГГУ. № 101218. Л. 128 об. – 129). Слобожане с особым почтением относились к ученику преп. Трифона. Над его могилой в 1872 году преосвященным Аполлосом была устроена небольшая часовня, где служились панихиды. Здесь любили бывать богомольцы, которые обращались к иноку Досифею за помощью в своих скорбях и болезнях. В монастыре хранились записи о случаях исцелений, бывших по молитвам к нему [6: с. 121].

Что касается формирования монастырского ансамбля, к 1608 году в монастыре уже были построены и освящены церкви Богоявления и Введения с пределом преп. Сергия Чудотворца (СРК НБВятГГУ. №101218. Л. 110). В 1614 году была освящена надвратная церковь Архангела Михаила. Между 1608 и 1615 годами была построена и Никольская церковь. В результате к 1615 году монастырь приобрел следующий вид: «...в Слободском монастырь над рекою над Спировкою Богоявленья Господа нашего Исуса Христа, а в монастыре церковь Богоявленья Господа нашего Исуса Христа деревянная клецки, да церковь теплая с трапезою Введенье Пресвятыя Богородицы, да церковь на воротех собор архистратига Михаила деревянная, да церковь теплая с трапезою Николы Чюдотворца, а в церквах Божие милосердие образы и книги и колокола и всякое церковное строенье мирское. А келей в монастыре: келья строителя Иасафа да четыре кельи братцких, да за монастырем дворец конюшей, да за монастырем слободка, а в ней шесть дворов» [9: с. 201].

Наименование храмов не было случайным. Никольский храм был построен, вероятно, также по инициативе преподобного, который почитал св. Николая более всех святых и воздвиг в его честь храм в Хлыновском монастыре. Надвратный Михайло-Архангельский храм, который одновременно являлся и башней Слободского кремля, имел охранительную функцию: неслучайно глава небесного воинства традиционно изображался на Святых вратах при входе в монастырь. Введенский храм был построен в память о ранее существовавшем на этом месте у реки Спировки одноименном приходском храме [1: с. 4]. Преподобный же Сергей Радонежский, в честь которого был назван придел, был покровителем русского монашества. Возникает лишь вопрос в отношении именованя Богоявленского собора. Возможно, это было связано со временем его построения или освящения. Грамота на освящение была дана 4 января 1599 года, т. е. за два дня до Богоявления. Освящен же он был 22 января 1604 года, т. е. спустя две недели после Богоявления. Кроме того, можно указать на то, что пострижение ассоциировалось с таинством крещения. Возможно, были и иные причины для подобного именованя.

Содержание монашескующих во многом зависело от монастырских вотчин. К 1615 году монастырь уже имел две деревни, два починка, два двора жилых, где жили два половника и один пустой, доброй пашни 37 четей, которая обрабатывалась половниками и приезжавшими из монастыря «детеньшами», 46 четей — перелогом, «а в дву потому ж». Таким образом, всего у монастыря было 249 четей пашенной и переложной земли. Кроме того, обители принадлежали мельница на реке Спировке, а также рыбные ловли на Озерницком и Алексеевском озерах [9: с. 201–202].

Источники расширения земельного фонда были самые разные. Первым источником были царские пожалования, характерные для первой половины XVII века. Так, в 1615 году монастырь принял в безоборочное пользование озеро Алексеевское «с падучими лужами» [1: с. 10–11]. В дальнейшем монастырь получил еще несколько владений на льготных условиях [1: с. 30–36].

Важным источником являлись вклады частных лиц. Впервые частные земельные вклады встречаются в 1612 году: приложили покос дети Гаврила Бакулева с условием записать в синодик, поминать живых и умерших в молитвах. Среди владений обители в грамоте 1615 года упоминается вкладное озеро Озерницкое [1: с. 6–7, 10]. Впоследствии данный источник земельных поступлений станет основным [1: с. 45, 46, 52 и др.]. Помимо этого, часть земель и угодий монастырь будет приобретать через покупки и закладные [1: с. 6, 10, 12, 18–20, 25, 26, 30, 37, 38, 40, 46, 47, 53, 59, 65–72, 76, 79–82, 85, 89–91, 96, 103–104].

Анализ развития Слободского Богоявленского монастыря свидетельствует о том, что при его создании и развитии решающую роль сыграл субъективный фактор, в частности, инициатива местного сообщества, которое не только выделило место для монастыря, избрало настоятеля, собирало средства на постройку храмов, но и поддерживало его своими земельными вкладами. Это являлось особенностью Вятского региона в указанный период, что отличало его, например, от Пермских земель, где ведущую роль первоначально играли крупные благотворители, в частности, Строгановы. Кроме того, на первом этапе существования обители особая роль принадлежала преп. Трифону Вятскому, которым были заложены необходимая материальная база и духовные основания монастырской жизни, определившие устойчивость ее дальнейшего развития. Необычным стал и повод к созданию монастыря в городе Слободском, поскольку вклады при пострижении имели в это время повсеместное распространение. Роль государства, которое в указанный период стремилось ограничить монастырское землевладение, была гораздо более скромной, но и оно не отказывало в поддержке, поскольку было заинтересовано в освоении слабозаселенного края. Значимость монастыря в духовной жизни определила развитие его экономической базы через земельные и денежные вклады частных лиц. Последнее, в свою очередь, сделали возможным быстрое возведение архитектурного ансамбля и обеспечили необходимое содержание братии.

Литература

1. Акты и грамоты Богоявленского монастыря и др. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 1. Отд. 2. С. 1–145.
2. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 г.). С предисл. А.С. Верещагина. Вятка: Губ. тип., 1902. 35 с.
3. Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580–1764 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1906. Отд. 2. Вып. 1–2. С. 1–178; Вып. 3–4. С. 179–346; Вып. 5–6. С. 347–530.
4. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца / Публ. и вступ. ст. П. Шестакова. Казань, 1868. 160 с.

5. Житие преп. отца нашего Трифона / Публ. И.М. Осокина // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 1–110.
6. *Зубарев Л., прот.* Святой преподобный Трифон Вятский Чудотворец. Вятка, 1912. 169 с.
7. *Кустова Е.В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 1. Киров: Буквица, 2012. 752 с.
8. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви. СПб.: Археогр. комис., 1877. 573 с.
9. Церковные и монастырские земли на Вятке по дозорной книге кн. Ф.А. Звенигородского 24 апр. 1615 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. 5–6. Отд. 3. С. 197–210.

Literatura

1. Akty' i gramoty' Bogoyavlenskogo monasty'rya i dr. // Trudy' Vyatskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1915. Vy'p. 1. Otd. 2. S. 1–145.
2. Vyatskij Uspenskij monasty'r' pri prepodobnom Trifone (Po podlinnomu dokumentu 1601 g.) / S predisl. A.S. Vereshhagina. Vyatka: Gub. tip., 1902. 35 s.
3. Gramoty' i akty' Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monasty'rya 1580–1764 gg. // Trudy' Vyatskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1906. Otd. 2. Vy'p. 1–2. S. 1–178; Vy'p. 3–4. S. 179–346; Vy'p. 5–6. S. 347–530.
4. Zhitie prepodobnogo otcza nashego Trifona, Vyatskogo chudotvorecza / Publ. i vstup. st. P. Shestakova. Kazan', 1868. 160 s.
5. Zhitie prep. otcza nashego Trifona / Publ. I.M. Osokina // Trudy' Vyatskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1912. Vy'p. 1–2. Otd. 2. S. 1–110.
6. *Zubarev L., прот.* Svyatoy prepodobny'j Trifon Vyatskij Chudotvorecz. Vyatka, 1912. 169 s.
7. *Kustova E.V.* Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monasty'rya. T. 1. Kirov: Bukvicza, 2012. 752 s.
8. *Stroev P.M.* Spiski ierarxov i nastoyatelej monasty'rej Rossijskie cerkvi. SPb.: Arхеogr. komis., 1877. 573 s.
9. Cerkovny'e i monasty'rskie zemli na Vyatke po dozornoj knige kn. F.A. Zvenigorodskogo 24 apr. 1615 g. // Trudy' Vyatskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1905. Vy'p. 5–6. Otd. 3. S. 197–210.

E.V. Kustova

On the Issue of the Conditions of Formation of Vyatka Monasteries at the Turn of XVI–XVII Centuries (Based on Slobodskoy Epiphany Monastery)

The article considers problems of the formation of one of the first monasteries of Vyatka. The author analyses how its economic base, the architectural ensemble and spiritual traditions were laid down. The role of the subjective factor in these processes is defined. The time of the founding of the cloister is elaborated. Local features in the prism of nationwide processes in church life are pointed out.

Keywords: Vyatka region; monasticism; deposits; patrimonies; institution of elders.

И.Л. Андреев

К истории коллективных челобитных русского дворянства в XVII веке

В статье рассматривается место и роль коллективных дворянских обращений в формировании сословного самосознания дворянства и их влияние на социальную политику первых Романовых. Ставится вопрос о признании более высоких, чем принято считать в научной литературе, темпах консолидации дворянства, существенно опережавших процесс правового оформления.

Ключевые слова: коллективные дворянские челобитные; сословное самосознание; консолидация; служилое сословие и власть.

Ценность коллективных дворянских челобитных как исторического источника признана давно. Свидетельство тому — публикации челобитных и солидные исследования, для которых дворянские обращения — источник первостепенный [9; 10; 15; 19; 21–24]. В настоящей статье мы попытаемся затронуть некоторые исторические и источниковедческие аспекты изучения этих документов.

Прежде всего, какие челобитные следует признать коллективными челобитными? Вопрос этот представляется существенным: признавая, что челобитные выражают социальные устремления дворянства, мы сталкиваемся с возможностью своеобразной подмены — ведь и обращение нескольких дворян-челобитчиков также можно назвать «коллективным». Но выражали ли они волю служилого сословия или хотя бы его части?

Далеко не всегда помогает преамбула челобитной с указанием, что челобитчики «бьют челом всем городом». Формуляр челобитной XVII века позволял писать так даже тогда, когда челобитная исходила от небольшой группы челобитчиков, что вполне вписывалось в рамки правосознания того времени [7: с. 93–130; 28: с. 45–67].

С формальной точки зрения важно было упоминание в челобитной разрядов / чинов челобитчиков. К примеру, в 1639 году служилые иноземцы, требуя распространения на их поместья новой девятилетней урочной давности сыска беглых крестьян, отмечали: «И как де в прошлом, во 146 г., били челом государю украинных и замосковных городов дворяне и дети боярские о беглых своих... и в том де челобитье... их, иноземцев, поляков и немцев, не написали». Это и дало им повод обратиться со своей челобитной [23: с. 2].

Примечательно, что сами воеводы нередко проясняли обстоятельства возникновения челобитной именно для того, чтобы уточнить, действительно ли

она исходит от дворянской корпорации. Так, воевода Путивля Н. Плещеев в 1653 году на разборе служилых людей допытывался, всем ли «городом» били челом дворяне на неугодных им подьячих (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Севский стол. № 145. Л. 53).

Выяснение вопроса, от кого исходила челобитная и насколько она отражала настроение «города», часто приоткрывает такую существенную черту жизни служилых корпораций, как соперничество внутри нее различных групп и родов [13: с. 324]. В 1682 году власти столкнулись с этим в Галиче. Тяжба шла из-за подьячего В. Кусынина и его товарищей, угодных одним служилым людям и сильно досаждавших другим. Часть дворян Галича объявила, что такие подьячие «им не надобны» — они «ведомые воры и разорители». Заручную же челобитную в свою защиту приказные, по уверению дворян, организовали сами: написана она «немногими людьми, а иные прикладывали руки, боясь их многова разоренья и грабительства». Однако дело было вовсе не так просто. К первой челобитной приложили руку 150 человек, тогда как подьячие в свою защиту собрали подписи 106 галичан-помещиков и 137 посадских людей. Ясно, что «город» раскололся и понятие общегородовая челобитная здесь требует существенного уточнения (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. № 809. Л. 409).

Рукоприкладства — важный признак коллективного обращения. Их отсутствие давало властям повод усомниться в подлинности обращения. В 1650 году псковичи — посадские и приборные люди, вписали в свою челобитную имена псковских дворян. Но в Москве, ссылаясь на отсутствие подлинных дворянских подписей, им не поверили: «И то вы делаете воровством, пишете в челобитных своих дворян и детей боярских заочно, воровски, и оправдываете себя» [25: с. 150]. В 1665 году боярин князь И.А. Хованский отклонил полковую челобитную на том основании, что она «несвершена» и «незаручена» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. № 469. Л. 55).

Ряд челобитных дошли до нас в изложении приказных. Отсутствие оригинала челобитной затрудняет использование источника. Так, коллективная челобитная 1641 года сохранилась в составе Уложения 23 июля 1641 года. При этом законодатели обыкновенно приводили отрывок из челобитной, а затем соответствующую новеллу. Однако из этого вовсе не следует, что правительство полностью удовлетворило поместную армию. В текст попали только те требования, которые получили положительное решение [6: с. 176].

Возвращаясь к поставленной выше источниковедческой проблеме, мы должны признать, что наличие «внешних» признаков челобитной далеко не всегда дает основание признавать ее таковой. В таких случаях важно изучить, по возможности, все обстоятельства возникновения челобитья. Приходится повторять это общеизвестное положение, поскольку в литературе встречаются попытки «исчисления» дворянской активности на основе подсчета обращений, выявленных... по описям. Порочность подобного подхода уже стала предметом критики историков [9: с. 83–85]. При обращении к количественным характеристикам челобитных важно отметить иное — заметное возрастание их числа в моменты переломные.

Логически допустимая ситуация — ослабление власти или возрастание ее зависимости от поместной армии во время войн — находит полное подтверждение в источниках. Уступчивость правительства в такие периоды оборачивалась настоящим дождем коллективных челобитных, дополненным для убедительности недвусмысленными угрозами в адрес дворянских недругов. А. Новосельский сравнивает эти выступления с мятежами-рокашами, «посредством которых польское шляхетство добивалось от польских королей льгот и привилегий» [17: с. 189]. Аналогия вполне уместная с той только разницей, что московские масштабы были скромнее: и кричали тише, и ограничивались далекими от политических амбиций требованиями.

Но если возникает сложность с классификацией челобитных, то какой можно найти выход? Представляется, что проблему можно решить через *типологизацию* челобитных. Совпадение требований, поднимаемых в исследуемой челобитной, со «сквозными темами» коллективных обращений дворянства позволяет, безусловно, их отнести к коллективным челобитным. В результате в контексте сословных требований изучаемый источник становится важным «фрагментом», который вписывается в общее «мозаичное полотно», помогая отделить случайное от главного.

Объем статьи не позволяет детально остановиться на типичных дворянских требованиях. Ограничимся лишь их кратким перечислением.

Отметим прежде всего разнообразие тем, затрагиваемых в коллективных челобитных. В этом разнообразии — многогранность самой жизни. И одновременно доказательство того, что многие проблемы решались именно с помощью обращений дворянства. Коллективные челобитные — это норма, признаваемая и теми, кто их писал, и теми, кто их рассматривал. Потому нет основания видеть в каждом коллективном обращении нечто экстраординарное, свидетельствующее о том, что обычные легальные пути общения оказались исчерпанными. Напротив, это был самый распространенный легальный путь. Другой вопрос, что случались периоды, когда челобитья не приносили желаемых результатов. В итоге «служилые города» искали иные способы воздействия на власть. Но даже тогда без челобитных дело не обходилось — изменялась лишь их тональность и характер требований.

Заметим, что все тонкости «общения» с дворянством посредством челобитных прекрасно улавливало правительство. Так, посылая осенью 1648 года для раздачи денежного жалованья в Курск подьячего Д. Шубина, правительство обязывало его особо подчеркнуть, что делается это «без их (дворян и детей боярских. — И.А.) челобитья» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. № 288. Л. 62). Иными словами, следовало внушить служилым людям, что власти заботятся об их благополучии якобы по собственной инициативе, в нарушение привычной цепочки «челобитье – решение – жалованье». Сам по себе подобный сбой в ритме — свидетельство нарастания кризисных моментов в общении власти со служилым сословием, что и наблюдалось в 1648–1649 годы.

Одна из главных тем дворянских обращений — служба. Среди главных требований — награда за нее. Поводов для такого рода обращений было множество.

Среди них выделим проявление корпоративного мировоззрения «служилого города», его стремление отстоять свое место в иерархии «городов». Это было своеобразное «местничество» «служилых городов», столь же упорное, как и местничество родов. В противном случае дворянская корпорация могла столкнуться с проблемами сокращения жалованья и падения статуса [29]. Так, в 1648 году дворяне заочких, украинских и северских городов потребовали равного награждения со служилыми людьми Замосковского края за службы 1646–1647 годов: им первоначально давали придачи в 50 четей и три рубля к окладам, тогда как дворянам Замосковских городов по 100 четей и пять рублей. Челобитчики не упустили момента подчеркнуть, что служат они все вместе, но замосковские города приезжают на службу «после срока спустя многое время и до срока немногие доживают и отпускают их... преж наших украинских городов» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. № 222. Л. 237–240). Челобитная была удовлетворена, давая надежду на дальнейшее статусное уравнение.

Очень выразительную челобитную подали в 1648 году служилые люди Рязска. Она была выдержана в духе «местничества городов»: рязцы были пожалованы «в ряд с новыми городами» по семь рублей, а не по десять. И тем «твоим царским денежным жалованьем, — пишут челобитчики, — до конца оскорблены перед разными перед старыми городами не по вине своей и не за прослугу» [17: с. 192]. Неудивительно, что при таком взгляде пожалование одних «городов» вызывало настоящую цепную реакцию: дворяне и дети боярские других корпораций били челом о награждении их «наравне с другими», «в ряд».

Немало заботились городские корпорации об облегчении условий службы. Правительству приходилось сталкиваться со множеством челобитных, в которых просители настаивают на изменении сроков, порядка и места службы. Эксплуатируя идею внутрисословного равенства, городские корпорации стремились присвоить себе преимущества других «городов», уравниваться в службе.

Еще одна постоянная тема коллективных челобитных — местная администрация. Здесь равно встречаются как чисто дворянские обращения, так и общегородские челобитные всех разрядов населения города и уезда — от духовенства до посада.

Предложенная в новейшем исследовании формула взаимоотношения местной администрации со «служилым городом» и «посадским миром» как «сотрудничество и борьба» достаточно точно характеризует существо происходящего в уездах [3]. Во всяком случае, дворянские челобитные вполне вписываются в эту формулу, хотя, по понятным причинам, тема борьбы в них доминирует. Чисто логическое объяснение этого обстоятельства, по-видимому, совпадает с реалиями века. Перед нами не случайная выборка, а отражение самой жизни: били челом о том, с чем чаще всего сталкивались в повседневности, а именно — с местными властями.

Ведущая тема таких челобитных — просьба о смещении или/и (что реже) оставлении воеводы на второй срок. При этом в описании воеводских злоупотреблений творчество челобитчиков иногда достигает вдохновения эпического. Нельзя не поразиться и самому «источнику» вдохновения — способности воевод

выискивать все новые способы обогащения. Так, исчисляя вины воеводы В. Доможирова, рыляне повествовали: «...как придут на них неты и он их за ту неведомую службу заковав руки назад в тюрьму сажает и ноги скует и багоги бьет без милости». Или еще. По объявлению службы воевода устраивал еженедельно смотры: «И хто тово часа не поспеет к смотру и за то их сажает в тюрьму и держит недели по две и больши» (РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ. Приказный стол. № 153. Л. 347–348).

Еще один «герой» коллективных обращений — приказный. В масштабах города фигура подьячего была достаточно важная. Воевода, каким бы плохим ни был, в конце концов уезжал восвояси. Подьячий оставался. При своем знании местной жизни и доступе к воеводе он мог легко стать для дворян недругом. Но мог и помочь, памятуя о том, что после воеводы ему жить с «городом». В зависимости от того, как для себя решал подьячий этот вопрос, и разделялись челобитные. Так, в марте 1649 года ярославцы встают на защиту подьячего А. Степанова, успевшего завоевать доверие тем, что все делал «государевы и исцовы дела... безволокитно и налог и убытки никаких ни чинил» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. № 47. Л. 778). Когда в 1677 году подьячему съезжей избы Коломны Г. Попову не дали новой грамоты быть у дел, за него вступились все дворяне, и «Григорей, человек добрый», был оставлен в Коломне (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Владимирский стол. № 164. Л. 341–343).

Особенно многочисленны челобитные, требующие отставки подьячих. Обычно они открывались пространным исчислением их прегрешений. Сам реестр злоупотреблений мало в чем уступал «воеводскому». Здесь и прозаические насилия, типа тех, что творил подьячий Лебеядни И. Фролов: ездит по деревням и «что у кого у нас в домишках наших увидит, то и возьмет... будто с вотчинных крестьян», и экстравагантные подделки документов и т. д. [2: № 20, 46, 53, 508] (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Владимирский стол. № 138. Л. 381–382. Разрядный приказ. Приказный стол. № 425. Л. 520).

В пристальном внимании «служилого города» к воеводской администрации — осознание того, что от нее во многом зависит его благополучие. Служилые люди проявляли при этом большую активность. В 1652 году воеводе Рыльска В. Нелединскому дворяне Новгорода-Северского, Рыльска и Чернигова принесли челобитную о назначении в съезжую избу площадного подьячего Ф. Катунина. Довод прост: один из подьячих взят к Москве, отчего «дело стоит». Челобитчики просят назначить Катунина «против своего государева указу и нашего челобитья» (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Поместный стол. № 35. Л. 34–35).

Еще одной причиной столкновения с местной администрацией были реформы законодательства, суда и судопроизводства. При этом отметим, что для 1620–1640-х годов эта проблема была тесно связана с протестами городских корпораций против злоупотреблений «сильных людей». «Служилые города» стремились нарушить их монополию на применение законов в своих интересах, с известной долей наивности полагая, что создание новой Уложенной книги и есть гарантия

от злоупотреблений. Идеал дворянства нашел свое воплощение в преамбуле к Соборному уложению: «...чтобы Московского государства всяких чинов людем, от болшаго и до меншаго чину, суд и росправа была во всяких делех всем ровна» — и почти дословно совпал с дворянскими челобитными и близкими им по духу наказами выборным на Земский собор 1648–1649 годов. Владимирцы, в частности, призывали в них отстаивать «правду», чтобы «устроил государь меж нами свой государьской праведный суд всем людем ровен, каков большому, таков и меньшему» [27: с. 604].

Из дошедших до нас коллективных челобитных видно, что дворяне по крайней мере дважды затрагивали вопросы реформы суда и законодательства. В феврале 1637 года провинциальные служилые люди настаивали, чтобы «велел бы государь их, дворян и детей боярских, в городех судить, выбрав из дворян и из земских людей по своему государеву указу и по Судебной книге для их бедности и разоренья...» [6: с. 176]. Вторично и более отчетливо мысль о правовом устройении «земли» прозвучала в коллективной челобитной служилых и посадских людей 10 июня 1648 года. Челобитчики призывают государя заменить «неправедных судей» на «праведных». В противном случае предлагается иная альтернатива: «...или бы положил государь всяких чинов на мирских людей, а мирские люди выберут меж себя праведных и расудительных великих людей, и ему государю будет покой от то всякие мирские докуки ведати о своем царском венце» [21: с. 50; 11: с. 146–150].

Подытоживая требования «городов» относительно Судебной реформы, отметим стремление дворянских корпораций придать суду «гласный характер». «И за их за судными и за всякими спорными делы велел бы государь сидеть в полате бояром, а не в судных приказах», — настаивали авторы челобитной 1637 года [23: с. 13]. В таком судебном разбирательстве провинциальные дворяне видели гарантию от закулисных махинаций «сильных людей».

Особая тема коллективных челобитных дворянства — крестьянское закрепощение. Крепостническая тенденция устремлений провинциального дворянства, как известно, проявилась в нескольких коллективных обращениях с требованием отмены урочных лет в 1637, 1639, 1641, 1645, 1648 годах. Но одними урочными летами перемены в крепостническом законодательстве не исчерпывались. Под давлением дворянских челобитных крепостнические нормы распространились и на иные области взаимоотношений помещиков с крестьянством: проблемы ссуды и подмоги, возвращения порубежных выходцев — беглых крестьян и т. д. [4: с. 45–54].

С середины 1650-х годов наблюдаются изменения в ориентации дворянства в крестьянском вопросе. Центр тяжести переносится с юридической нормы на практику. Иными словами, за воплощением крепостнического идеала в Соборном уложении для дворянства, естественно, встала проблема его действительного осуществления. Можно было сколько угодно декларировать вечную и потомственную крепость земледельца, но если последний мог бежать, а помещик не мог его вернуть, то законодательство утрачивало свою привлекательность. По определению А.Г. Манькова, во второй половине XVII столетия главным для дворянства

становится проблема сыска и его организация, где основная линия развития — переход от частного сыска к государственному [10: с. 22–119].

Разумеется, челобитные о сыске беглых не были новостью для правящих кругов. Галичане в своем обращении напоминали, что, начиная с царствования Михаила Федоровича, били дворяне челом о беглых «повседневно» [15: с. 308]. Однако никогда законодательство о сыске, наказы воеводам и сыщикам столь сильно не зависели от волеизъявления дворянства, как в это время. Именно под их давлением в новоуложенных статьях утвердились такие положения, как ответственность помещика за прием беглого, приравнивание побега к уголовному преступлению, рост наказаний и санкций за побег и прием. К таким нормативным актам можно отнести указы от 5 марта 1653 года, 20 марта 1656 года, 13 сентября 1661 года, 2 июля 1676 года, 31 августа 1681 года, цикл указов конца 1682 года, наконец, проведение «повального сыска» в конце 1650-х и 1670-х годов. Характерно, что при этом сами законодатели делали прямую ссылку на дворянское челобитье как один из источников их правотворчества [1: № 220; 5: № 48/1; 18: с. 558; 10: с. 43, 123–125].

Следует подчеркнуть, что вторая половина «бунташного» столетия не знает крупных коллективных обращений, подобных 1630–1640-м годам. Вызвано это, на наш взгляд, тем, что во второй половине столетия правительство охотнее шло навстречу служилым людям, признавая их требования основополагающими. Недовольство не успевало дойти до той критической массы, которая приводила к выступлениям многих «городов».

А.А. Новосельский отметил еще одно отличие челобитных первой и второй половины столетия: если в первом случае преобладали самостоятельные обращения провинциального дворянства, то во второй — совместные челобитные московских и городских чинов. Связано это было, по мысли историка, со стиранием граней между «служилым городом» и московским дворянством [12: с. 329; 16: с. 231–253; 8: с. 46]. Обращение к дворянским челобитным уточняет эти наблюдения. Так, следует подчеркнуть, что совместные обращения московского и уездного дворянства — явление достаточно частое и для первой половины века. При всех трениях между этими чинами и они выступали заедино, едва для этого возникали достаточные основания. Чаще всего это было связано с выступлением против городских воевод. Более того, дворяне легко вступали в союзы с другими разрядами населения, в первую очередь с посадскими людьми. Так, Большая челобитная от 10 июня 1648 года была подана от имени всего дворянства и московского посада. Правда, сословные рамки побуждали уездное дворянство чаще действовать в иной стратегии: они подавали схожие с посадскими людьми челобитные отдельно. Тем не менее факт «единачества» — способности служилых и посадских людей объединяться и выступать, поддерживая друг друга, — бесспорен. Наиболее показательна в этом смысле «стратегия» дворянской и посадских курий на Земском соборе 1648–1649 годов [20: с. 238–255; 26].

Чрезвычайно важная проблема — эффективность коллективных челобитных. Насколько правительство прислушивалось к голосу дворянства?

Ссылка в законодательных актах на челобитные («государь пожаловал, дворян и детей боярских розных городов по их челобитью велел...»), как на источник законотворчества, встречается достаточно часто. Однако едва ли она дает основание для сколько-нибудь широких обобщений. Выше отмечалось, с чем это связано: источниковая база такова, что трудно соотнести весь «объем» разнообразных дворянских требований с правительственной реакцией. Уместно, по-видимому, проводить анализ, учитывая в первую очередь наиболее крупные дворянские выступления и социально значимые требования.

Известно, насколько медленно шло навстречу дворянским челобитчикам в их основополагающих требованиях правительство в первой половине века. Наиболее яркий пример — реакция на челобитные об отмене урочных лет. Потребовались события 1648 года, чтобы провинциальное дворянство добилось своего. Не получили полного развития и реформы суда. Правительство просто обошло молчанием требования 1637 года о децентрализации суда и участии выборных дворян и «земских людей» в воеводском суде.

Иной видится ситуация второй половины XVII века, когда правящие круги оказались более отзывчивыми на обращения служилых людей. Но при этом нельзя и преувеличивать степень влияния последних. Власти шли на ущемление крепостнических интересов дворянства, если они входили в противоречие с интересами государственными. Именно этим можно объяснить неоднократное изменение сроков выдачи помещикам крестьян из южных городов и уездов [14; 10: с. 120–178]. Надо, однако, подчеркнуть, что «упорство» правительства во второй половине XVII века было не столь последовательным, как ранее, а главное, не распространялось на вопросы, особенно волновавшие дворян и детей боярских.

При всем разнообразии дворянских обращений они не затрагивали проблем политических. Строгое разделение дел на «государево дело» и «земское дело», притом что государево явно поглощает и вбирает в себя элементы земского, отчетливо ощущается в челобитных. Социальная тематика в них преобладает решительно. Провинциальное дворянство стремилось упрочить свои завоевания именно в этой сфере, ориентируясь на московские чины и по возможности уравниваясь с ними. Власть в этом шла навстречу служилому сословию, признавая дворянские интересы первостепенными, но руководствуясь вовсе не альтруистическими побуждениями: опираясь на дворянство, она энергично приступает к возведению здания абсолютистской монархии.

Коллективные челобитные — свидетельство роста дворянского самосознания, которое включало в себя и развитое корпоративное чувство, и определенную модель поведения. В этой связи очевидно, что «степень сословности» дворянства в XVII веке была выше, чем принято считать. Однако правовые признаки, по которым сторонники государственной школы с ее юридической доминантой определяли степень зрелости сословий на русской почве, естественно, уступали западноевропейским государствам. Соответственно и относили оформление дворянства к XVIII веку. Между тем российская практика выдвигала на первый план не юридические признаки, а способность представителей служилого сословия

осознавать общность своих интересов и солидарно действовать для их достижения. Коллективные дворянские челобитные свидетельствуют, что этого удалось достичь еще до правового оформления дворянского сословия, в рамках существования чинов / разрядов. Иначе говоря, реальная консолидация дворянства опережала право.

Литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1832. 291 с.
2. Акты Московского государства, изданные Императорской Академиею наук. Т. 2. СПб., 1894. 802 с.
3. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
4. *Андреев И.Л.* Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве // *История СССР.* 1982. № 1. С. 142–148.
5. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 4. СПб., 1851. 452 с.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: тексты. Л.: Наука, 1986. 262 с.
7. *Кабанов А.К.* Организация выборов на Земские соборы XVII в. // *Журнал министерства народного просвещения.* 1910. № 8. С. 90–138.
8. *Козляков В.Н.* Источники по истории служилых «городов» XVI–XVII вв. в отечественной историографии // *Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков.* Ярославль, 1992. С. 42–56.
9. *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 594 с.
10. *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1962. 421 с.
11. Материалы по истории СССР. Вып. 3. М.: Высшая школа, 1989. 351 с.
12. *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве // *Труды Института истории РАНИОН.* Вып. 1. М., 1926. С. 321–346.
13. *Новосельский А.А.* Правящие группы в служилом городе XVII в. // *Ученые записки Института истории РАНИОН.* Т. 5. М., 1928. С. 318–346.
14. *Новосельский А.А.* Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // *Труды Историко-архивного института.* Т. 2. М., 1946. С. 23–46.
15. *Новосельский А.А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 303–343.
16. *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // *Русское государство в XVIII веке.* М.: Наука, 1975. С. 231–253.
17. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. 224 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 1. СПб., 1830.

19. *Рождественский С.* Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII века // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 153–163.
20. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. 629 с.
21. *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915. 70 с.
22. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1948. 738 с.
23. *Сташевский Е.Д.* К истории дворянских челобитных. М., 1915. 39 с.
24. *Сторожев В.Н.* Две челобитные // Библиографические записки. 1892. № 1. С. 7–16.
25. *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 454 с.
26. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 420 с.
27. *Чистякова Е.В.* Народные движения в России в середине XVII в. (1635–1649 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1966. 424 с.
28. *Шмелев Г.* Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 25–38.
29. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994. 266 с.

Literatura

1. Akty', sobranny'e v bibliotekax i arxivax Rossijskoj imperii Arxeograficheskoyu e'kspedicieyu Imperatorskoj Akademii nauk. T. 2. SPb., 1832. 291 s.
2. Akty' Moskovskogo gosudarstva, izdanny'e Imperatorskoj Akademieyu nauk. T. 2. SPb., 1894. 802 s.
3. *Aleksandrov V.A., Pokrovskij N.N.* Vlast' i obshhestvo. Sibir' v XVII v. Novosibirsk: Nauka, 1991. 401 s.
4. *Andreev I.L.* Urochny'e leta i zakreposhhenie krest'yan v Moskovskom gosudarstve // Istoriya SSSR. 1982. № 1. S. 142–148.
5. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobranny'm i izdanny'm Arxeograficheskoy komissiej. T. 4. SPb., 1851. 452 s.
6. Zakonodatel'ny'e akty' Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny' XVI – pervoj poloviny' XVII veka: teksty'. L.: Nauka, 1986. 262 s.
7. *Kabanov A.K.* Organizaciya vy'borov na Zemskie sobory' XVII v. // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1910. № 8. S. 90–138.
8. *Kozlyakov V.N.* Istochniki po istorii sluzhily'x «gorodov» XVI–XVII vv. v otechestvennoj istoriografii // Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie voprosy' otechestvennoj istorii XVI–XVIII vekov. Yaroslavl', 1992. S. 42–56.
9. *Lapteva T.A.* Provincial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke. M.: Drevle-xranilishhe, 2010. 594 s.
10. *Man'kov A.G.* Razvitie krepostnogo prava v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka. M.; L.: AN SSSR, 1962. 421 s.
11. Materialy' po istorii SSSR. Vy'p. 3. M.: Vy'sshaya shkola, 1989. 351 s.
12. Novosel'skij A.A. Pobegi krest'yan i xolopov i ix sy'sk v Moskovskom gosudarstve // Trudy' Instituta istorii RANION. Vy'p. 1. M., 1926. S. 321–346.

13. *Novosel'skij A.A.* Pravyashhie gruppy' v sluzhilom gorode XVII v. // Ucheny'e zapiski Instituta istorii RANION. T. 5. M., 1928. S. 318–346.
14. *Novosel'skij A.A.* Otdatochny'e knigi begly'x kak istochnik dlya izucheniya narodnoj kolonizacii na Rusi v XVII v. // Trudy' Istoriko-arkhivnogo inctituta. T. 2. M., 1946. S. 23–46.
15. *Novosel'skij A.A.* Kollektivny'e dvoryanskie chelobitny'e o sy'ske begly'x krest'yan i xolopov vo vtoroj polovine XVII v. // Dvoryanstvo i krepostnoj stroj Rossii XVI–XVIII vv. M.: Nauka, 1975. S. 303–343.
16. *Novosel'skij A.A.* Raspad zemlevladieniya sluzhilogo «goroda» v XVII v. (po desyatnyam) // Russkoe gosudarstvo v XVIII veke. M.: Nauka, 1975. S. 231–253.
17. *Novosel'skij A.A.* Issledovaniya po istorii e'poxi feodalizma. M.: Nauka, 1994. 224 s.
18. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. T. 1. SPb., 1830.
19. *Rozhdestvenskij S.* Iz istorii otmeny' «urochny'x let» dlya sy'ska begly'x krest'yan v Moskovskom gosudarstve XVII veka // Sbornik statej, posvyashhenny'x V.O. Klyuchevskomu. M., 1909. C. 153–163.
20. Sbornik knyazyxa Xilkova. SPb., 1879. 629 s.
21. *Smirnov P.P.* Chelobitny'e dvoryan i detej boyarskix vsekh gorodov v pervoj polovine XVII veka. M., 1915. 70 s.
22. *Smirnov P.P.* Posadskie lyudi i ix klassovaya bor'ba do serediny' XVII veka. T. 2. M.; L.: AN SSSR, 1948. 738 s.
23. *Stashevskij E.D.* K istorii dvoryanskix chelobitny'x. M., 1915. 39 s.
24. *Storozhev V.N.* Dve chelobitny'e // Bibliograficheskie zapiski. 1892. № 1. S. 7–16.
25. *Tixomirov M.N.* Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v. M.: Nauka, 1969. 454 s.
26. *Cherepnin L.V.* Zemskie sobory' Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. M.: Nauka, 1978. 420 s.
27. *Chistyakova E.V.* Narodny'e dvizheniya v Rossii v seredine XVII v. (1635–1649 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1966. 424 s.
28. *Shmelev G.* Otnoshenie naseleniya i oblastnoj administracii k vy'boram na zemskie sobory' v XVII v. // Sbornik statej, posvyashhenny'x V.O. Klyuchevskomu. M., 1909. S. 25–38.
29. *E'skin Yu.M.* Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv. Xronologicheskij reestr. M.: Arxeograficheskij centr, 1994. 266 s.

I.L. Andreev

To the History of Collective Petitions of Russian Gentry in the XVIIth Century

The article considers the place and the role of collective gentry appeals in formation of class self-consciousness of gentry and their influence on social policy of the first Romanovs. The author raises the question about recognition of higher rates of consolidation of gentry, than it is assumed in the scientific literature, the rates, which considerably outstripped the process of the legal registration.

Keywords: collective gentry petitions; class self-consciousness; consolidation; service class and the power.

Б.А. Алимджанов

Налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве

В статье рассматривается налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве. Основной акцент сделан на том, что местная администрация не спешила увеличивать налоговое бремя в Туркестанском крае, исходя из политических и идеологических соображений. Автор на конкретном материале исследует причины и последствия «мягкой» налоговой политики на Туркестанской окраине.

Ключевые слова: Русский Туркестан; Британская Индия; налоговая система; метрополия; колония.

Налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве сильно отличалась от английской политики в Британской Индии. Налоговая политика империй зависела от интересов фиска и развитости производительных сил в колониях. Российская империя старалась в Туркестанском крае проводить более мягкую налоговую политику, учитывая экономическое развитие края. А британцы стремились увеличить налоговые поступления, делая упор на развитие частного сектора экономики и внедрения рыночных отношений в Индии. Российская экономическая политика была направлена на увеличение доходности Туркестана через постепенное увеличение налогообложения в крае. Россия делала упор на развитие хозяйств мелких собственников, не допуская создания в крае крупного землевладения и поощряя увеличение покупательной способности населения, которая и была основным потребителем русской мануфактуры. Известно, что поступавшие в казну Туркестана налоги не были достаточными даже для содержания администрации края (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 193–194).

Метрополия постоянно ставила перед колониальной администрацией задачу увеличения поступления налогов, обвиняя Туркестан в финансовой «убыточности» [4: с. 296]. Администрация края этого не признавала, называя очевидный факт «тенденциозностью». «Средний» путь объяснения финансовых проблем Туркестанского края нашел граф К. Пален. Изучив экономическое положение края, он пришел к выводу, что «ни коренной России, ни Туркестану нет, в сущности, оснований предъявлять друг другу встречные иски: баланс сводится почти без прибылей и убытков, скорее даже с небольшой выгодой для Центральной России» [1: с. 69].

В экономических отношениях между метрополией и колонией основную роль играли именно торговые и производственные связи, которые и формировали

имперскую общность. С самого начала завоевания местная колониальная администрация довольно осторожно подошла к налоговому вопросу. И поэтому в первое время в крае существовало льготное налогообложение. Военный губернатор Черняев, вводя с 1 января 1865 года податное обложение казахов, вошедших в состав Туркестанской области, распорядился с городских жителей никаких сборов в 1865 году не производить. Вскоре по прошествии льготных сроков было восстановлено обложение оседлого населения такими же поземельными сборами, которые взимались с них при Кокандском владычестве, т. е. хараджным и танапным (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 37–37 об.). Основным препятствием для формирования налоговой политики в Туркестане считалась юридическая неустроенность земель и споры в метрополии насчет будущей системы налогообложения в крае. В Туркестанском крае до завоевания Российской империей были следующие основные налоги: 1) харадж (поземельный налог), который колебался от 20 до 50 % урожая; 2) зякет (налог с торговли), который колебался от 2,5 до 5 % (платили немусульманские купцы). Колониальная администрация сохранила в измененном виде харадж, но от зякета отказалась, так как мусульманский зякет был несовместим с российской системой обложения: он требовал обнародования размера оборотов и торгового капитала, что в России считалось коммерческой тайной [4: с. 287]. Метрополия в налоговой системе старалась избегать старых форм налогообложения, которые существовали при ханах и беках, хотя в Зеравшанском округе (в состав Туркестанского генерал-губернаторства был включен в 1868 году) они сохранялись вплоть до 1873 года и генерал-адъютант К. фон-Кауфман, отправляясь в Хивинский поход, по политическим соображениям понизил этот размер до 1/10 (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 39 об.). А в Ферганской области они сохранялись вплоть до 1881 года (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 41).

Колониальная администрация поделила все население края на две категории: оседлое и кочевое. Оседлое население в основном платило поземельный налог, а кочевое кибиточную подать. Нужно отметить, что европейские переселенцы, т. е. русские и немецкие колонисты, в Туркестанском крае платили оброчную подать в размере 30 коп. с десятины удобной земли. Низкое обложение мотивировалось наличием у переселенцев менее «качественной» земли, чем у туземцев (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 86 об.). Также в Туркестанском крае были введены следующие налоги: акцизные, гербовые и земские сборы и таможенные пошлины (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 106 об. – 107). Циркуляром Туркестанского генерал-губернатора от 13 июня 1889 года 2 % земского сбора облагались фабрики и заводы (пересматривался каждые 6 лет) [6: л. 66]. Поземельный налог считался основным, так как он давал более 85 % всех налоговых поступлений. Взимание сборов с податного населения было доверено местным выборным органам — хозяйственным общественным управлениям. Им предстояло составлять так называемые хараджные и танапные списки: определять величину запашки и категорию земель, а также оценивать урожай. Составленные выборными списки представлялись

областному управлению, и оно, в свою очередь, определяло сумму сбора. Члены выборных хозяйственных управлений получали вознаграждение в размере 5 % от собранного налога, что, как оказалось, не стало гарантией от злоупотреблений (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 11. Л. 280).

Принятое в 1886 году Положение об управлении Туркестанским краем установило государственный налог в размере 10 % валового дохода с искусственно орошаемой земли [3: с. 36] с оседлого населения, а с кочевого — кибиточный налог в размере 4 руб. [3: с. 36]. От государственного поземельного налога были освобождены: 1) земли, освобожденные от государственного налога; 2) вакфные земли, если весь доход предназначен в пользу мечетей, школ и т. д.; 3) принадлежащие мечетям сады и рощи, если они служат местами молитвенных собраний, общественных празднеств или отдохновения путешественников [3: с. 38]. Средняя валовая доходность земель определялась следующим образом: 1) количеством засеваемой площади; 2) средней урожайностью с этой площади; 3) средними ценами на продукты, засеваемые на данной площади, и стоимостью засеваемой земли [3: с. 39]. Для осуществления кадастра всех земель в Туркестанском крае была создана специальная комиссия, которая определяла налог на 5 лет вперед. Но эта комиссия работала очень медленно и, как отмечал барон Вревский в своем «Всеподданнейшем докладе» в 1898 году, «поземельно-податное устройство введено пока, и то не окончательно, только в 4 уездах Края из 13» (Центральный государственный архив Республики Узбекистан — далее ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 939. Л. 12 об.). За 12 лет кадастр был проведен всего лишь в четырех уездах! Барон Вревский объясняет медлительность комиссии «сложностью производимого кадастра и теми недоразумениями, которые возникают при применении на практике Положения 1886 года, в смысле определения прав местного землевладения» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 939. Л. 12 об.). Нужно отметить, что кадастр земель Туркестанского края не был завершён даже к 1917 году. В свою очередь, чтобы увеличить поступления в казну, барон А. Вревский предложил ввести в Туркестанском крае военный налог и пошлину на недвижимые имущества при продаже (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 939. Л. 13). Предложения Вревского остались на бумаге, так как военный министр считал введение этого налога преждевременным [4: с. 278]. Администрация края не спешила уравнивать в налоговом отношении все население края. Основная причина «плюрализма» земельного налогообложения состояла не в дорогостоящих кадастровых работах, а в том, что администрация Туркестана понимала неприменимость 10 %-ной налоговой ставки в реальной жизни. Как отмечал по этому поводу Пален: «...об обложении всего туркестанского населения в размере 10 % валовой доходности принадлежащих ему земель можно говорить лишь как о вопросе будущего» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 939. Л. 186).

В конце XIX века в метрополии начали обсуждать увеличение налогов в Туркестанском крае. 24 марта 1900 года заседал Государственный совет, который обсуждал экономические вопросы Туркестана. В частности, там упоминалось, что «государственный поземельный налог, составляющий главный

источник доходов казны в Туркестанском крае, взимается большей частью все еще в размере, не превышающем 4 % и даже 2 % с валовой доходности земель, тогда как по закону он должен равняться 10 % этой доходности» (ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 715. Л. 29). Министерство финансов, чтобы устранить эту «несправедливость» предложило «для упорядочения податной системы в Туркестане установление твердых начал для закрепления земель за сельским населением» (ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 715. Л. 29 об.). Главная проблема налогообложения, по мнению Государственного совета, заключалась в неправильном понимании и применении на практике местной колониальной администрацией статей Положения 1886 года.

Законом от 10 июня 1900 года права на все земли были закреплены за населением Туркестана. Как отмечалось в отчете на Сессии Туркестанского генерал-губернаторства в 1909 году: «...в означенных постановлениях (имеется в виду закон от 10 июня 1910 года. — *прим. Б.А.*) вполне проявилось стремление нашего законодательства к закреплению за населением Туркестана находящихся в его владении земель, однако существующие законоположения не создали в Туркестанском крае института частной собственности» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 1721. Л. 13 об.). Именно «неясность» в поземельном вопросе затрудняла упорядочение налоговой сферы Туркестана. «Колониальная» администрация предлагала перейти к налоговым ставкам по чистой доходности, а не по валовой доходности с земель. Но, как отмечало Сессия, для перехода к учету чистой доходности требовались дорогостоящие кадастровые работы (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 1721. Л. 14).

В налоговой политике Российской империи в Туркестане преобладала протекционистская позиция по отношению к сельскому хозяйству, в частности к хлопководству. Нужно отметить, что при ханах и беках население в основном платило натуральный налог, с приходом в край русских характер податных обложений круто изменился в сторону денежного взимания налогов. Именно переход к денежным повинностям изменил производственные отношения в сельском хозяйстве края: начало преобладать хлопководство, так как хлопок считался основной экспортной культурой края. По мнению известного исследователя В. Лаврентьева, «способствуя вытеснению основной массы непосредственных производителей на товарный рынок путем введения денежных податей, русская администрация подрывала натуральные основы туркестанского хозяйства» [2: с. 33]. Именно переход к товарным отношениям стал основной причиной увеличения посевов хлопка в крае. Хлопководство стало основой проникновения денежно-товарных отношений в крае. Этому способствовала и налоговая политика правительства по отношению к этой культуре. Хотя нужно отметить, что Положение 1886 года не создавало особых условий для хлопковых хозяйств края. По закону от 11 июня 1891 года, изданного для поощрения хлопководства, земли, занятые хлопчатником, облагались налогом не в размере 10 % доходности этого произрастания, а по доходу тех главных посевов (ЦГА РУз. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 186 об.). Посевы хлопка

облагались налогом наравне с пшеницей (в среднем 7,5 % от валовой доходности), т. е. были созданы все условия для развития хлопководства в крае. Хотя срок равного обложения, как отмечал, А.В. Кривошеин, закончился в 1897 году [1: с. 72], метрополия продолжала поддерживать хлопководство до 1914 года. А.В. Кривошеин, указывая на успехи в хлопководстве в крае, предлагал ввести дополнительный налог в этой отрасли хозяйства, чтобы увеличить поступления в казну [1: с. 72]. По его мнению, увеличение обложения дало бы краю дополнительные финансы, чтобы развивать, в частности, такое важное дело как ирригация [1: с. 71–72]. В 1912 году Главное управление землеустройства и земледелия предложило ввести налог на хлопок в размере 50 коп. с пуда брутто, что дало бы 4–5 млн руб. в казну [4: с. 291–292]. Но туркестанские производители хлопка и текстильщики Москвы, Петербурга и Польши не одобрили это предложение. Местные туркестанские газеты писали по поводу данного законопроекта, что «земледелец Ферганской области уплачивает с каждой десятины посева 5 руб. 95 коп. поземельного налога и разных других сборов. Если законопроект о налоге на хлопок пройдет в законодательном порядке, то за каждую десятину с посевом хлопка нашему земледельцу придется уплачивать в казну еще 11 р. 25 коп.» (ЦГА РУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 327. Лл. 9–14). Думская комиссия не одобрила этот законопроект, заявив, что «введение налога на хлопок приведет почти к двукратному увеличению поземельных сборов, непосильному для хлопковых хозяйств» [4: с. 291–292]. Несмотря на все возражения, решением Совета министров в 1914 году был введен налог в размере 2 руб. 50 коп. с пуда хлопка [4: с. 423].

Сельское население Туркестанского края платило в казну поземельные, земские и общественные сборы, а также косвенные налоги в виде акциза на ввозимый товар. В основном акцизный налог уплачивался на спиртные изделия, чай, сахар и мануфактуру. Автор брошюры о финансовом состоянии Туркестанского генерал-губернаторства отмечал: косвенные налоги не дают казне в Туркестане желаемого результата (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 191). Он подчеркивал, что «акцизы питейный, нефтяной, спичечный и табачный, непосредственно поступающие в кассы края, составили в 1896 г. только 512 848 р. 20 к. или менее 14 коп. на душу населения, тогда как по Империи акцизные сборы в том же году составили 399 800 000 р., т. е. на душу населения империи в размере 3 р. 16 к.» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 191). Основная причина такого низкого сбора акцизных поступлений в казну объяснялась трезвостью местного населения, которому религия запрещала употреблять спиртные напитки.

С началом Первой мировой войны увеличиваются налоги по всей Российской империи. Законом от 12 ноября 1914 года вводились новые налоги с 1 января 1915 года и в Туркестанском крае: 1) особый временный налог в 2 руб. 50 к. с пуда на хлопок; 2) акциз с сахара определялся в размере 2 руб. с пуда; 3) акциз с осветительных нефтяных масел и проч. в размере 90 к.

с пуда; 4) акциз на спички — по 2 к. с коробки [5]. Таким образом, прямых налогов население трех областей уплачивало до 8 млн руб., что на душу (5,3 млн чел.) составляло в 1913 году около 1,5 руб. Кроме того, правительство планировало увеличить обложение поливных земель на 100 %, а богарных на 50 %, тогда поземельный налог составил бы 10,5 млн руб. [6].

Суммируя вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что налоговая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве опиралась на внешнеполитический фактор и волю министра финансов. Несмотря на все перипетии, налоговая система края прошла сложную эволюцию. Начиная с льготного обложения до максимального увеличения налогов в крае. Рост прямых налогов был обусловлен развитием хлопководства и фруктоводства, а также незначительностью косвенных налогов в крае. Доля косвенного налога в бюджете края была мала из-за низкого потребления российской мануфактуры и неразвитости внутренней торговли. Власти не смогли добиться увеличения покупательной способности населения, что препятствовало экономическому развитию края. Основная причина низкой покупательной способности населения заключалась в системе мелкого землевладения, которая укрепляла традиционность «туземца» и мешала накоплению капитала. Налоговая система поначалу способствовала увеличению спроса населения на продукты первой необходимости, которая оставалась неизменной до 1917 года. Налоговая система туркестанского края не предполагала создания особого фонда для развития промышленности или стимулирования потребления в крае через кредитные рычаги. Налоговые поступления в основном использовались для выплаты зарплаты администрации, армии и обеспечения нужд просвещения народа. Кредитная политика и потребности сельского хозяйства оставались в стороне. Интересно отметить, что поступления поземельных налогов в крае фактически не изменились за все время существования Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917). Это свидетельствует о том, что налоговая система служила интересам фиска и, хотя Туркестанский край был «буржуазным проектом» Российской империи, он в принципе остался земледельческим, что и определило всю финансовую систему Туркестанского генерал-губернаторства.

Литература

1. *Кривошеин А.В.* Записка главноуправляющего землеустройством и земледелия о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб.: Сенатская Типография, 1912. 110 с.
2. *Лаврентьев В.В.* Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии. Л.: Коммунистическая Академия, 1930. 160 с.
3. Положение об управлении Туркестанским краем. СПб.: Сенатская Типография, 1886. 52 с.
4. *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с.
5. Туркестанские Ведомости от 25 ноября 1914 г. № 265.
6. Туркестанские Ведомости от 30 ноября 1914 г. № 270.

Literatura

1. *Krivoshein A.V.* Zapiska glavnoupravlyayushhego zemleustrojstvom i zemledeliya o poezdke v Turkestanskij kraj v 1912 g. SPb.: Senatskaya Tipografiya, 1912. 110 s.
2. *Lavrent'ev V.V.* Kapitalizm v Turkestane. Burzhuaznaya kolonizaciya Srednej Azii. L.: Kommunisticheskaya Akademiya, 1930. 160 s.
3. Polozhenie ob upravlenii Turkestanskim kraem. SPb.: Senatskaya Tipografiya, 1886. 52 s.
4. *Pravilova E.A.* Finansy' imperii. Den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'ny'x okrainax, 1801–1917. M.: Novoe izd-vo, 2006. 456 s.
5. Turkestanskije Vedomosti ot 25 noyabrya 1914 g. № 265.
6. Turkestanskije Vedomosti ot 30 noyabrya 1914 g. № 270.

B.A. Alimdzanov

**Fiscal Policy of the Russian Empire
in the Turkestan General-Governorship**

The article considers the tax policy of the Russian Empire in the Turkestan General Governorship. The main emphasis is made on the fact that the local administration did not hurry to increase the tax burden in Turkestan region on the basis of the political and ideological reasons. The author on the concrete material investigates the causes and consequences of «soft» tax policy in the outskirts of Turkestan.

Keywords: Russian Turkestan; British India; the tax system; the metropolis; the colony.

Г.Г. Касаров

Меньшевики в условиях иностранной интервенции и Гражданской войны в России во второй половине 1918 года

В работе проанализирована деятельность меньшевиков в период Гражданской войны в России во второй половине 1918 года: раскол в рядах меньшевистской партии, исключение из ее рядов лидеров, сотрудничавших с контрреволюционными силами. Особое внимание уделено лидерам меньшевиков, признавшим правомочность Октябрьской революции и советского правительства.

Ключевые слова: Гражданская война; меньшевики; политическая деятельность.

Иностранная интервенция и эскалация Гражданской войны в России во второй половине 1918 года заставили лидеров меньшевистской партии решительно выступить против вторжения иностранных войск на территорию страны. Однако против руководства ЦК партии меньшевиков сложилась оппозиция, готовившая антибольшевистское восстание и расценивавшая интервенцию иначе. Так, Петербургская меньшевистская группа, идеологом которой был Потресов, объединившись с остатками группы «Единство», выступала за соглашение с англо-французскими интервентами, чтобы свергнуть советскую власть и восстановить Восточный фронт против Германии.

Московская меньшевистская группа сформировалась весной 1918 года из представителей правого крыла фракции революционных оборонцев. Если Петербургская группа организационно порвала с меньшевистской партией, то московская оппозиция находилась внутри партии и вела активную фракционную деятельность, оказывая значительное влияние на меньшевистские организации многих городов России. Московская группа ставила перед меньшевиками задачу активизировать практику борьбы с большевизмом, поэтому она и получила название «активисты». Основные положения декларации сводились к следующему: падение советской власти исторически предрешено;

пролетариат заинтересован в том, чтобы ликвидация большевистской диктатуры и восстановление буржуазно-демократического строя происходили в возможно более демократических формах; очередной задачей социал-демократии является вовлечение пролетариата в активную политическую борьбу, руководство этой борьбой. С этой целью внутри партии была образована самостоятельная «группа борьбы за независимость и демократический строй России; группа ставит себе целью общероссийские задачи и потому рассматривает себя как всероссийский центр» [10].

Окончательное оформление группы «активистов» произошло в августе 1918 года после поражения Ярославского мятежа. «Активисты» от имени Группы борьбы за независимость и демократический строй России выступили с декларацией, в которой призвали своих единомышленников создать самостоятельную меньшевистскую партию в противовес официальной РСДРП. ЦК меньшевиков в начале августа вынужден был принять специальное решение о том, что группа «активистов» находится вне партии [29].

Однако «активисты» продолжали свою работу, проигнорировав решение ЦК. 28 августа 1918 года ЦК партии меньшевиков принял резолюцию. В ней говорилось о том, что заявление группы несовместимо с решением партии, с организационными задачами. «При коренном расхождении задач, которые ставит себе этот центр, с партийной линией и при их совпадении с политической линией некоторых других политических партий, деятельность Группы борьбы за независимость и демократический строй России грозит вовлечь партию против ее воли в политические действия, идущие вразрез с ее намерениями, и возложить на нее перед лицом российского и международного пролетариата политическую ответственность за акты и выступления, с которыми она не может иметь ничего общего» [31, 9 сентября]. Центральный Комитет меньшевиков предложил группе «активистов» распуститься и не восстанавливаться под другим названием [23: с. 28].

Выступление московских «активистов» создало большие трудности для меньшевистской партии. Ю.О. Мартов считал, что своим выступлением группа привела к фактическому расколу. Он не произошел только потому, что большевистский террор сделал невозможным для меньшевиков вести внутрипартийную полемику, созвать конференцию или съезд «для суда над взбунтовавшимися элементами» [19: с. 28]. «Активисты» вскоре сошли с политической арены. Группа под влиянием побед Красной армии и революции в Германии распалась на отдельные группки, многие из которых изменили свои взгляды.

Политическая деятельность «активистов» привела к тому, что летом, в самый разгар борьбы Красной армии против внутренних контрреволюционных сил и немецкой интервенции на Дону, Московский и Петроградский советы рабочих депутатов приняли решение об их исключении из советов. 25 июля 1918 года из Московского совета были исключены меньшевики и эсеры. В принятой резолюции говорилось, что партия меньшевиков выступила в союзе с контрреволюцией

и явилась, следовательно, «проводником буржуазного влияния на пролетариат» [16: с. 394–395]. В течение июня – июля были удалены из Петроградского совета 34 меньшевика [27: с. 52]. Были исключены меньшевики из состава Брянского совета, из Бежицкого совета, меньшевистская фракция из Саратовского совета [1: с. 244; 326; 32: с. 330] и др. Исключение меньшевиков из Советов застало многих из них врасплох. В результате во многих районах страны меньшевиков было очень мало и оказывать своего влияния на массы и вести какую-либо политическую деятельность они были не в состоянии.

Летом 1918 года лидеры меньшевистской партии по поводу вооруженного восстания испытывали большие колебания. В целом руководство партии не занималось подготовкой восстания, но могло бы, если бы было уверено в его победе. Так, в письме П.Б. Аксельроду Ю.О. Мартов писал: «Мы отрицаем восстание против большевиков точно так же, как и Вы, только по соображениям целесообразности, и даже наша первая резолюция, в которой мы после Ярославского восстания выступили летом 1918 года против агитации за восстание, заключала в себе оговорку: признания по-прежнему права на восстание за пролетариатом (или, кажется, народом) против угнетающего его строя» [18: с. 52].

Следовательно, положение в меньшевистской партии летом и в начале осени 1918 года было сложным и противоречивым. В партии действовали несколько групп, ведущих самостоятельную политику и не выполнявших директивы ЦК. Руководящий орган меньшевиков принимал резолюции, которые были либо не выполнимы, либо толковать их можно было как угодно. Именно эти противоречивые постановления обрекали меньшевиков на пассивность или на сотрудничество с контрреволюционными силами. На территории, захваченной контрреволюционными силами, или в районах ожесточенных сражений противостоящих армий меньшевики вели либо активную антисоветскую деятельность, особенно в моменты свержения советской власти, и сотрудничали с антибольшевистскими правительствами, либо занимали пассивно-выжидательную позицию. Так, 5 июля 1918 года в Ярославле поднял мятеж Союз защиты родины и свободы, возглавлявшийся Б.В. Савинковым. В подготовке мятежа участвовал руководитель меньшевистской организации Ярославля И.Т. Савинов [4: с. 173; 25: с. 223]. После захвата контрреволюционными силами И.Т. Савинов был назначен помощником по гражданскому управлению организатора восстания полковника А.П. Перхурова. В штабе мятежников работал меньшевик П.В. Дюшен, в городской управе трудились меньшевики М. Абрамов, Ф. Мешковский. Секретарь меньшевистской организации П.А. Богданов-Хорошев сделал попытку организовать рабочую дружину и просил оружие в штабе мятежников [14: с. 169]. Среди активных участников мятежа был меньшевик Мусатов, производивший обыски в квартирах советских служащих и разыскивающий их по советским учреждениям [21: с. 395]. Меньшевикам было известно о готовящихся мятежах в Москве, Рыбинске, Казани и в других городах [17: с. 39]. Они принимали участие в организации подпольного Союза возрождения России, поставившего своей целью свержение Советской власти и созыв Учредительного собрания [17: с. 65].

В созданный в Самаре эсерами Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) вошел в качестве министра труда И.М. Майский, член ЦК партии меньшевиков, где проработал до конца октября 1918 года. После разгона адмиралом А.В. Колчаком Директории И.М. Майский сделал вывод, что ему ни с Директорией, ни с А.В. Колчаком не по пути, и перешел на нелегальное положение [21: с. 397–402]. Во время работы в Комуче, отмечает И.М. Майский, эсеры сделали попытку привлечь на свою сторону меньшевиков, кадетов, энесов и др. «Только меньшевики, в конце концов, согласились поддержать Комитет и начали занимать ответственные посты в его аппарате» [21: с. 402].

В оппозицию к Комитету членов Учредительного собрания встали кадеты. В конце июня их усилиями в Томске было создано Временное Сибирское правительство, в состав которого вошел меньшевик Л.И. Шумиловский. Оно способствовало установлению на Урале и на Дальнем Востоке военной диктатуры. В Екатеринбурге с августа по ноябрь 1918 года существовало Временное областное правительство Урала, активную роль в котором в союзе с кадетами играли меньшевики. Меньшевики вошли в состав Уральского войскового правительства, созданного в марте 1918 года в городе Уральске. В Мурманске меньшевики пригласили для борьбы с «германской опасностью» английских интервентов. При содействии меньшевиков и эсеров на Дону был установлен германский оккупационный режим. Здесь власть оказалась в руках генерала П. Краснова. Центральный совет профсоюзов, возглавляемый меньшевиками, оказал помощь в упрочении своих позиций Добровольческой армии А.И. Деникина [21: с. 402]. На Северном Кавказе в июне 1918 года власть захватил меньшевик Г.Ф. Бичерахов, создав Временное народное правительство Терского края. Меньшевики участвовали в антисоветском мятеже в Туркмении, во время которого были расстреляны асхабадские комиссары. В Баку после падения советской власти 31 июля была создана Диктатура Центрокаспия, возглавляемая меньшевиками [21: с. 403]. Именно по ее вине были расстреляны 26 бакинских комиссаров. В июне 1918 года меньшевики провозгласили Грузинскую Демократическую Республику, а в октябре 1918 года заявили об официальном отделении от меньшевистской партии России [22: с. 403].

Таким образом, несмотря на решения ЦК партии меньшевиков не вести борьбу с советской властью с оружием в руках, путем заговоров и восстаний, местные меньшевистские организации принимали активное участие в антисоветских акциях. В результате ЦК меньшевиков вынужден был исключить из своих рядов членов, участвовавших в антисоветских восстаниях и входивших в правительства, созданные контрреволюционными силами [РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 40. Л. 15].

Летом и осенью 1918 года Красной армии удалось разгромить основные контрреволюционные силы на Юге России, в Поволжье и Предуралье. Борьба носила ожесточенный характер. Свирепствовали белый и красный террор. Особенно усилился красный террор после убийств В.В. Володарского, М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина. В сентябре 1918 года контрреволюционные силы

создали в Уфе Временное всероссийское правительство (Уфимская директория). С 8 по 23 сентября на его совещании присутствовали вместе с эсерами, кадетами, националистами члены ЦК партии меньшевиков и меньшевистской группы «Единство». Совещание обсудило вопросы об источнике власти будущего правительства, о структуре власти (диктатура или демократия), о личном составе правительства. Кадеты, представители группы «Единство» и «Временного правительства» высказались за диктатуру. Эсеры и меньшевики настаивали на создании правительства, ответственного перед Учредительным собранием. Под давлением белочехов, заявивших, что они оставят фронт перед наступлением Красной армии, если не будет принято довольно быстро решение, совещание создало Директорию. Меньшевики отказались войти в ее состав. Комуч 3 ноября 1918 года передал власть Временному Сибирскому правительству [7: с. 169, 170, 176; 22: с. 405–406]. В свою очередь последнее передало власть Директории. Четвертого ноября 1918 года при Директории был создан Всероссийский Совет министров во главе с кадетом П.В. Вологодским. Военным министром был назначен А.В. Колчак. В министерство вошел и меньшевик Д.И. Шумиловский [21: с. 406].

18 ноября 1918 года А.В. Колчак совершил переворот. Директория была распущена. Эсеры арестованы и высланы за границу. По этому поводу эсер Н. Святицкий писал, что «они сами собственными руками расчистили для реакции путь...» [28: с. 91].

А.В. Колчак довольно быстро распустил правительства в Екатеринбурге, Уфе и др. Эсеро-меньшевистская демократическая контрреволюция была поглощена монархической контрреволюцией [17: с. 305–306].

Осенью 1918 года на Юге России вся полнота политической власти сосредоточилась в руках А.И. Деникина. Офицеры деникинской армии считали для себя позором иметь какие-либо отношения с меньшевиками. Относительно меньшевиков А.И. Деникин писал: «В общем у меня составилось такое впечатление, что партия соц.-дем. в лице ее представителей на юге России стремилась не к поражению белых сил, но к такому их ослаблению, чтобы ко времени падения большевиков они представляли из себя ничтожный политический факто... Во всяком случае, Исполнительный комитет наиболее враждебно относившегося к нам Екатеринбургского отдела партии соц.-дем. меньшевиков в одной из своих резолюций предостерегал будущую Раду: разрыв ее с правительством Деникина ни в коем случае недопустим, так как это может привести пролетариат юга к очень тяжелым последствиям...» [6: с. 167].

На Юге России меньшевистская пресса, которая пыталась защищать политическую организацию рабочего класса, закрывалась. Прекратила свое существование харьковская газета «Мысль» за то, что она «будила революционную энергию в массах»; за деморализующее направление в своей работе был закрыт севастопольский «Прибой» [6: с. 166–167].

После переворота, совершенного в Архангельске Г.Е. Чаплиным, эсеров и меньшевиков разогнали. Часть из них оказалась в концентрационном лагере на Соловках. Только вмешательство англичан спасло арестованных от расстрела [4: с. 242].

В условиях Гражданской войны в конце августа 1918 года, познакомившись с работой меньшевистских организаций Поволжья и Сибири, Центральный комитет меньшевиков сделал вывод, что в данный исторический момент необходимо отстаивать позиции «третьей силы», не вмешиваться в Гражданскую войну и не входить в местные антибольшевистские правительства. Основными лозунгами меньшевиков были ликвидация Гражданской войны, заключение соглашения всех демократических сил страны [30: с. 85–86]. Однако многие местные меньшевистские партийные организации порой занимали совершенно противоположные позиции. Так, Самарский областной меньшевистский комитет отказался подчиниться директиве своего ЦК и послал своих представителей для участия в Уфимском государственном совещании [31]. ЦК меньшевиков исключил из рядов меньшевистской партии И.М. Майского, Б.С. Кибрика, и С.Л. Ленского за участие в работе Комуча и Уфимского государственного совещания [24: с. 25, 26, 49].

Осенью 1918 года политическая линия меньшевиков стала изменяться. Во-первых, возникновение на окраинах России контрреволюционных правительств, возглавляемых бывшими царскими генералами и монархически настроенными офицерами, заставило многих меньшевиков изменить свое отношение к советской власти. Они испытали на себе политику черносотенных офицеров и генералов, увидели, что под флагом демократии скрывается контрреволюция. Во-вторых, на политику меньшевиков оказала огромное влияние революция в Германии, возникновение там Советов, провозглашение К. Каутским начала строительства социализма и скорого распространения его во всем мире [3; 23: с. 23].

Военно-политическая обстановка в России, а затем и в европейских странах, сложившаяся осенью 1918 года, заставила лидеров меньшевистской партии изменить тактику, чтобы сохранить свое влияние среди рабочих. Так, на заседании ЦК меньшевистской партии 17–22 октября 1918 года было отвергнуто всякое сотрудничество с враждебными демократии политическими силами [20: с. 632–634]. В принятой ЦК резолюции утверждалось, что «совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот» являлся «исторически необходимым». Поэтому стратегической задачей меньшевистской партии является курс на социализм. Раньше этот курс рассматривался как большевистская утопия [20: с. 634].

В конце ноября 1918 года ЦК меньшевиков опубликовал «Воззвание к социалистам всех стран», в котором говорилось, что империалисты стран Антанты, «руководствуясь исключительно целью беспрепятственной эксплуатации природных богатств России и ее политического подчинения», пользуясь «анархией и Гражданской войной», выступили в роли усмирителя страны. «Чтобы покончить с большевистским правительством, союзники сплачивают вокруг своих десантов те русские вооруженные силы, которые в ходе Гражданской войны образовались в течение последнего года. Социальный характер и политические тенденции этих сил в преобладающем большинстве случаев являются контрреволюционными и реакционными». ЦК меньшевиков

считал, что «действительной программой руководящих групп антибольшевистской коалиции является отображение у крестьян взятой ими у помещиков земли. Весь опыт господства этих групп на Украине, на Дону и в Белоруссии не оставляет в этом сомнения, равно как и деятельность их в Сибири и на Волге, где у власти стояли более демократические группы и где эти контрреволюционеры не останавливались перед попытками государственного переворота, чтобы еще до полной своей победы во всей России обеспечить диктатуру помещиков и милитаристских элементов» [10].

Целый год Гражданской войны потребовался лидерам меньшевиков, чтобы признать контрреволюционность антисоветских движений и агрессивность международного империализма, вмешавшегося во внутренние дела России.

Значительное влияние на руководство ЦК меньшевиков оказали меньшевистские организации, работавшие на территории, контролируемой советской властью. Многие из них потребовали от лидеров партии «поддержать советскую власть во всех ее действиях, направленных к отпору наступающему союзному империализму». В этих целях они предлагали «безоговорочно идти рядом и вместе с большевиками» [2: с. 46]. Так, в сентябре 1918 года бюро Петроградской организации меньшевиков-интернационалистов приняло резолюцию, в которой утверждалось, что лозунг Учредительного собрания «отошел в область преданий», так как им «пользуются все контрреволюционные элементы». Бюро считало, что меньшевикам необходимо входить «в деловую связь с партией коммунистов» [11]. Меньшевики Вильно в январе 1919 года высказались за создание «единого революционного фронта» с большевиками [22].

На состоявшейся с 6 по 10 ноября 1918 года Всероссийской конференции меньшевиков-интернационалистов в отчетном докладе ЦК говорилось, что «партия совершенно определенно эволюционирует в сторону все большего сближения с советской властью». Конференция признала, что Октябрьская революция носит социалистический характер [26: с. 14–15]. Выступивший с докладом «О текущем моменте» С. Лозовский признал ошибочность позиции социал-демократов-интернационалистов по отношению к Учредительному собранию и Брестскому миру. В резолюции по докладу С. Лозовского говорилось о необходимости руководству партии проводить активную работу «по укреплению советского строя», развернуть «широкую пропаганду и агитацию за вступление в Красную армию» [26: с. 16].

Учитывая изменения в настроении меньшевиков, в их оценках интервентов и внутренней контрреволюции, советское правительство приняло решение использовать их в интересах революции, в интересах победы в Гражданской войне. 27 ноября 1918 года в докладе на собрании партийных работников Москвы В.И. Ленин говорил, что в начале Гражданской войны «мелкая буржуазия» выступала против политики большевиков, и потому «непоколебимость требовала от нас применения террора». Но ситуация изменилась: «Теперь это была бы не непоколебимость, а просто глупость, недостаточное понимание тактики марксизма» [15: с. 218]. В.И. Ленин подчеркнул, что большевики «могли

бы достигнуть соглашения», что советская власть охотно легализует меньшевиков-интернационалистов, но «активистов» — нет. По «отношению к ним наши методы борьбы останутся старыми» [15: с. 220].

30 ноября 1918 года ВЦИК обсудил вопрос об отношении к политическим партиям и группам, которые были исключены из Советов за совместные с контрреволюцией выступления против советской власти. В принятом ВЦИК постановлении говорилось, что руководство и члены партии отказались от союза с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными. «Тем самым партия меньшевиков открыла для себя возможность принимать — наряду с другими партиями — участие в работе Советов, в работе по организации и обороне страны». Вместе с тем ЦК меньшевиков не может взять на себя ответственность за деятельность отдельных партийных групп и личностей, в решении ВЦИК было отмечено, что «настоящее решение не относится к тем группам меньшевиков, которые продолжают находиться в союзе с русской и иностранной буржуазией против советской власти» [5: с. 96–97]. Первого декабря 1918 года постановление ВЦИК было опубликовано в газете «Правда».

Получив легальные свободы осенью 1918 года, ЦК меньшевиков приложил максимум усилий, чтобы сплотить свои организации. Было решено собрать в конце декабря партийное совещание, на котором следовало выработать новую тактику борьбы. ЦК меньшевиков считал, что намеченная тактическая линия не будет означать разрыв со старой тактикой, а будет ее логическим развитием применительно к изменившейся ситуации (ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 679. Л. 22).

С 27 декабря 1918 года по 1 января 1919 года в Москве проходило совещание меньшевистской партии. На нем присутствовали представители 34 меньшевистских и бундовских организаций [23: с. 7].

Накануне совещания в рядах меньшевиков не было единства взглядов по отношению к советской власти. Многие меньшевики принимали участие в антибольшевистских восстаниях, в контрреволюционных правительствах, боролись с оружием в руках с Красной армией в Рыбинске, Ярославле, Ижевске, Самаре, в Крыму и на Украине [13: с. 330, 334]. Ряд местных меньшевистских организаций высказался против «нового курса» лидеров меньшевизма. Уральский областной комитет меньшевиков подверг резкой критике проект резолюции ЦК меньшевистской партии, направленный на сотрудничество с советским правительством. Уральские меньшевики считали, «что подобного рода резолюции могут выносить только люди, соскользнувшие с рельс русской действительности» [9: с. 116–117]. Против линии ЦК меньшевиков выступили меньшевистские комитеты Саратова, Ростова-на-Дону, Екатеринославля [8: с. 187]. В тезисах о задачах партии в текущий момент Воронежский комитет настаивал на сохранении лозунга «Демократической Республики, организуемой Учредительным собранием» [3].

Одновременно ряд местных организаций, в первую очередь те, которые возглавлялись меньшевиками-интернационалистами, поддерживали линию ЦК партии. Так пермские большевики сумели привлечь к советской, хозяйственной

и профсоюзной работе меньшевиков-интернационалистов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 222. Л. 32). В состав Исполкома были введены меньшевики в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 31. Л. 165, 178). В Рогачевском уезде Могилевской губернии заведование продовольственным и финансовым отделами было возложено на меньшевиков (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 568. Л. 177). Многие ответственные посты в советских учреждениях в Зарайске, Велиже, Жиздре, Твери были предоставлены меньшевикам (ГАРФ. Ф. 8357. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–5). О корректном отношении большевиков к деятельности меньшевистской организации в Рязани сообщалось в письме в ЦК меньшевиков (ГАРФ. Ф. 8357. Оп. 1. Д. 20. Л. 201). По словам меньшевиков-интернационалистов, в Харькове сложились самые хорошие отношения с губисполкомом и РКП(б) [26: с. 16]. Деловые и дружеские отношения между комитетом РКП(б) и социал-демократами интернационалистами существовали осенью 1918 года в Тульской и Орловской губерниях [2: с. 48].

Меньшевики-интернационалисты привлекались для работы в высших органах советской власти. Так, восемь меньшевиков работали в аппарате ВСНХ, по четыре человека меньшевиков-интернационалистов трудились в наркоматах здравоохранения и земледелия, три — в Наркомате юстиции. Имелись представители этой партии в наркоматах внутренних дел, иностранных дел, почты и телеграфа, в ВЧК. В наркоматах продовольствия, путей сообщения, социального обеспечения и труда меньшевики-интернационалисты занимали ряд руководящих постов [12: с. 390, 492]. Наконец, меньшевики-интернационалисты были допущены к работе в коллегиях Совета народных комиссаров (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 151. Л. 27) и к военно-политической работе в Красной армии при условии, что в процессе работы они не будут настаивать на тактических разногласиях с большевиками (ГАРФ. Ф. 8357. Оп. 1. Д. 39. Л. 45).

В таких политических условиях начало работать совещание, созванное ЦК меньшевистской партии в конце 1918 года. В основу принятых решений меньшевики положили оценку переживаемой исторической эпохи. Они считали, что наступило время для мировой социальной революции, что в авангард борьбы за социализм выдвинулся рабочий класс Германии и его революционная социал-демократическая партия. Одновременно лидеры меньшевизма отмежевались от большевистской идеи перехода к социализму через диктатуру пролетариата. В резолюции о власти в России говорилось лишь о том, что по своей форме она должна быть последовательно демократической [23: с. 10–11].

В специальном докладе и в резолюции совещания говорилось об отказе меньшевиков от лозунга Учредительного собрания. Совещание сочло нужным подчеркнуть, что в сложившейся обстановке в России совершенно невозможно собрать и передать власть старому Учредительному собранию, созванному в январе 1918 года, и провести новые выборы в Учредительное собрание. В резолюции говорилось, что выборы, проведенные в данной обстановке, «грозили бы сделать Учредительное собрание не органом революции, а органом контрреволюции» [23: с. 25].

Совещание считало, что необходимо строить тактику партии, «беря за исходный пункт своей борьбы советский строй как факт действительности, а не как принцип» [23: с 24]. В специальной резолюции совещания было заявлено, что меньшевики будут поддерживать все шаги советской власти, направленные на защиту революции, на возрождение хозяйственной жизни, культурный подъем и политические свободы [23: с. 25]. Партия меньшевиков провозгласила, что она отвергает насильственный принцип свержения Советской власти, осудила и исключила меньшевиков и меньшевистские организации, которые сотрудничали с контрреволюционными силами и способствовали установлению власти А.В. Колчака и других антисоветских правительств [23: с. 28].

Таким образом, к концу 1918 года положение меньшевистской партии укрепилось. Она получила возможность открыть свои политические клубы в столице и в ряде других городов, проводить дискуссии по коренным вопросам текущего момента, открыто выступать на собраниях, выставлять списки кандидатов на выборы в Советы, в фабрично-заводские комитеты, профсоюзы. С февраля 1919 года меньшевики стали издавать газету «Всегда вперед». Политические мнения газеты определялись резолюциями декабрьского (1918 года) совещания меньшевиков. Следовательно, условия Гражданской войны в России в 1918 году способствовали сближению политической деятельности большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Меньшевики признали факт существования советской власти и заявили о своей готовности ее защищать.

Литература

1. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг.: сборник документов. Орел: Книжное изд-во, 1957. 326 с.
2. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и Гражданской войне: мат-лы конфер. / Под ред. В.В. Комина. М.: Калинин: Изд-во КГУ, 1980. 155 с.
3. Всегда вперед. М., 1919. 6 февраля; 14 февраля.
4. *Голионков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М.: Политиздат, 1980. 736 с.
5. Декреты Советской власти. Т. 4. М.: Политиздат, 1968. 731 с.
6. *Деникин А.* Поход на Москву. (Очерки русской смуты) // Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. С. 104–356.
7. *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.
8. *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1922). М.; Л.: Госиздат, 1927. 204 с.
9. Заря. Берлин, 1924. № 4.
10. Известия ВЦИК. 1918. 18 сентября.
11. Известия Олоневского Исполнительного комитета. 1918. 21 сентября.
12. *Ирошкин М.П.* Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л.: Наука, 1974. 448 с.
13. История политических партий России. М.: Высшая школа, 1994. 447 с.
14. Красная книга ВЧК. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 415 с.: ил.

15. *Ленин В.И.* Собрание партийных работников в Москве 18 ноября 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 37. М.: Политиздат, 1974. С. 207–224.
16. Листовки московской организации большевиков. 1914–1925 гг. М.: Политиздат, 1954. 407 с.
17. *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 360 с.
18. Мартов и его близкие: сборник / Подготовил Г.Я. Арансон. Нью-Йорк, 1959. 170 с.
19. *Мартов Ю.О.* Письма. 1916–1922 / Ред. и сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson: Chalidze Publications, 1990. 328 с.
20. *Меньшевики в большевистской России 1918–1924* // *Меньшевики в 1918 году.* М.: РОССПЭН, 1999. 799 с.
21. *Непролетарские партии России: Урок истории* / Под общ. ред. И.И. Минца. М.: Мысль, 1984. 565 с.
22. Новая эра, Вильно. 1919. 8 января.
23. *Партийное совещание РСДРП. 27 декабря – 1 января 1919 г.* М., 1919. 63 с.
24. *Партия меньшевиков после Октябрьской революции.* Одесса, 1920. 48 с.
25. *Пролетарская революция.* 1919. № 10; 1923. № 10 (23).
26. *Пролетариат.* 1918. № 3–4.
27. *Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата: сборник документов и материалов.* М.: Наука, 1964. 404 с.
28. *Святыцкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания. Ч. 3. М.: Изд-во «Народ», 1921. 174 с.
29. *Социалистический вестник.* 1921. 21 августа.
30. *Тищенко Т.В.* Меньшевики в 1917–1921 годах. М.: МАДИ(ТУ), 1996. 206 с.
31. *Утро Москвы.* 1918. 9 сентября; 30 сентября.
32. *Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918.* Саратов: Приволжское изд-во, 1968. 419 с.

Literatura

1. *Bor'ba trudyashhixsya Orlovskoj gubernii za ustanovlenie Sovetskoj vlasti v 1917–1918 gg.:* sbornik dokumentov. Orel: Knizhnoe izd-vo, 1957. 326 s.
2. *Burzhuazny'e i melkoburzhuazny'e partii Rossii v Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojne: mat-ly' konfer.* / Pod red. V.V. Komina. M.: Kalinin: Izd-vo KGU, 1980. 155 s.
3. *Vsegda vpered.* M., 1919. 6 fevralya; 14 fevralya.
4. *Golionkov D.L.* Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR (1917–1925 gg.). M.: Politizdat, 1980. 736 s.
5. *Dekrety' Sovetskoj vlasti.* T. 4. M.: Politizdat, 1968. 731 s.
6. *Denikin A.* Poxod na Moskvu. (Ocherki russkoj smuty') // *Beloe dvizhenie: nachalo i konec.* M.: Moskovskij rabochij, 1990. S. 104–356.
7. *Dumova N.G.* Kadetskaya kontrrevolyuciya i ee razgrom (oktyabr' 1917–1920 gg.). M.: Nauka, 1982. 416 s.
8. *Ermanskij O.A.* Iz perezhitogo (1887–1922). M.; L.: Gosizdat, 1927. 204 s.
9. *Zarya.* Berlin, 1924. № 4.
10. *Izvestiya VCIK.* 1918. 18 sentyabrya.
11. *Izvestiya Oloneczkogo Ispolnitel'nogo komiteta.* 1918. 21 sentyabrya.

12. *Iroshkin M.P.* Predsedatel' Soveta narodny'x komissarov V.I. Ul'yanov (Lenin). Ocherki gosudarstvennoj deyatel'nosti v 1917–1918 gg. L.: Nauka, 1974. 448 s.
13. *Istoriya politicheskix partij Rossii*. M.: Vy'sshaya shkola, 1994. 447 s.
14. *Krasnaya kniga VChK*. 2-e izd. T. 1. M.: Politizdat, 1989. 415 s.: il.
15. *Lenin V.I.* Sobranie partijny'x rabotnikov v Moskve 18 noyabrya 1918 g. Doklad ob otnoshenii proletariata k melkoburzhuaznoj demokratii // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 37. M.: Politizdat, 1974. S. 207–224.
16. *Listovki moskovskoj organizacii bol'shevikov*. 1914–1925 gg. M.: Politizdat, 1954. 407 s.
17. *Majskij I.M.* Demokraticeskaya kontrevolyuciya. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. 360 s.
18. *Martov i ego blizkie: sbornik / Podgotovil G.Ya. Aranson*. N'yu-Jork, 1959. 170 s.
19. *Martov Yu.O.* Pis'ma. 1916–1922 / Red. i sost. Yu.G. Fel'shtinskij. Benson: Chalidze Publications, 1990. 328 s.
20. *Men'sheviki v bol'shevistskoj Rossii 1918–1924 // Men'sheviki v 1918 godu*. M.: ROSSPE'N, 1999. 799 s.
21. *Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii / Pod obshh. red. I.I. Mincza*. M.: My'sl', 1984. 565 s.
22. *Novaya e'ra, Vil'no*. 1919. 8 yanvarya.
23. *Partijnoe soveshhanie RSDRP*. 27 dekabrya – 1 yanvarya 1919 g. M., 1919. 63 s.
24. *Partiya men'shevikov posle Oktyabr'skoj revolyucii*. Odessa, 1920. 48 s.
25. *Proletarskaya revolyuciya*. 1919. № 10; 1923. № 10 (23).
26. *Proletariat*. 1918. № 3–4.
27. *Rabochij klass Sovetskoj Rossii v pervy'j god diktatury' proletariata: sbornik dokumentov i materialov*. M.: Nauka, 1964. 404 s.
28. *Svyaticzkij N.* K istorii Vserossijskogo Uchreditel'nogo sobraniya. Ch. 3. M.: Izd-vo «Narod», 1921. 174 s.
29. *Socialisticheskij vestnik*. 1921. 21 avgusta.
30. *Ticenko T.V.* Men'sheviki v 1917–1921 godax. M.: MADI(TU), 1996. 206 s.
31. *Utro Moskvyy'*. 1918. 9 sentyabrya; 30 sentyabrya.
32. *Xronika revolyucionny'x soby'tij v Saratovskom Povolzh'e*. 1917–1918. Saratov: Privolzhskoe izd-vo, 1968. 419 s.

G.G. Kasarov

Mensheviks in the Conditions of the Foreign Intervention and Russian Civil War in the Second Half of 1918

In the paper we analyzed the activity of Mensheviks in the period of the Russian civil war in the second half of 1918: the split in the ranks of Menshevik party, the exclusion of leaders who collaborated with the counter-revolutionary forces from its ranks. Special attention is paid to the leaders of Mensheviks who recognized the legitimacy of the October revolution and the Soviet government.

Keywords: civil war; Mensheviks; political activity.

Е.А. Карпов

Источники социально-демографических сведений о воспитанниках артиллерийских подготовительных училищ

В статье впервые приводится обзор и анализ доступных источников по социально-демографическому составу воспитанников артиллерийских подготовительных училищ, функционировавших в Советском Союзе в 1946–1955 годы, в том числе представлен подробный перечень фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, в котором содержится наибольшее количество указанных сведений.

Ключевые слова: артиллерийские подготовительные училища; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации; исторические источники советского периода; воинское обучение и воспитание в СССР.

Советский период отечественной истории, наиболее близкий нашим современникам, продолжает открывать свои неизвестные страницы.

К одной из них относится деятельность артиллерийских подготовительных училищ (далее — АПУ) — учебных заведений закрытого типа для подростков с военно-профессиональным уклоном, действовавших в 1946–1955 годы.

АПУ были созданы в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 10 июля 1946 года № 1532–680 сс «Об организации артиллерийских подготовительных училищ в системе Министерства вооруженных сил Союза ССР» с целью повышения качества подготовки кадров для комплектования артиллерийских училищ. Структурно АПУ находились в ведении Управления артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Вооруженных сил СССР (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 106 а. Д. 216. Л. 140–144).

Воспитанники АПУ проживали в интернатах и обучались по программам Министерства просвещения РСФСР за 8, 9 и 10 классы, получая бесплатно полное среднее образование¹. В учебный процесс была интегрирована военная подготовка, кульминацией которой являлись летние лагерные сборы для 8 и 9 классов с закреплением на практике военных навыков, в том числе по артиллерийскому делу. По окончании АПУ воспитанники в обязательном порядке направлялись для дальнейшего воинского обучения в артиллерийские училища.

¹ Платное полное среднее образование в СССР (за 8–10 классы) просуществовало с 1940 по 1956 г.

Система АПУ была представлена на территории РСФСР, УССР, БССР, Армянской ССР десятью училищами: 1 и 2 Московскими (далее — 1 и 2 МАПУ), Ленинградским (далее — ЛАПУ), Ростовским (далее — РАПУ), Киевским (далее — КАПУ), Харьковским (далее — ХАПУ), Одесским (далее — ОАПУ), Сталинским (далее — САПУ)², Ереванским (далее — ЕАПУ) и Минским (далее — МиАПУ) артиллерийскими подготовительными училищами.

Штатная численность каждого училища составляла 600 воспитанников, однако в связи с трудностями с размещением воспитанников их численность в САПУ и ЕАПУ ограничивалась 300 и 450 чел. (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363274. Д. 1. Л. 153; Оп. 363275. Д. 61. Л. 74; Оп. 363275. Д. 66. Л. 73).

Уже с 1948 года начинается процесс расформирования АПУ, который закончился ликвидацией в 1955 году 1 и 2 МАПУ и КАПУ. За время своей деятельности училища выпустили около 11 000 чел.

Одним из неизученных вопросов остается социально-демографический состав воспитанников АПУ, к которому могут быть отнесены возраст, национальность, социальный состав и происхождение, место жительства и т. д. Практически полное отсутствие на текущий момент исследований, посвященных даже училищам в целом, заставляет обратиться напрямую к источникам.

Необходимо отметить, что источники по проблематике не только не систематизированы, но и даже не перечислены где-либо. Если классифицировать их по носителям, то доступными для исследователей в настоящее время являются словесные и письменные источники.

К первым относятся еще не зафиксированные воспоминания бывших воспитанников АПУ, значительное число которых здравствует, а также офицеров и преподавателей, которых осталось гораздо меньше. Воспоминания первых по большей части, а воспоминания вторых практически абсолютно не зафиксированы, не систематизированы и не сведены. Вместе с тем сведения от людей, обучавшихся в АПУ и обеспечивавших их деятельность, могут стать значительным дополнением официальных данных и расширить их. Помочь с выявлением сведений могут различные общественные объединения бывших воспитанников АПУ.

Видами письменных источников являются мемуары и различные архивные фонды. Доступная мемуарная литература, содержащая в том числе сведения социально-демографического характера о воспитанниках АПУ, представлена четырехтомным сборником воспоминаний бывших воспитанников Ленинградского АПУ «Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны...» [5–6], изданным в 1996–2004 годы, а также четырехтомным сборником воспоминаний бывших воспитанников 1 МАПУ «Наша юность, любовь и память» [2–4] и сборником воспоминаний бывших воспитанников артиллерийских специальных школ и подготовительных училищ «Юные боги войны» [7], изданными в 2002–2011 годах и в 2006 году соответственно под общей редакцией Б.П. Сыченкова.

Кроме того, отдельные воспоминания бывших воспитанников появляются в периодической и книжной печати, а также в сети Интернет. Например,

² В 1961 г. город Сталино Украинской ССР переименован в Донецк.

в книге бывшего воспитанника 2 МАПУ Э.И. Буйновского «Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов» училищу посвящена отдельная глава [1: с. 19–34]. Мемориальный сайт Киевского АПУ, созданный бывшим воспитанником училища И.И. Канаевым, содержит в том числе мемуары с интересующей информацией и т. д. (Мемориальный сайт о Киевском артиллерийском подготовительном училище / сост. и ред. И.И. Канаев [М., 2005]. URL: <http://kievkapu.narod.ru>).

В целом большинство опубликованных воспоминаний содержат некоторые сведения о возрасте, происхождении, месте проживания респондентов на момент поступления в АПУ, составе семей, мотивации к поступлению в училище. Однако на основании воспоминаний можно составить лишь общее представление о контингенте воспитанников, к тому же данная информация по прошествии лет и под влиянием человеческого фактора может быть недостаточно объективна и нуждается в подтверждении официальными источниками.

Вместе с тем на основании мемуарных сборников 1 МАПУ и ЛАПУ как содержащих наибольшее количество доступных воспоминаний воспитанников отдельно взятого училища можно сделать важный вывод: наиболее распространенной причиной поступления в АПУ являлись тяжелое положение семьи, возможность получить полное среднее образование за государственный счет и проживать это время на государственном обеспечении (21 из 30 чел. и 16 из 16 чел. соответственно) [3: с. 5–111; 4: с. 5–265; 5: с. 7–333; 6: с. 37–338]³.

Высокая репрезентативность вывода подтверждается также воспоминаниями бывших воспитанников других АПУ и упоминаниями в документах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ) о мотивации воспитанников в разные периоды (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363275 с. Д. 1; Д. 54. Л. 244, 245).

Официальные документы по тематике АПУ содержатся в федеральных и ведомственных архивах. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 5446 протоколов и постановлений Совета народных комиссаров и Совета министров СССР за 1923–1950 годы хранятся постановления о формировании системы АПУ и ликвидации некоторых из них (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 106 с. Д. 405. Л. 113). В Российском государственном военном архиве Российской Федерации могут содержаться закрытые нормативные правовые акты Военного министра СССР о расформировании некоторых АПУ. Кроме того, в данных федеральных архивах находится закрытая переписка по указанным вопросам, которая, возможно, включает некоторые интересующие сведения.

Наиболее информативными и доступными являются документы фондов ЦАМО РФ, содержащие сведения социально-демографического характера о воспитанниках. Они представлены в фондах каждого из АПУ, Главного организационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР,

³ В статье приведены результаты анализа первых двух частей воспоминаний бывших воспитанников ЛАПУ «Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны...» [5].

Управления артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР (далее — УАВУЗ). Специфика ЦАМО РФ не предусматривает каких-либо путеводителей по фондам, поэтому данная статья может быть полезна в качестве справочной тем, кто пожелает работать с документами АПУ непосредственно в архиве.

Фонды каждого училища — № 60173а (1 МАПУ), № 60174 (2 МАПУ), № 60170 (ЛАПУ), № 60183 (РАПУ), № 60162 (КАПУ), № 60176 (ОАПУ), № 60197 (ХАПУ), № 60190 (САПУ), № 60173 (МиАПУ), № 60157 (ЕАПУ) — включают в себя исторические формуляры, приказы по каждому из училищ за весь период деятельности, а также книги выдачи золотых и серебряных медалей, аттестатов зрелости воспитанников, окончивших обучение в АПУ, алфавитные книги и книги учета воспитанников, штатно-должностные книги офицерского состава, протоколы заседаний первичных партийных организаций и комсомольских конференций и т. д. Формально документы указанных фондов рассекречены в 2013–2014 годах. Фактический доступ к фондам был открыт ранее.

В части социально-демографических данных наибольший интерес представляют книги учета воспитанников, в которых указаны, как правило, все интересующие сведения на каждого: год рождения, национальность, информация о зачислении, окончании либо отчислении из АПУ, социальное происхождение, последнее место жительства и место рождения, сведения об образовании до училища, данные о родителях либо об опекунах. На их основании можно создать представление о социально-демографическом составе отдельно взятого училища. Работа по формированию общей картины по всем АПУ будет не только трудоемка, но и затруднительна из-за отсутствия книг учета воспитанников в фондах некоторых училищ.

В качестве дополнения к указанным данным могут выступить сведения о возрасте вновь набранных воспитанников и выпускников, иногда о количестве сирот и имеющих одного родителя, содержащиеся также в фондах училищ. Кроме того, можно найти социально-биографические сводки на отдельных воспитанников с приложением характеристик, что, как правило, связано с чрезвычайными случаями. Указанные сведения разрозненны, сохранились частично, содержатся в основном в отдельных приказах за различные годы по каждому из училищ и в переписке с УАВУЗ, фрагментарно присутствуют в исторических формулярах. Их целенаправленный поиск затруднен из-за больших объемов фондов каждого АПУ.

Некоторые социально-демографические сведения также могут находиться в фонде № 7 ЦАМО РФ, содержащем директивы Главного организационного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР и переписку между различными управлениями и руководителями Вооруженных Сил СССР по вопросам, изложенным в этих директивах. Например, из документов фонда известно, что по состоянию на февраль 1949 года в АПУ сиротами были 1/2 от общего числа воспитанников в 4,8 тыс. чел., детьми офицеров и генералов были менее 1/5 всех воспитанников (ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 178673. Д. 510. Л. 301). Работа с фондом осложнена тем, что часть документов

за период 1946–1955 годов находятся в стадии рассекречивания, остальные предоставляются для работы под запрос конкретного документа.

Кроме того, можно предположить, что какие-то интересующие сведения о воспитанниках АПУ могут находиться среди документов аппарата командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР за вторую половину 1940-х – начала 1950-х годов, а также среди переписки по подготовке приказов министра Вооруженных Сил СССР (с 1950 года Военного министра) по закрытию действующих АПУ в период 1953–1955 годов.

Наиболее содержателен фонд № 36 ЦАМО РФ, в котором собраны документы Управления артиллерийских военно-учебных заведений в аппарате командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР, в ведении которого находились АПУ. Помимо переписки с артиллерийскими военными училищами фонд содержит директивы и распоряжения УАВУЗ для АПУ за 1947, 1948 и 1950 годы, переписку с каждым из АПУ за 1947–1951 годы, акты УАВУЗ об инспектировании АПУ за 1950–1952 годы, отчеты каждого АПУ за учебный год и т. д. К сожалению, документы сохранились только за указанные периоды. Гриф секретности с них был снят не так давно, в 2007 году, исследователи с ними еще не работали.

Наиболее информативными из фонда № 36 являются статистические таблицы, представляемые каждым АПУ в УАВУЗ о всех воспитанниках училища ежеквартально, по особой форме, начиная с 1947 года. Форма, получившая в 1948 году наименование № 2 «Справочные данные о переменном составе и комплектации артиллерийского подготовительного училища», включала в себя следующие социально-демографические категории: год рождения воспитанников, их национальный и социальный состав, сведения о членстве в ВЛКСМ, о социальном происхождении (не всегда), о месте получения обязательного неполного (7-классного) среднего образования (не всегда), сведения о месте проживания родителей и об изучаемом иностранном языке (не всегда). Кроме того, в форме приведены сведения о фактической комплектации училища постоянным и переменным составом сравнительно со штатной численностью (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363274. Д. 55. Л. 94; Д. 57. Л. 125; Д. 61. Л. 102–192; Д. 62. Л. 167–168; Д. 65. Л. 24, 135–137; Д. 68. Л. 38, 111–113, 126, 126 об.; Д. 70. Л. 104, 141–143; Д. 73. Л. 155–156; Д. 78. Л. 6, 7, 7 об, 152; Оп. 363275 с. Д. 51. Л. 284, 285; Д. 53. Л. 152; Д. 54. Л. 246, 249; Д. 57. Л. 19, 21, 55; Д. 59. Л. 19–21; Д. 64. Л. 245, 246; Д. 66. Л. 95–97; Д. 67. Л. 249–253; Оп. 363276 с. Д. 18. Л. 195, 196; Оп. 74380 сс. Д. 43. Л. 87; Оп. 170511 сс. Д. 13. Л. 64).

Категория социального состава включала в себя численность воспитанников-сирот, воспитанников, не имеющих одного родителя, сыновей генералов и офицеров, сыновей отцов, погибших на фронте, прочих, а также воспитанников — участников Великой Отечественной войны и имеющих награды.

Категория социального происхождения воспитанников включала в себя численность сыновей рабочих, колхозников, служащих, единоличников, офицеров, генералов.

Места получения воспитанниками обязательного неполного среднего 7-классного образования включали в себя столичные, областные, районные центры, сельскую местность.

Места проживания родителей включали в себя город, область, либо республику, в которых расположено училище, а также проживание вне указанной республики.

Данные приведены как за классную параллель в целом за 8, 9 и 10 классы, так и суммарно по училищу. Сведения о воспитанниках по форме № 2 хоть и сохранились по всем училищам, однако указаны не за все годы и не за все кварталы. Тем не менее на основании имеющихся данных можно сделать следующие выводы.

По возрастному составу в АПУ, по крайней мере до 1952 года, обучались воспитанники-переростки. На момент выпуска им было по 19, 20 и даже 21 год, особенно в первые годы работы АПУ, тогда как 17- и 18-летние были в меньшинстве. Далекое не школьный возраст многих воспитанников объясняется их нахождением в оккупации, работой для фронта в тылу и, как следствие, перерывом в учебе в годы войны.

По национальному составу абсолютное большинство воспитанников составляли русские. Это касалось не только училищ, расположенных на территории РСФСР, где русские были в подавляющем большинстве, но также и МиАПУ и ЕАПУ. Максимальное число белорусов в первом не превышало 153 чел. (в 1948–1949 уч. г.), а армян во втором — 77 чел. (в 1947–1948 уч. г.), при этом русских в указанный период обучалось 326 и 305 чел. соответственно.

Вторая по численности национальная группа — украинцы. В АПУ, расположенных на территории УССР, в разные годы они составляли большинство либо уступали по численности русским, которые составляли от 1/3 до 1/2 и более всех воспитанников. Так, в КАПУ максимальная известная численность украинцев составляла 308 чел. при 192 русских (1948–1949 уч. г.), в ХАПУ — 252 чел. при 282 русских (1947–1948 уч. г.), в ОАПУ — 247 чел. при 290 русских (1949–1950 уч. г.), в САПУ — 97 чел. при 180 русских (1947–1948 уч. г.). В училищах на территории РСФСР, БССР и Армянской ССР численность украинцев была незначительна по отношению к общему количеству воспитанников.

Третья по численности национальность, широко представленная во всех училищах, в том числе за пределами УССР, — евреи. Максимальная зафиксированная численность евреев была в 1948–1949 уч. г. в КАПУ — 85 чел. В ряде училищ за пределами УССР в разные годы их было почти столько же, сколько украинцев, или даже больше. Например, в 1 МАПУ в 1948–1949 уч. г. обучалось 25 евреев и 19 украинцев, в РАПУ в 1948–1949 уч. г. — 11 евреев и 30 украинцев, в МиАПУ в 1948–1949 уч. г. — 71 еврей и 34 украинца.

В разное время в АПУ также обучалось незначительное количество белорусов, грузин, азербайджанцев, татар, осетин, мордвинов, башкир, якутов, таджиков, латышей, литовцев, адыгейцев, казахов, узбеков. Кроме того, среди воспитанников были поляки, болгары, корейцы, финны, ассирийцы, греки и дети испанских революционеров.

Подавляющее большинство воспитанников, $\frac{3}{4}$ от всего состава и более, являлись членами ВЛКСМ. Максимальное зафиксированное количество комсомольцев было в МиАПУ в 1948–1949 уч. г. — 483 чел. из 622 воспитанников.

По социальному составу примерно до $\frac{1}{10}$ воспитанников каждого училища составляли сироты. Максимальное зафиксированное количество сирот в КАПУ в 1951–1952 уч. г. — 79 чел. из 592 чел. Воспитанники, не имеющие одного родителя, составляли от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ из общего количества. Максимальное зафиксированное количество полусирот в 1 МАПУ в 1949–1950 уч. г. — 283 чел. из 600 воспитанников. У большинства из них отцы погибли на фронте. Максимальное зафиксированное количество воспитанников, у которых на войне погибли отцы, в КАПУ в 1948–1949 уч. г. — 223 чел. из 277 полусирот на 600 воспитанников.

Воспитанников — участников войны редко было более 10 чел., а имеющих награды — более 15 чел. Все они упоминаются в отчетах только за 1947–1949 годы.

Сведения о социальном происхождении, месте получения обязательного 7-классного образования и месте проживания родителей, а также об изучаемом иностранном языке представлены крайне фрагментарно, даже за небольшой период 1947–1951 годов по каждому из училищ упоминаются за один-два года. Вследствие этого затруднительно делать обобщенные выводы. Тем не менее на основании имеющихся данных можно предположить, что большинство, от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ воспитанников, были сыновьями служащих, до $\frac{1}{3}$ — сыновьями рабочих, от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{6}$ и более — сыновьями колхозников. Дети офицеров и генералов в разное время являлись от $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{6}$ и более воспитанников. В качестве сына единоличника зафиксирован только один воспитанник.

Закончили обязательные семь классов, а зачастую и постоянно проживали: в столичных центрах (очевидно, что в союзных и республиканских) — от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ всех воспитанников в ЛАПУ и 1 и 2 МАПУ соответственно, менее $\frac{1}{100}$ — в ОАПУ, ХАПУ, МиАПУ. Учились ранее в областных центрах в среднем $\frac{1}{4}$ всех воспитанников. Закончили семь классов в районных центрах приблизительно $\frac{1}{3}$ от всех воспитанников, а в сельской местности менее $\frac{1}{6}$. При этом, судя по всему, последних было больше всего в ХАПУ — более $\frac{1}{3}$ от общего числа воспитанников в 1947–1948 и 1948–1949 уч. г.

По месту проживания родителей можно установить территориальное происхождение воспитанников. В городе расположения училища проживало примерно от $\frac{1}{6}$ (ОАПУ, МиАПУ) до $\frac{1}{2}$ и более воспитанников (1 МАПУ, 2 МАПУ, ЛАПУ, ХАПУ). В области расположения училища проживало в разное время от $\frac{1}{10}$ (ЛАПУ, МиАПУ, ЕАПУ) до $\frac{1}{6}$ (КАПУ, ОАПУ) и $\frac{1}{3}$ воспитанников (1 МАПУ, РАПУ). Вне территории республики, в которой расположено училище, в разное время проживало в среднем от $\frac{1}{10}$ и до $\frac{1}{3}$ воспитанников. В ЕАПУ их было более $\frac{1}{2}$.

Помимо сведений по форме № 2 переписка УАВУЗ с АПУ также содержит социально-биографические справки и характеристики на наиболее проблемных воспитанников, в том числе отстающих, совершивших серьезные

дисциплинарные проступки, имеющих проблемы со здоровьем и с социальным происхождением, а также социально-биографические справки на советских «иностранцев», проверяемых «контрольными органами», — воспитанников польской, болгарской, ассирийской, корейской, греческой, испанской национальностей, которые имели советское гражданство. Указанные справки направлялись в УАВУЗ нерегулярно, по мере необходимости.

Также в переписке с некоторыми из АПУ приведены сведения о количестве вновь поступивших воспитанников с указанием года рождения, а также в какой из территориальных общностей они закончили школу — в городе или на селе, и сведения о распределении выпускников по артиллерийским училищам с указанием года рождения. Обозначенные сведения фрагментарны, сохранились не по всем училищам и не за все годы.

В директивах и распоряжениях УАВУЗ для АПУ имеются косвенные сведения о возрастном составе вновь принимаемых воспитанников, например сведения об ограничении в приеме в восьмые классы сирот 17 лет (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 363275. Д. 2. Л. 25).

В заключение можно констатировать, что наиболее содержательными и репрезентативными источниками социально-демографических сведений о воспитанниках АПУ являются статистические таблицы, составленные по форме № 2, охватывающие всех воспитанников всех десяти училищ за период 1947–1951 годов и находящиеся в фонде № 36 ЦАМО РФ. Наиболее подробные сведения по каждому воспитаннику содержатся в книгах учета воспитанников в фондах каждого из АПУ в ЦАМО РФ.

Известные сведения из других источников, в том числе архивных фондов и мемуарной литературы, выступают в качестве дополнения и подтверждения указанных данных и помогают сформировать более глубокое представление о предмете изучения. К наиболее достоверным сведениям могут быть отнесены письменные архивные источники ввиду их условной беспристрастности.

Все рассмотренные источники позволяют в целом составить антропологический и социальный срез мужской части поколения, пережившего в подростковом возрасте войну и во многом определившего формирование и жизнь советского социума 1960–1980-х годов.

Литература

1. Буйновский Э.И. Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов. М.: Молодая гвардия, 2004. 311 с.
2. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище. (1946–1955 гг.) / В.В. Круглов, Б.П. Сыченков [и др]. Ч. 1: История. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2002. 280 с.
3. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище. (1946–1955 гг.) / В.В. Круглов, Б.П. Сыченков [и др]. Ч. 2: Воспоминания. Кн. 2. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2003. 266 с.

4. Наша юность, любовь и память. Историко-мемуарный сборник о 1 Московском артиллерийском подготовительном училище. (1946–1955 гг.) / В.В. Круглов, Б.П. Сыченков [и др]. Ч. 2: Воспоминания. Кн. 2. М.: Информационно-издательский центр «ДС», 2003. 211 с.

5. Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны... Воспитанники. Курсанты. Офицеры / С.И. Кондратенко, О.И. Синицкий, Ю.К. Цуков [и др]. Ч. 1. М.: Ассоциация «Интердрейдинг», 1996. 408 с.

6. Не зря надели мы, друзья, артиллерийские погоны... Воспитанники. Курсанты. Офицеры / С.И. Кондратенко, О.И. Синицкий, Ю.К. Цуков [и др]. Ч. 2. М.: Ассоциация «Интердрейдинг», 1996. 416 с.

7. *Сыченков Б.П.* Юные боги войны. Краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. М.: Голос-Пресс, 2006. 380 с.

Literatura

1. *Bujnovskij E'.I.* Povsednevnyaya zhizn' pervy'x raketnikov i kosmonavtov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 311 s.

2. Nasha yunost', lyubov' i pamyat'. Istoriko-memuarny'j sbornik o 1 Moskovskom artillerijskom podgotovitel'nom uchilishhe. (1946–1955 gg.) / V.V. Kruglov, B.P. Sy'chenkov [i dr]. Ch. 1: Istoriya. M.: Informacionno-izdatel'skij centr «DS», 2002. 280 s.

3. Nasha yunost', lyubov' i pamyat'. Istoriko-memuarny'j sbornik o 1 Moskovskom artillerijskom podgotovitel'nom uchilishhe. (1946–1955 gg.) / V.V. Kruglov, B.P. Sy'chenkov [i dr]. Ch. 2: Vospominaniya. Kn. 2. M.: Informacionno-izdatel'skij centr «DS», 2003. 266 s.

4. Nasha yunost', lyubov' i pamyat'. Istoriko-memuarny'j sbornik o 1 Moskovskom artillerijskom podgotovitel'nom uchilishhe. (1946–1955 gg.) / V.V. Kruglov, B.P. Sy'chenkov [i dr]. Ch. 2: Vospominaniya. Kn. 2. M.: Informacionno-izdatel'skij centr «DS», 2003. 211 s.

5. Ne zrya nadel'ny my', druž'ya, artillerijskie pogony'... Vospitanniki. Kursanty'. Oficery' / S.I. Kondratenko, O.I. Siniczkiy, Yu.K. Czukov [i dr]. Ch. 1. M.: Associaciya «Interdrejding», 1996. 408 s.

6. Ne zrya nadel'ny my', druž'ya, artillerijskie pogony'... Vospitanniki. Kursanty'. Oficery' / S.I. Kondratenko, O.I. Siniczkiy, Yu.K. Czukov [i dr]. Ch. 2. M.: Associaciya «Interdrejding», 1996. 416 s.

7. *Sy'chenkov B.P.* Yuny'e bogi vojny'. Kratkaya istoriya srednix voenno-uchebny'x zavedenij Sovetskogo Soyuza. M.: Golos-Press, 2006. 380 s.

E.A. Karpov

The Sources of Social and Demographic Information about Pupils of Artillery Preparatory Schools

The article for the first time provides an overview and analysis of the available sources on the social and demographic composition of pupils of artillery preparatory schools, which functioned in the Soviet Union in 1946–1955. The author also presents a detailed list of the archives of the Central archive of the Ministry of defence of the Russian Federation, which contains the greatest quantity of these data.

Keywords: artillery preparatory schools; Central archive of the Ministry of defence of the Russian Federation; historical sources of the Soviet period; military training and education in the USSR.

А.В. Латышев

Работа политотделов в проверочно-фильтрационных (специальных) лагерях НКВД (январь 1942 – май 1945 года)

В статье на основе архивных материалов рассматриваются главные направления, цели и методы работы политических отделов фильтрационных лагерей на разных этапах войны.

Ключевые слова: фильтрация; фильтрационные лагеря; принудительный труд; НКВД; пропаганда; Великая Отечественная война.

Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (ПФЛ, до 1945 года — спецлагеря) были созданы в начале 1942 года для проверки военнослужащих Красной армии, побывавших в плену или на оккупированной территории. Несмотря на рост числа исследований [6; 7; 9], работа ПФЛ все еще недостаточно изучена. Жесткий подход власти к «бывшим военнослужащим» часто связывается с политическим недоверием к ним, однако вопрос об идеологической подоплеке событий в историографии разработан слабо. Пока ему посвящена только одна статья [3].

Цель данного исследования — выяснить задачи, формы, содержание и результаты идеологической работы в ПФЛ. Вопрос актуален в связи с особым положением проверяемых. В большинстве своем они успешно проходили фильтрацию, но в ходе самой проверки имели неопределенный статус. Соответственно и пропаганда в ПФЛ имела особенности по сравнению с воинскими частями или лагерями ГУЛАГа. В конечном итоге рассмотрение политработы в ПФЛ должно дать новую информацию об отношении власти к бывшим военнопленным и окруженцам.

Непосредственно идеологической работой с контингентом занимались политические отделы ПФЛ, подчиненные политотделам Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), позже — отдела специальных/проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР. Основу исследования составила документация этих организаций, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА) и Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО).

Прибывшие в ПФЛ в начале 1942 года военнослужащие не считали фильтрацию в лагере очевидной необходимостью. Они демонстрировали «нездоровые

настроения и необоснованное недовольство», рассматривая проверку за колючей проволокой как «незаслуженное наказание» [5: с. 161]. Для организации эффективной охраны не хватало ни кадров, ни оружия, поэтому удержать людей только силой было невозможно. Необходимость поддержания дисциплины и предотвращения побегов требовали от политотдельцев дать проверяемым ответ на вопрос о целях проверки.

Однако ответа не было. Занимавшиеся фильтрацией особые отделы ПФЛ получили предельно общие указания о ее задачах. Историки не располагают более детальными инструкциями, а доступная документация не позволяет предположить их наличие [8: с. 463–466]. Никаких официальных обвинений проверяемым не предъявлялось. Фильтрацией в ПФЛ занимались только особые отделы, а затем сменившие их управления контрразведки СМЕРШ. Остальной лагерный персонал никакого влияния на ход проверки не оказывал. Хозяйственная администрация, к которой относились и политотделы, не получила никаких разъяснений о конечной цели своей работы и существования сети ПФЛ.

Общеизвестны пропагандистские установки о недопустимости попадания советского солдата в плен. Но для обоснования проверки они были непригодны. Ведь в ПФЛ было много и никогда не бывших в плену «окруженцев». В послевоенном докладе начальника УПВИ И.А. Петрова фигурируют темы политзанятий, прямо не касавшиеся плена и окружения, но косвенно внушавшие чувство вины. Например, «Герои Красной армии — образец выполнения священного долга перед Родиной» и пр. (РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 136). Однако в низовых документах мы не встречаем и их. Подбор фильмов, книг, тем для бесед не позволяет говорить о внушении проверяемым чувства вины посредством осуждения плена или окружения. Политработники «давили на совесть», только когда в лагере оставалось небольшое количество контингента, «сомнительного», по мнению сотрудников особых отделов. В таких случаях политработа имела целью «добиться чистосердечного и искреннего признания в своих проступках у следователя. Нечестность, неискренность — тягчайшее преступление перед родиной» (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 36. Л. 46–52).

В остальное время внятного обоснования необходимости содержания проверяемых в лагере политотделы дать не могли. Им оставалось лишь подчеркивать конечность проверки. Так, в лагере № 150 устраивались торжественные митинги при отправке партий проверенных военнослужащих на фронт (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 33). В связи с этим можно рассматривать и поднятый, практически сразу после создания ПФЛ, вопрос о партийности проверяемых. Его решение должно было подчеркнуть временность их неопределенного статуса. Однако на инициативу создания партийной организации из проверяемых начальник УПВИ отреагировал раздраженно: «Такую организацию запретить» (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 6–8).

Разрешению вопроса о партийности мешала общая идеологическая обстановка. В массовом сознании плен считался проступком, равно как и любое другое временное прекращение вооруженной борьбы. Радикальные лозунги начала войны («Воин Красной Армии в плен не сдается» [1: с. 18, 37–39])

укрепляли стереотипы. Отсутствие у отдельного проверяемого чувства вины лишь усиливало психологическое давление — осознание собственной невиновности не мешало подозревать в измене соседей по лагерным нарам. Так, атмосферу в Гороховецком спецлагере в тот период один из проверяемых назвал «очень тяжелой и довольно зловещей» [2].

Неизбежным следствием стали самоубийства, нарушения дисциплины и рост апатии. Ответом политотделов стала активная борьба за «здоровое настроение» контингента. Главным здесь было не сделать хуже. Беседы и лекции готовились на основе статей периодики, требовавших отбора. Так, материалы о борьбе до последней капли крови предполагали, что героическая смерть является единственной альтернативой плену [10: р. 236, 237, 270]. В литературных произведениях плен открыто стигматизировался («Наука ненависти» М.А. Шолохова, «Радуга» В.Л. Василевской, «Семья Тараса» Б.Л. Горбатого). Темы докладов и бесед в ПФЛ говорят о том, что политотделы старались не использовать сюжеты, прямо или косвенно связанные с пленом и окружением.

Инструментом компенсации нездорового морального климата была культурно-массовая работа. Политотделы организовывали среди проверяемых кружки, спортивные соревнования, концерты художественной самодеятельности. В каждом лагере имелаась библиотека. С проверяемыми проводились ежедневные беседы и лекции, вещало радио, показывались кинокартины. Передовицы газет зачитывались проходившими проверку политработниками. Вовлечение проверяемых в советское информационное поле происходило безболезненно. Они не выказывали «антисоветских настроений», не «восхваляли немецкое оружие» и не задавали неудобных вопросов. Проще говоря, не были «отравлены немецкой пропагандой». Встречающиеся в отчетах фразы о некой идеологической перековке подпавших под вражеское влияние носят, очевидно, ритуальный характер.

Одним из требований к политорганам было исключение в общении лагерного персонала с проверяемыми «доверчивости и панибратства», особенно при конвоировании (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 24–26). На партийных собраниях активно порицалась «связь со спецконтингентом», чаще всего означавшая обмен одеждой, махоркой, продуктами. При этом одновременно не допускалось и некорректное обращение с «бывшими военными служащими»

Подобная двойственность в период развертывания сети ПФЛ в 1942 году была характерна для всей работы политотделов. Людей стремились ободрить, но не настолько, чтобы они сомневались в целесообразности их содержания в лагере. Проверяемых информировали о текущих событиях и идеологическом курсе, обходя тему плена и окружения. Им объясняли необходимость ограничения свободы, стремясь не вызвать чувство вины и обреченности.

Ситуация серьезно изменилась весной 1943 года с началом массового использования проверяемых в качестве рабочей силы на промышленных объектах. На этом этапе хозяйственная администрация ПФЛ обрела ясную цель — обеспечить рост производственных показателей. Политработе здесь отводилась ключевая роль, так как весь трудовой процесс зиждился на сознательности проверяемых. Репрессии в отношении отказников и лодырей

были признаны неэффективными. Так, наказание арестом отрывало рабочего от производства, поэтому в лагере № 0303 в большинстве случаев «ограничивались беседой с личным выговором» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 36. Л. 26 об.). Причиной либеральной политики во многих других ПФЛ было отсутствие помещений под карцер и гауптвахту. Поэтому политотделы в тесной кооперации с плановиками бились за трудовые показатели с помощью новых методов: пропаганды ударничества, организации соцсоревнований, досок почета стахановцев, вручения переходящих красных знамен и т. д. Тексты социалистических обязательств и вызовов на соревнования, равно как и речи проверяемых на митингах, готовились в лагерных политотделах.

Теперь от попавших в ПФЛ требовалось не просто смириться с проверкой в лагере, но и работать по 11 часов в сутки. Нехватка рабочей силы в стране привела к искусственному затягиванию фильтрации и содержанию в спецлагерях давно проверенных людей. Росло недовольство среди проводивших в ПФЛ год и более, зачастую безо всякого внимания к ним со стороны контрразведки. «Срок заключения никому не известен, а это не легче расстрела», — жаловался один из них (РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 82. Л. 7.). Если раньше из ПФЛ бежали к семьям, то теперь беглецы пытались попасть на фронт. В этих условиях от политотделов требовалось объяснить стремящимся на передовую отличие их труда от наказания, а самих проверяемых — от заключенных.

Но как удержать их в лагере, когда под Курском и на Днепре решается судьба страны? С одной стороны, проверяемым начинает внушаться чувство вины: «...спецконтингенту повседневно разъясняется, что прошлые ошибки они могут загладить только самоотверженным трудом по производству вооружения для Красной армии, что производственные показатели имеют для них решающее значение». Однако «прошлые ошибки» признавали далеко не все. Поэтому в пропаганде также активно подчеркивается идея о прямой связи труда в тылу с войной на фронте. Проверяемым разъяснялось, что «своей хорошей работой на производстве они активно участвуют в наступлении Красной армии». Непосредственное участие «спецконтингента» в уничтожении врага должна была обеспечить построенная на его средства боевая техника. В лагере № 0303 собирали деньги на самолет «Смерть Гитлеру», в № 240 — на танковую колонну «Возрождаемый Донбасс» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 6. Л. 15; Д. 38. Л. 29; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Ч. 1. Д. 53. Л. 4).

Эти меры имели результат: «повысилась сознательность рабочих, каждый стал понимать, что его труд на заводе — это также наступление на врага». Однако для надежности администрация принимала меры по приданию составу «спецконтингента» однородности. Злостных «лодырей» отправляли в «штрафную шахту», неудержимо стремившихся на фронт просили у начальства разрешения отправить в военкоматы (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 40. Л. 17, 20–21 об.). В обоих случаях речь шла о небольших группах, выбытие которых можно было компенсировать за счет новой партии людей. Не решаемой на уровне отдельного лагеря проблемой были офицеры. Они имели право не работать и тем портили все производственные показатели. Вопрос

был решен радикально: с августа 1943 года приказом наркома обороны из них создавались отдельные штурмовые стрелковые батальоны для использования «на наиболее активных участках фронта» [4: с. 421–424].

Основная же масса проверяемых попала в ПФЛ надолго. Их неопределенный социальный статус не лучшим образом сказывался на настроениях, а значит, и на производительности труда. Не могло не вызвать вопросов о дальнейшей судьбе соседство с начавшими поступать в ПФЛ коллаборационистами. Вопрос о статусе остро стоял и при контактах с вольнонаемными рабочими. От политотделов требовалось как-то обозначить социальное положение, занимаемое «бывшими военнослужащими».

Для пограничного состояния проверяемых в ПФЛ № 0303 было введено обозначение «рабочие-военнослужащие». Его внедрение должно было также окончательно отделить содержащихся в ПФЛ от вооруженных сил. Это подчеркивалось в первомаяской речи одного из проверяемых: «Красная армия вызволила нас из фашистской неволи, и мы ей обязаны. Мы должны помогать Красной армии» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 40. Л. 49 об.). Одновременно не прекращались попытки, к началу 1944 года увенчавшиеся успехом, решить вопрос о восстановлении содержащихся в ПФЛ в партии. Причем партийные комиссии в ходе своей работы оказывали помощь СМЕРШу в фильтрации, выясняя обстоятельства утраты партийных документов (ГАРФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 11. Л. 17). Характерно, что прошедшие такую двойную проверку включались в парторганизации не лагерей, а производственных объектов.

По мере того как грань между «рабочими-военнослужащими» и вольнонаемными рабочими стремительно стиралась, всё острее воспринимались режимные ограничения. Больше всего уже проверенных, особенно стахановцев, огорчало наличие конвоя. В Подольском ПФЛ № 174 «отдельные бывшие военнослужащие прямо ставят вопрос, если меня считают виновным, пусть судят, а не чувствуя за собой никакой вины — я не хочу под конвоем работать и жить» (ЦГАМО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 27). В борьбе за здоровый настрой политотделы при активной поддержке хозорганов добивались расконвоирования самых усердных тружеников и предоставления им отпусков (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 6. Л. 16; Д. 13. Л. 158). Центр санкционировал послабления для небольших групп, но отвергал идущие снизу предложения превратить эти исключения в общее правило. Внимание политотделов к вопросам режима объясняется невозможностью далее поддерживать здоровый дух в среде проверяемых с помощью культурно-массовой работы. Тяжелый труд не оставлял на нее времени и сил.

Итак, деятельность политических отделов ПФЛ по идеологическому обслуживанию проверяемых военнослужащих хронологически может быть разделена на два этапа. Первый охватывает период с 1942 до весны 1943 года. В течение него главной целью политработы было обоснование необходимости проверки военнослужащих в лагере. В связи с этим ставилась задача поддержания здорового морального состояния проверяемых, регламентировались отношения между ними и персоналом лагерей. По форме деятельность политотделов слабо отличалась от политработы в воинских частях. Специфичным было ее содержание — темы

плена и окружения не затрагивались. Результаты идеологического воздействия на этом этапе противоречивы. С одной стороны, удалось не допустить массовых побегов, с другой — ответ на вопрос о необходимости проверки не был дан.

Второй этап работы политотделов в ПФЛ начинается весной 1943-го и заканчивается весной 1945 года. Главной целью идеологического воздействия стало обоснование не только фильтрации, но и трудового использования проверяемых. В связи с этим меняется содержание пропаганды: проверяемым начинает внушаться чувство вины, искупить которую можно только через труд. Формы политработы также приобретают «производственный» характер. Итогом идеологической работы на этом этапе стал добросовестный труд основной массы проверяемых. Производительность труда, по официальным отчетам, неуклонно росла, а наркоматы выстраивались в очередь на получение хотя бы нескольких сотен «человек спецконтингента».

В итоге, рассмотрение идеологической работы в 1942–1945 годах не позволяет говорить о выражении к попавшим в спецлагеря политического недоверия. Отношение власти к «бывшим военнослужащим», судя по направленной на них пропаганде, было прагматично-утилитарным. Отсутствие указаний центра о ведении политработы позволяет предположить, что она в значительной степени была отдана на откуп политотделам отдельных лагерей. Характер идеологического воздействия изначально определялся задачами режима, проверки и трудового использования в ПФЛ. Однако особый, неопределенный статус проверяемых и нехватка ресурсов для организации строгого режима привели к тому, что политработа стала самостоятельным фактором жизни ПФЛ. Без идеологического воздействия были невозможны ни поддержание дисциплины на первом этапе, ни рост производственных показателей на втором. Таким образом, политотделы играли во многом определяющую роль в обеспечении функционирования спецлагерей.

Литература

1. Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Терра, 1996. 586 с.
2. Воспоминания Эммануила Иосифовича Фридмана. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/fridman-emmanuil-iosifovich> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Гаевская Ж.Ю. Влияние идеологического фактора на эффективность выполняемых спецконтингентом работ по восстановлению Сталинграда // Ключевские чтения – 2011. Т. 1. М.: Спутник+, 2011. С. 297–300.
4. Дембицкий Н.П. Плен — трагедия миллионов советских бойцов и командиров, 1941–1945 гг. М.: Изд-во Института современной экономики, 2010. 512 с.
5. Докладная записка о командировке в рязанские спецлагеря НКВД. 3 марта 1942 г. // Военно-исторический архив. 2004. № 1. С. 158–161.
6. Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.
7. Рябова А.В. Изучение проблемы «фильтрации» советских граждан в 1940–1950-е годы в отечественной историографии // Вестник Новосибирского государ-

ственного университета (НГУ). Серия: История. Филология. Новосибирск, 2008. Т. 7. Вып. 1. С. 193–197.

8. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск: Республика, 1999. 340 с.

9. *Шевченко В.В.* Власть и бывшие военнопленные в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 26–30.

10. *Berkhoff Karel C.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. London: Harvard University press, 2012. 406 p.

Literatura

1. Velikaya Otechestvennaya. T. 17–6 (1–2). Glavnye politicheskie organy Vooruzhenny'x Sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. M.: Terra, 1996. 586 s.

2. Vospominaniya E'mmanuila Iosifovicha Fridmana. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/fridman-emmanuil-iosifovich> (data obrashheniya: 24.02.2015).

3. *Gaevskaya Zh.Yu.* Vliyanie ideologicheskogo faktora na e'ffektivnost' vy'polnyaemy'x speczkontingentom rabot po vosstanovleniyu Stalingrada // Klyuchevskie chteniya – 2011. T. 1. M.: Sputnik+, 2011. S. 297–300.

4. *Dembiczkiy N.P.* Plen — tragediya millionov sovetskix bojcov i komandirov, 1941–1945 gg. M.: Izd-vo Instituta sovremennoj e'konomiki, 2010. 512 s.

5. Dokladnaya zapiska o komandirovke v ryazanskie speczlagerya NKVD. 3 marta 1942 g. // Voенно-istoricheskij arxiv. 2004. № 1. S. 158–161.

6. *Kuz'miny'x A.L., Starostin S.I.* Speclagerya dlya by'vshix voennosluzhashhix Krasnoj armii, nachodivshixsya v plenu i okruzhenii protivnika // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 48–53.

7. *Ryabova A.V.* Izuchenie problemy' «fil'tracii» sovetskix grazhdan v 1940–1950-e gody' v otechestvennoj istoriografii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (NGU). Seriya: Istoriya. Filologiya. Novosibirsk, 2008. T. 7. Вып. 1. S. 193–197.

8. Sbornik zakonodatel'ny'x i normativny'x aktov o repressiyax i reabilitacii zhertv politicheskix repressij. Ch. 1. Kursk: Respublika, 1999. 340 s.

9. *Shevchenko V.V.* Vlast' i by'vshie voennoplenny'e v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2009. № 5. S. 26–30.

10. *Berkhoff Karel C.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. London: Harvard University press, 2012. 406 p.

A.V. Latyshev

Political Departments' Activity in NKVD's Screening-Filtration (Special) Camps (January 1942 – May 1945)

In this article on the basis of archival materials the main directions, goals and methods of work of the political departments of filtration camps at different stages of the war are considered.

Keywords: filtration; filtration camps; forced labour; NKVD; propaganda; the Great Patriotic war.

В.В. Кириллов

Проблема распада СССР в новейшей историографии

На основе публикаций 2006–2014 годов автор анализирует оценки и концепции новейшей историографии, посвященной распаду Советского Союза.

Ключевые слова: историография; распад СССР; различные оценки и концепции; парадигма.

Предлагаемая вниманию читателей статья является продолжением историографических исследований, начатых автором на страницах «Вестника МГПУ» в 2008 году [9].

В статье рассматриваются публикации, увидевшие свет после 2005 года, анализируются современные российские и зарубежные концепции объяснения одного из ключевых и трагических событий истории конца XX века — распада СССР.

Весьма активно в последнее десятилетие эта проблема изучалась в зарубежной историографии.

Одним из первых обобщил концепции западных ученых касательно причин распада Советского Союза А. Семенов [13]. Он подразделил их на три парадигмы.

Первая — «тоталитарная» парадигма, сторонники которой видят советскую историю через концепцию тоталитаризма, где ключевыми терминами являются «однопартийная диктатура», «господство коммунистической идеологии», «репрессии и подавление гражданских инициатив». Поэтому распад Советского Союза представляется как закономерный итог существования общества и государства, построенного на ошибочных (антилиберальных) принципах. Создателями данного направления считаются американские историки М. Малий и Р. Пайпс.

Вторая — «модернизационная» парадигма советской истории, в которой ключевое место занимают анализ и динамика социальных отношений как основа теории модернизации. Ввиду оппозиции к тоталитарной объяснительной модели иногда данную парадигму характеризуют как «ревизионистскую». Из ученых ее сторонниками являются Л. Хеймсон, Т. Парсонс, М. Левин, Д. Хоу и др. Они подчеркивали определенную успешность советской модернизации, а распад СССР объясняли перерождением партийно-государственной элиты.

Третья — «имперская» парадигма выросла из «модернизационной» и нацелена на исследование причин распада СССР через имперское измерение и его характеристики. Одни исследователи (например, А. Каппелер) выводят коллапс Советского Союза как империи из модернизационного процесса, который создал социальную базу для национальных движений в бывших советских республиках

и предопределил центростремительные тенденции у местных элит [7]. Другие (М. фон Хаген) показывают предопределенность распада многонационального государства при ослаблении политического контроля центра, подчеркивая изначальное противоречие между социализмом и национализмом.

Особо стоит сказать о позиции американского ученого С. Коэна, с симпатией относящегося к нашей стране, и вышедшей на русском языке его книге — «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» [10]. Он не скрывает, что принадлежит к той группе исследователей, которые рассматривают распад СССР как трагедию. Он пишет: «Что касается кончины Советского Союза, то ни один из факторов, так или иначе повлиявших на такой исход, не был ни неизбежным, ни детерминистическим. Но среди этих факторов были не только (если были) подлинные демократические и рыночные устремления, но и жажда власти, политические перевороты, стяжательство элиты...» [10: с. 116–117].

Согласно его точки зрения — главная причина распада СССР — личностно-субъективная — стремление Ельцина к неограниченной власти [10: с. 95].

Именно за это его изыскания подвергаются резкой критике как за рубежом, так и в России [12: с. 7].

Распад Советского Союза как научная проблема очень внимательно изучался и изучается в современном Китае, для политической и научной элиты которого это стало серьезным историческим шоком.

Ключевая проблема историков, как отмечал крупный китайский историк, председатель Всекитайского общества по изучению России и стран Восточной Европы У Эньюань, такова: «Никто не отрицает, что распад СССР был обусловлен целым комплексом причин: внутренних и внешних, политико-экономических и культурно-идеологических. Расхождение заключения в том, что определило судьбу страны — 70 лет существования сталинской модели социализма или же роль, сыгранная М.С. Горбачевым» [19: с. 81].

Большинство китайских ученых отрицает фатальный характер распада СССР. Они считают, что это произошло в результате политического курса руководства КПСС, СССР, России, прежде всего Горбачева и Ельцина.

Вместе с тем У Эньюань анализирует несколько точек зрения по поводу причин распада СССР, отнеся к ним в порядке значимости следующие.

Во-первых, распад СССР связан с серьезным отрывом коммунистической партии от масс. «Связь с массами компартия действительно утратила в период, когда во главе государства находился М.С. Горбачев. Ошибочный политический курс в стране привел к ухудшению экономической ситуации, обострению национальных противоречий. Народ потерял доверие к компартии...» и не встал на защиту страны [19: с. 82–83].

Во-вторых, «догматическое понимание марксизма, существовавшее в сфере официальной идеологии, отсутствие теоретических инноваций были главной причиной ухода КПСС с политической сцены, что в дальнейшем обусловило распад СССР» [19: с. 84]. «Самой характерной чертой идеологии коммунистической партии в период нахождения у власти Горбачева был отказ от марксизма-ленинизма,

и самым очевидным подтверждением этого факта — одобренная XXVIII съездом КПСС генеральная линия на строительство гуманного демократического социализма, изменение советской конституции, ликвидация руководящей роли компартии». «Догматизм» проявлялся в культе западной политической и экономической системы [19: с. 85–86].

В-третьих, высокоцентрализованная политическая и экономическая система советского строя затормозила процесс развития общества и привела к распаду СССР. Эньюань считает эту точку зрения неубедительной, ибо должна быть некая мера «централизации», иначе наступит хаос.

В-четвертых, причиной распада Советского Союза называется коррупция в рядах партийных работников, которая вызвала недовольство народа и привела к распаду СССР.

Наконец, У Эньюань пишет, что существовали и «другие факторы, с которыми некоторые ученые связывали распад Советского Союза: соперничество с США за гегемонию, влияние гонки вооружений на изменение жизненного уровня трудящихся, нерациональность структуры производства СССР, непропорциональный рост тяжелой промышленности» [19: с. 87–88].

Итоговый общий вывод У Эньюаня такой: «Решение стоящих перед страной задач зависело от способности руководителей, при выработке политической стратегии, развивать достижения и устранять пороки» [19: с. 88], т. е. главная причина распада СССР — политический курс руководства страны (курс М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина).

В 2011 году в российской научной периодике была опубликована статья другого китайского историка Чэнь Хуна на эту же тему [20].

«По принципиальному вопросу распада Советского Союза общая точка зрения китайских ученых такова, — пишет Чэнь Хун, — распад и крах коммунистической партии Советского Союза явился крупным попятным движением в международном социалистическом движении, величайшим историческим бедствием, возвращением истории назад». При анализе причин этих событий китайские историки сходятся в том, что распад Советского Союза объясняется целым комплексом причин — как исторических, так и современных (субъективных), как внутренних, так и международного характера, как политических, так и экономических [20: с. 44]. В настоящее время среди китайских ученых дискуссия идет вокруг того, какую группу причин распада СССР стоит признать решающей — «современные» причины (ошибки Горбачева) или «исторические» причины (ошибочность сталинской модели). Часть китайских исследователей считает, что основная причина распада страны в несостоятельности «советской модели», которая из-за серьезных пороков потеряла потенциал развития, утратила жизнеспособность, что и привело ее к краху [20: с. 44].

Другая часть ученых, к которой, судя по тексту статьи, принадлежит и Чэнь Хун, решительно выступает против этой точки зрения. В 2007 году в «Китайском народном издательстве» ими была опубликована книга «Ветер истории. Оценка китайскими учеными распада Советского Союза и истории Советского Союза» под редакцией Ли Шэньмина [20: с. 45]. Сторонники

этого подхода видят коренные причины распада СССР не в «советской модели», а в политике руководства коммунистической партии Советского Союза, начиная с Хрущева и кончая Горбачевым, которые отошли от марксизма, социализма и интересов широких народных масс, а затем, по существу, встали на путь прямого предательства.

Представляется, что вышеизложенная точка зрения китайских коллег получает все большую поддержку как в научных, так и в общественных кругах, и не только в Китае...

В рассматриваемый период продолжала расти отечественная историография распада Советского Союза.

Проблемы распада СССР являются важным магистральным научным направлением деятельности двух крупных исследовательских фондов — Фонда Горбачева и Фонда современной истории. По понятным причинам (прежде всего идеолого-политического и личностного характера) на данную тему они смотрят с разных позиций.

Оставшиеся соратники и сторонники президента СССР выпустили вторым изданием так называемую «Белую книгу» [15], в которой, исходя из самого названия книги («Союз можно было сохранить»), пытаются доказать, что при определенных обстоятельствах развал Советского Союза можно было предотвратить. Вместе с тем авторы не скрывают, что весьма ценно с исторической точки зрения, объективных (унитарная форма общесоюзного государства, ставшая тормозом для дальнейшего развития народов) и субъективных (идеологическая заторможенность политической мысли, иллюзии о разрешенности национального вопроса в СССР, запаздывания с принятием необходимых решений и др.) предпосылок распада страны [15: с. 78].

Аналогичную точку зрения высказывает и другой сторонник и соратник М.С. Горбачева — Б.Ф. Славин [14], который вообще считает, что «никаких железных законов в истории нет. История есть результат деятельности людей» [14: с. 67]. По его мнению, Советский Союз можно было сохранить, если бы удалось подписать новоогаревский проект обновленного Союза в августе 1991 года. А причины распада ему видятся как неблагоприятный результат борьбы в период перестройки трех социальных сил и их лидеров. Это инициаторы перестройки во главе с Горбачевым, представлявшие социал-демократический вариант развития страны, часть партийно-государственной номенклатуры и представители силовых структур, не заинтересованные в демократизации общества (сталинско-брежневский вариант развития страны) и группа радикальных демократов либерального толка во главе с Ельциным, к которой присоединились национальные элиты союзных республик. Итогом этой борьбы стала отставка президента М.С. Горбачева и развал страны.

На наш взгляд, это весьма субъективная концепция, не учитывающая в полной мере объективные экономические и социальные реалии советского государства.

Их оппоненты тоже опубликовали большой, более чем тысячестраничный, сборник документов [11]. В первый том включены акты государственных и партийных органов и официальные сообщения периода 1986–1992 годов,

касающиеся международных конфликтов, «парада суверенитетов», подготовки Союзного договора, ГКЧП, юридического оформления распада СССР и образование СНГ и т. д.

Любопытны примеры их полемики. А.С. Черняев, бывший помощник Горбачева и автор предисловия «Белой книги», обвиняется в том, что «без желаемой толерантности осуждает “фарисейство” отдельных лиц, которые якобы виновны в крушении союзной государственности» [21: с. 133]. А решающую вину на завершающем этапе распада СССР Фонд современной истории возлагает на США и Украину (прямо как в 2014 году. — В.К.). При этом приводится цитата из книги З. Бжезинского, который пишет, что ключевую роль сыграли «именно действия Украины — объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством независимых государств... Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики» [2: с. 115]. Якобы Б.Н. Ельцин и С.С. Шушкевич надеялись уговорить Л.М. Кравчука сохранить хоть в каком-нибудь виде союз, но украинский президент был категорически против [21: с. 130]. И ни слова о роли России и Ельцина в деструктивных действиях по развалу союзного государства...

К настоящему времени в российской историографии сложилась устойчивая историко-правовая концепция рассмотрения причин распада СССР через призму особенностей тогдашних конституционно-юридических норм. На эту тему защищены даже диссертации.

Так, автор докторской диссертации З.А. Станкевич [16] отстаивает идею о том, что «гибель союзного государства была детерминирована прежде всего общим упадком крайне идеологизированной советской государственности, первые признаки которого обозначились еще задолго до объявленной М.С. Горбачевым “перестройки”» [16: с. 6]. Именно в этот период стали проявляться скрытые до поры до времени пороки советского государственного устройства, явившиеся миной замедленного действия, главный из которых — конституционно закрепленное право свободного выхода республик из Союза. Под воздействием политики гласности и демократизации это превратилось в могущественный инструмент раскручивания националистических и сепаратистских тенденций в стране [17: с. 7], что в итоге и привело к распаду великой державы.

Проблему нового союзного договора и его роли в распаде СССР проанализировал в своей кандидатской диссертации Р.Я. Ялышев [25]. Он пришел к выводу, «что курс на разработку нового союзного договора, изначально направленный на сохранение СССР как федеративного государства, не привел к решению этой задачи. Напротив, борьба за реализацию этого курса фактически, в силу целого ряда сложившихся обстоятельств, ускорила и придала радикальный характер распаду союзного государства» [25: с. 24].

Главные причины этого исследователь видит в ошибочных действиях М.С. Горбачева, который не просчитал последствия своей политики, а затем

не нашел адекватного и своевременного ответа на «нарастание центробежных тенденций» [25: с. 23] и «пошел по пути компромиссов со сторонниками конфедерации, что вызвало решительный протест в его собственной команде. В результате почти все высшие должностные лица в союзном руководстве пошли на срыв подписания договора путем создания ГКЧП. Провал ГКЧП окончательно ослабил союзные структуры и открыл дорогу к Беловежским соглашениям» [25: с. 24].

Примкнул к этой историко-правовой точке зрения и известный современный российский историк Ю.Н. Жуков [4]. В недавно вышедшей книге он пишет, что одна из главных причин распада СССР — конституционно-правовая: во всех конституциях СССР (1924 года, 1936 года, 1977 года) сохранялась статья о том, что все союзные республики обладают правом на отделение, но сам правовой механизм этого никогда и нигде в советской правовой системе прописан не был. Попытались это сделать на излете перестройки, но не успели. Поэтому советское руководство не смогло противостоять сепаратизму элит в национальных республиках.

В последние годы сформировалась относительно новая, философско-культурологическая концепция, пытающаяся в русле своих научных парадигм объяснить распад страны.

Известный российский культуролог И.Г. Яковенко [24] считает, что распад СССР — это закономерное событие всемирно-исторического масштаба. «Русский народ и другие народы СССР осознали как свою историческую миссию принесение обретенной истины всему человечеству... Но человечество отказалось от перспективы “светлого будущего”. Коммунизм не стал мировой религией. В борьбе за мировое господство Советский Союз ввязался в военно-технологическую гонку с блоком лидеров мировой динамики, надорвался в этой гонке и рухнул... Крах коммунизма означал конец империи» [24: с. 34–35].

Другой известный российский ученый С.Г. Кара-Мурза [8] считает, что главной «предпосылкой краха СССР стал цивилизационный, мировоззренческий кризис». Суть его в том, что советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимизации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в смене культурно-исторического типа, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 1920–1950-х годов [8: с. 202].

С ним солидаризируется философ В.И. Толстых: «...утрата СССР — это поражение в войне цивилизаций, которое русский народ ни в коем случае не должен был допустить... это была непростительная ошибка самого народа...» [18: с. 204].

Иными словами, наша страна не могла адекватно ответить на вызовы времени.

Продолжает существовать и так называемая концепция субъективных фактов распада СССР, в которой ее главными причинами называются негативная деятельность переродившейся партийно-государственной номенклатуры [22], безответственность власти и чиновничества, их стремление к личной выгоде [6], государственный переворот, осуществленный Б.Н. Ельциным [3].

Отрадно, что к концепции «экономического детерминизма» (т. е. неэффективности советской экономической модели развития как главного фактора распада СССР), сторонником которой является автор данной статьи [9: с. 71], в той или иной форме присоединился ряд исследователей.

Так, доктор философии К. Панкратов, работающий в Эктоне (штат Массачусетс, США), выдвигает в качестве основной причины распада СССР — истощение социэкономической модели развития страны [23].

В.П. Белобородов также считает, что главной причиной распада СССР являлся негативный тренд в экономическом развитии страны, т. е. его регрессивный вектор [1].

В. Зубок, профессор международной истории Лондонской школы экономики, самым уязвимым компонентом советской системы считает финансово-экономическую сферу, в которой практически никто из действовавших тогда советских политиков ничего не понимал. Поэтому, согласно его точки зрения, колоссальные расходы на военно-промышленный комплекс и непонимание функционирования финансовой системы привели страну к краху [5].

Исходя из проанализированных материалов, можно с большой долей уверенности говорить, что изучение распада Советского Союза превратилось в важнейшее направление в современной историографии новейшей отечественной истории.

Литература

1. *Белобородов В.П.* Формационные основания распада СССР и модернизация России // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 16–23.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
3. *Дашичев В.И.* Как и почему был разрушен Советский Союз // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2. С. 206–220.
4. *Жуков Ю.Н.* Первое поражение Сталина. 1917–1922 гг. От Российской империи к СССР. М.: И.Ц. «Акватерм», 2011. 672 с.
5. *Зубок В.* Распад СССР — соотношение внутренних и внешних факторов. // Вестник Московской школы гражданского просвещения. 2013. № 3–4 (63). С. 2–23.
6. *Исаков В.* Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века. М.: Книжный мир, 2012. 384 с.
7. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Причины краха советского строя // Наш современник. 2012. № 1. С. 194–220.
9. *Кириллов В.В.* Распад СССР: историографическая парадигма // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2008. № 1. С. 67–72.
10. *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО — XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 200 с.
11. *Распад СССР: документы и факты (1986–1982 гг.): в 2-х т. / Под ред. С.М. Шах-рая; сост. С.И. Станских; Фонд современной истории. Т. 1: Нормативные акты. Официальные сообщения. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.*

12. *Медушевский А.Н.* Рецензия на книгу С. Коэна «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза?» // Отечественная история. 2008. № 2. С. 205–206.
13. *Семенов А.* Чем был Советский Союз и что означает его распад. Дискуссии западных историков // Новое литературное обозрение. Неприкосновенный запас. № 6 (20). 2001. URL: <http://nlo.magazine.ru/politican/61.html>.
14. *Славин Б.Ф.* Кто и почему разрушил Союз. // Философские науки. 2011. № 12. С. 61–67.
15. Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 526 с.
16. *Станкевич З.А.* Историко-правовые аспекты распада Союза ССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2002. 344 с.
17. *Станкевич З.А.* СССР на завершающем этапе существования: эрозия и распад союзной государственности (историко-правовые проблемы). М.: Изд-во РАГС, 2009. 58 с.
18. *Толстых В.И.* Россия эпохи перемен. М.: РОССПЭН, 2012. 367 с.
19. *У Эньюань.* Причины распада СССР (мнение китайского историка) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 4. 2007. С. 80–88.
20. *Чэнь Хун.* Причины распада Советского Союза. Китайский взгляд // Философские науки. 2011. № 12. С. 44–49.
21. *Шахрай С.М., Станских С.Н.* Мифология распада СССР // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 127–137.
22. *Шевченко В.Н.* 20 лет назад распался СССР: кто запустил процессы распада страны? // Философские науки. 2011. № 12. С. 15–25.
23. «Эксперты назвали причины распада СССР»: Опрос международной экспертной группы ИА REX. 08.01.2011 // Информационное агентство ИА REX. URL: www.iarex.ru/articles/11709.html.
24. *Яковенко И.Г.* Распад СССР: предварительные итоги // Философские науки. 2011. № 2. С. 34–43.
25. *Ямышев Р.А.* Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР: автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2011.

Literatura

1. *Beloborodov V.P.* Formacionny'e osnovaniya raspada SSSR i modernizaciya Rossii // Vestnik Omskogo universiteta. 2012. № 1. S. 16–23.
2. *Bzhezinskij Z.* Velikaya shaxmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy'). М: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1998. 256 с.
3. *Dashichev V.I.* Kak i pochemu by'l razrushen Sovetskij Soyuz // Social'no-gumanitarny'e znaniya. 2014. № 2. S. 206–220.
4. *Zhukov Yu.N.* Pervoe porazhenie Stalina. 1917–1922 gg. Ot Rossijskoj imperii k SSSR. М.: I.C. «Akvaterm», 2011. 672 s.
5. *Zubok V.* Raspad SSSR — sootnoshenie vnutrennix i vneshnix faktorov // Vestnik Moskovskoj shkoly' grazhdanskogo prosveshheniya. 2013. № 3–4 (63). S. 2–23.
6. *Isakov V.* Kto i kak razvalil SSSR. Xronika krupnejshej geopoliticheskoy katastrofy' XX veka. М.: Knizhny'j mir, 2012. 384 s.
7. *Kappeler A.* Rossiya — mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad. М.: Progress-Tradiciya, 1997. 343 s.

8. *Kara-Murza S.G.* Prichiny' kraxa sovetского stroya // *Nash sovremennik*. 2012. № 1. S. 194–220.
9. *Kirillov V.V.* Raspad SSSR: istoriograficheskaya paradigma // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2008. № 1. S. 67–72.
10. *Koe'n S.* «Vopros voprosov»: pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuz? M.: AIRO – XXI; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2007. 200 s.
11. Raspad SSSR: dokumenty' i fakty' (1986–1982 gg.): v 2-x t. / Pod red. S.M. Shaxraya; sost. S.I. Stanskix; Fond sovremennoj istorii. T. 1: Normativny'e akty'. Oficial'ny'e soobshheniya. M.: Volters Kluver, 2009. 1120 s.
12. *Medushevskij A.N.* Recenziya na knigu S. Koe'na «Vopros voprosov»: Pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuz? // *Otechestvennaya istoriya*. 2008. № 2. S. 205–206.
13. *Semenov A.* Chem by'l Sovetskij Soyuz i chto oznachaet ego raspad. Diskussii zapadny'x istorikov // *Novoe literaturnoe obozrenie. Neprikosnovenny'j zapas*. № 6 (20). 2001. URL: <http://nlo.magazine.ru/politican/61.html>.
14. *Slavin B.F.* Kto i pochemu razrushil Soyuz. // *Filosofskie nauki*. 2011. № 12. S. 61–67.
15. Soyuz možno by'lo soxranit'. Belaya kniga: dokumenty' i fakty' o politike M.S. Gorbacheva po reformirovaniyu i soxraneniyu mnogonacional'nogo gosudarstva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: AST: AST MOSKVA, 2007. 526 s.
16. *Stankevich Z.A.* Istoriko-pravovy'e aspekty' raspada Soyuz SSR: dis. ... d-ra yurid. nauk. M. 2002. 344 s.
17. *Stankevich Z.A.* SSSR na zavershayushhem e'tape sushhestvovaniya: e'roziya i raspad soyuznoj gosudarstvennosti (istoriko-pravovy'e problemy'). M.: Izd-vo RAGS, 2009. 58 s.
18. *Tolsty'x V.I.* Rossiya e'poxi peremen. M.: ROSSPE'N, 2012. 367 s.
19. U E'n'yan'. Prichiny' raspada SSSR (mnenie kitajского istorika) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. № 4. 2007. S. 80–88.
20. Che'n' Xun. Prichiny' raspada Sovetskogo Soyuz. Kitajskij vzglyad // *Filosofskie nauki*. 2011. № 12. S. 44–49.
21. *Shaxraj S.M., Stanskix S.N.* Mifologiya raspada SSSR // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2010. № 1. S. 127–137.
22. *Shevchenko V.N.* 20 let nazad raspalsya SSSR: kto zapustil processy' raspada strany'? // *Filosofskie nauki*. 2011. № 12. S. 15–25.
23. «E'ksperty' nazvali prichiny' raspada SSSR»: Opros mezhdunarodnoj e'kspertnoj grupy' IA REX. 08.01.2011 // *Informacionnoe agentstvo IA REX*. URL: www.iarex.ru/articles/11709.html.
24. *Yakovenko I.G.* Raspad SSSR: predvaritel'ny'e itogi // *Filosofskie nauki*. 2011. № 2. S. 34–43.
25. *Yamy'shev R.A.* Problema novogo soyuznogo dogovora i ego roli v raspade SSSR: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. SPb., 2011.

V.V. Kirillov

The Problem of Disintegration of the USSR in the Modern Historiography

On the basis of publications of 2006–2014 the author analyzes appraisals and conceptions in modern historiography, devoted to disintegration of the USSR

Keywords: historiography; disintegration of the USSR; different appraisals and conceptions; paradigm.

А.В. Щемелев

**Фракийский всадник:
особенности источниковой базы
исследования**

Статья посвящена анализу источниковой базы изучения феномена фракийского всадника, чьи изображения содержатся на рельефах votивного и погребального характера, найденных в основном на территории Древней Фракии, а также за ее пределами. Современная наука должна привлечь как археологические, так и нарративные, эпиграфические и другие источники для того, чтобы найти ответы на «загадки» фракийского всадника, прояснить происхождение и сущность данного явления.

Ключевые слова: Древняя Фракия; фракийский всадник; votивные плиты; погребальные стелы; рельефы.

Термин «фракийский всадник» условно применяют для именованя изображения всадника на памятниках погребального или votивного (посвятительного) характера, найденных на территории Древней Фракии, а также на соседних с ней землях, в которых наблюдалось фракийское присутствие. Сходные изображения встречаются на монетах, а также на перстнях и других произведениях торевтики, в виде терракотовых статуэток, но они гораздо более редки.

По подсчетам исследователей, изображения всадника найдены более чем в 350 местах [4: с. 159] современных государств — Болгарии, Сербии и Румынии, — число находок превышает три тысячи [20: р. 129]. Значительная часть известного археологического материала введена в научный оборот; многие памятники можно увидеть в музеях Варны, Софии, Белграда и др. Около трети из всех известных рельефов снабжены надписями, которые также являются объектом пристального внимания ученых.

Несмотря на то, что изучение загадок, связанных с фракийским всадником, началось более века назад, многие вопросы (о них будет сказано ниже), включая происхождение и сущность изображений, до сих пор не получили в историографии однозначного ответа.

Важнейшие изображения памятников фракийского всадника опубликованы. Одним из первых систематизацию вотивных и погребальных рельефов предпринял академик Г. Кацаров [24]. Немецкий историк античности Э. Пфуль почти в одно время с Г. Кацаровым также занимался сбором и классификацией памятников, однако его труд был издан спустя годы после его смерти историком Х. Мёбиусом [27] с изменениями и дополнениями. Оба названных труда, вышедшие весьма ограниченным тиражом, давно стали библиографической редкостью. Огромную работу по систематизации источников провели немецкий исследователь М. Опперманн и болгарский историк З. Гочева, принявшие участие в издании фундаментального свода памятников (*ССЕТ* [19]), в котором были собраны практически все известные науке на тот момент изображения фракийского всадника.

Плиты с его изображениями встречаются на территории Циркумпонтийского региона и нередко даже за его пределами (поскольку фракийцы служили в римской армии, их присутствие засвидетельствовано в Паннонии, Британии, Египте, Малой Азии, Тунисе, Риме и др.) [6: с. 82; 11: с. 99–102]. Отечественные археологи осуществили ряд находок рельефов фракийского всадника на территории Крымского полуострова и по их результатам выпустили публикации с описанием отдельных памятников. Назовем лишь некоторых: академик М.И. Ростовцев [9], историки Э.И. Соломоник [11], Н.Н. Бритова [1] и др.

Некоторые изображения фракийского всадника вошли в международный сборник *LIMC* [25], представляющий собой алфавитный каталог изображений мифологических персонажей, отраженных в памятниках античности (интересующий нас сюжет обозначен в 8-м томе). В наше время исследователи продолжают обнаруживать памятники названного типа, как это произошло, например, при раскопках древнего фракийского святилища в Дядово [15] и Состре [13] на территории Болгарии.

Описательная характеристика данного вида источника может быть сведена к следующему. Вотивные плитки, как правило, выполнены из мрамора или известняка, в среднем имеют около 30–40 см в ширину и 20–40 см в высоту. Плиты имеют форму прямоугольника (иногда очень близкого к квадрату), у многих из них верхняя сторона слегка выгнута в виде арки или имеет оконечность в виде треугольника. Размеры погребальных стел разнятся.

По технике исполнения рельефы на большинстве памятников низкие, выполнены в довольно грубой манере, но есть и экземпляры, отличающиеся особенной четкостью и мастерской прорисовкой деталей.

Что касается сюжета и композиции изображений, то на этой теме стоит остановиться подробно. На рельефах фигура всадника обращена вправо (реже влево), конник изображен верхом на идущем (иногда галопирующем или стоящем на месте) коне, в правой руке он держит копье, одет в хитон. Наряду с фигурой всадника на рельефах иногда присутствуют и другие персонажи, как неодушевленные (дерево, алтарь, сосуд у ног коня, лира в руке всадника), так и одушевленные (женщина напротив всадника, стоящие рядом с ним один или несколько слуг,

змея, обвивающая дерево либо алтарь, дикие животные, на которых, возможно, охотится всадник: кабан, олень, медведь, заяц и др.).

Иконография рельефов фракийского всадника, интерпретация тех или иных элементов составляют предмет длительной дискуссии в научных кругах. Однако всеми признается тот бесспорный факт, что многочисленные элементы, сопровождающие фигуру всадника, а также особенности самой его фигуры и общая композиция несут в себе определенный смысл, и потому могут стать ключом к пониманию многих вопросов, которые до сих пор не имеют однозначного ответа. Приведем здесь важнейшие дискуссионные проблемы.

1. Что именно символизирует изображение фракийского всадника? Являлось ли оно образом какого-то конкретного божества либо синкретически вобрало в себя образы и функции различных божеств? Быть может, образ фракийского всадника трактовался по-разному в разных местностях и в разные эпохи?

2. Какое место занимал всадник во фракийском пантеоне и какую роль он играл в верованиях древних фракийцев?

3. Почему на многих рельефах всадник не один? Какой смысл несут в себе «второстепенные» персонажи и неодушевленные предметы, зачастую появляющиеся на рельефах рядом с образом фракийского всадника? (В особенности это касается образа змеи и образа женщины, которые трактуются весьма по-разному.)

4. Связано ли изображение фракийского всадника с образом боспорского всадника, и если да, то каким образом? Оказало ли оно влияние на традиции изображения образа всадника в позднейшие эпохи (в частности, имеется в виду христианская иконографическая традиция изображения Святого Георгия)?

Последний вопрос до сих пор не получил должной разработки в научной историографии, что несомненно говорит о том, что тема фракийского всадника на настоящий момент представляет собой научную проблему со значительным потенциалом исследования.

Большая часть памятников с изображением фракийского всадника дошла до нас во вторичном контексте, и данный факт лишь усложняет работу по их анализу и оценке их назначения. Часть же памятников найдена в местах древних святилищ (например, святилища Драгановец, Лилиаче, святилище близ Глава Панега на территории современной Болгарии и др.).

Хронологические рамки находок названных памятников можно условно очертить периодом IV в. до н. э. – IV в. н. э. Географические рамки, как уже отмечалось выше, также весьма поражают размахом. Рельефы с изображениями фракийского всадника найдены (помимо собственно Фракии) в Афинах и Пирее, Констанце, Эфесе и Пергаме и многих других местах.

Что касается классификации рельефов фракийского всадника, то долгое время специалисты опирались на предложенную еще в 1938 году классификацию Г. Кацарова, в соответствии с которой композиционные и сюжетные решения вотивных рельефов всадников группируются в три основных типа

(А, В и С). К типу А относятся изображения, на которых всадник, обращенный вправо, сидит верхом на шагающем или стоящем коне. Перед всадником, в углу рельефа, помещены алтарь или дерево, обвитое змеей (иногда без змеи), иногда то и другое. Довольно часто перед всадником стоит женская фигура в спокойной позе с молитвенным жестом. К типу В относят рельефы, на которых всадник изображен на скачущем коне. При этом могут присутствовать те же дополнительные элементы, что и в типе А. Под конем часто помещены собака или лев, которые преследуют кабана (реже быка, серну или зайца). Часто всадник поражает копьем преследуемое животное. И, наконец, тип С включает в себя изображения всадника, возвращающегося с охоты с добычей. Всадника сопровождает лев или собака, на земле лежит разбитый сосуд, из которого выливается жидкость. Иногда к основной композиции добавляются дополнительные изображения: алтарь, дерево со змеей, женская фигура и слуга, держащий конский повод [14: с. 175].

Составители крупнейшего сборника *ССТ* М. Опперманн и З. Гочева придерживаются классификации, предложенной Г. Кацаровым, равно как и авторы сборника *LIMC*. Однако в последнее время ее надежность ставится под сомнение. Болгарский исследователь Д. Ботева говорит о необходимости создания новой классификации, основу которой должны составить не прежние «формальные» критерии, но «характерные черты и элементы изображений, которые могли бы позволить лучше объяснить феномен» фракийского всадника [16: р. 112]. Она рассматривает все рельефы сквозь призму вводимых ею новых понятий: «изображение-картинка» («*représentations-images*») и «изображение-повествование» («*représentations-récits*») [16: р. 113]. Действительно, классификация Кацарова учитывает в первую очередь внешний признак — расположение фигуры всадника (сидящий в покое, галопирующий или идущий с добычей в руках). Однако есть много сомнений в том, что именно этот критерий следует считать наиболее существенным.

Чрезвычайно важным для исследователей фактом является наличие надписей на многих рельефах (таковых, по приблизительным подсчетам, не более трети от общего числа памятников). Собрание надписей также опубликовано: это сборник латинских [23] и греческих [22] надписей, найденных в Болгарии. Надписи высечены на древнегреческом языке или на латыни, они расположены, как правило, под изображением, в нижней части плит.

Большинство надписей довольно лаконичны по содержанию, в них говорится о том, кто ставил этот памятник и для кого (кому из людей или божеств он посвящен). Надписи на votивных рельефах демонстрируют беспрецедентное разнообразие имен и эпитетов, обращенных к всаднику. Он именуется греческими или римскими эпитетами: Аполлон, Асклепий, Гадес, Гест, Сабазий, Юпитер Оптимус Максимус, Сильван и Диоскур, — часто имена сопровождаются дополнением из именованных местного фракийского происхождения, среди которых Карабасмос, Кеиладенос, Манимазос, Ветеспос,

Аулархенос, Аулосаденос, Пирмерулас. О многообразии эпитетов подробно говорится в работе З. Гочевой [21].

Эпиграфические данные свидетельствуют о том, что дедикантами (т. е. лицами, которые заказывали изготовление каменных стел) были мужчины, подписывавшиеся фракийскими именами, но также среди них было немало тех, кто имел греческие или римские имена. Среди последних можно выделить группу тех, кто подписывался римскими именами согласно римской ономастической традиции (*praenomen, nomen gentile, cognomen*). В число дедикантов входили и военные, являвшиеся римскими гражданами; также среди них были представители романизированного населения [17: р. 76]. На некоторых рельефах II–III вв. н. э. присутствует указание военной должности, которую занимал дедикант: солдат (*miles cohortis*), солдат-легионер (упоминаются *legio I Italica, legio XI Claudia, legio VIII Augusta* и др.), офицер (*speculator, curator cohortis* и др.), ветеран и др. [18: р. 200–203].

Вопрос о том, кто являлся заказчиком или изготовителем памятников, теснейшим образом связан с проблемой происхождения фракийского всадника, до сих пор не имеющей в науке однозначного ответа. Помимо утверждений о местном, исконно фракийском [5; 26] или греческом [29] происхождении, высказываются предположения и о синкретическом характере феномена фракийского всадника, возникшего как результат слияния древней фракийской, восточной, греческой и римской культур [28].

Не подлежит сомнению и то, что памятники, на которых встречаются изображения фракийского всадника, отражают религиозные воззрения их создателей и не могут быть рассмотрены вне социального, культурного, политического контекста. В этой связи необходимо привлечение не только археологических данных, но и сведений нарративных источников. В первую очередь речь идет о немногочисленных, но тем не менее весьма ценных источниках, в которых приводятся сведения о религиозных представлениях древних фракийцев, их верованиях и обрядах. Это свидетельства Геродота, Помпония Мела, Солина и др.

Известно, что знаменитый «отец истории» предпринял путешествие по побережью Черного и Эгейского морей, во время которого изучал жизнь населения греческих колоний. Геродот ознакомился и с некоторыми регионами Фракии (в частности, с фракийским племенем гетов, жившим на западном побережье Черного моря, и населением вдоль рек Месты и Струмы) [3: Кн. IV].

Греческий историк и географ Страбон, живший в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э., также оставил свидетельства о фракийцах в своем труде «География» [12]. Помпоний Мела, римский географ и писатель I в. н. э., сообщает ряд важных деталей в сочинении «О положении Земли» («*De chorographia*» [8]). Интересующие нас сведения приведены в главе, посвященной Фракии. В отличие от Геродота, Помпоний Мела писал не на основании личных впечатлений, а по имевшимся у него источникам, его труд является компиляцией многих (в том числе не дошедших до нас в оригинале) произведений греческих и римских авторов.

К III в. н. э. относится сочинение Гая Юлия Солина «Собрание достопамятных сведений» («*Collectanea rerum memorabilium*» [2]), которое по своей сути также является компиляцией, поскольку представляет избранные места из текстов разных авторов (в частности, несохранившихся трудов Светония и др.). В свое сочинение Солин включил небольшой раздел «Фракийцы». Некоторые сведения — в основном это изложение фракийских легенд о древних царях Фракии — дошли до нас в интерпретации драматурга Софокла [7: с. 112–117].

Одрисское царство, возникшее в V в. до н. э. как объединение многочисленных фракийских племен и подчинившее себе города побережья, основанные греческими колонистами, в IV в. до н. э. попало под власть Македонии, а впоследствии распалось на отдельные области, которые со II века стали включаться в орбиту влияния Римской империи. В 46 году эти земли вошли в состав Римской империи под названием «провинция Фракия». Как известно, хронологически рельефы с изображением фракийского всадника относятся в основном к периоду IV в. до н. э. – IV в. н. э. Таким образом, мы можем говорить о том, что это был весьма длительный период, характеризовавшийся активным проникновением в регион элементов греческой и римской культуры. Поэтому на наш взгляд, тщательному анализу должен быть подвергнут широкий круг источников, свидетельствующих о быте и верованиях местного и пришлого (греческого и римского) населения. При изучении вопроса о происхождении образа фракийского всадника необходимо привлечение источников, позволяющих судить о культовых и религиозных традициях греков и римлян. Важны также изучение погребальных практик, анализ сюжетов произведений пластического и изобразительного искусства греческого и римского происхождения интересующего нас периода.

Таким образом, современная наука должна обратить пристальное внимание не только на анализ археологических источников (прежде всего используя возможности компаративистского подхода), но также задействовать источники нарративного и документального характера и целый ряд вспомогательных дисциплин. Изучение феномена фракийского всадника невозможно без помощи искусствоведения и эпиграфики, дающих широкий арсенал приемов постижения взаимосвязей между надписями и иконографией на монументах.

Литература

1. Бритова Н.Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1948. № 22. С. 53–56.
2. Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений (выдержки) / Пер. и комм. И.И. Маханькова // Знание за пределами науки. М.: Республика, 1996. С. 198–229.
3. Геродот. История: в 9 кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. перевода Н.А. Мещерский; отв. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. Гочева З. Антропоморфные изображения богов у фракийцев // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 156–159.
5. Данов Х. Траки. София: Народна просвета, 1982. 183 с.

6. *Диатроптов П.Д.* Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М.: ГИМ, 2001. С. 78–86.
7. *Ломтадзе Н.В.* Фракийские сюжеты у Софокла // История и культура Древнего мира. Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской. М., 1996. С. 110–117.
8. Помпоний Мела / Пер. С.К. Апта // Античная география. М.: Географгиз, 1953. С. 176–238.
9. *Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия археологической комиссии. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
10. *Соловьянов Н.И.* О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н. э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвузов. сб. научн. тр. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. С. 46–55.
11. *Соломоник Э.И.* Две случайные эпиграфические находки в Крыму // Нумизматика и эпиграфика. Т. 5. М.: Наука, 1965. С. 97–102.
12. *Страбон.* География: в 17 кн. Репринт издания 1964 г. / Пер. и комментарии Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
13. *Христов И.* Светилище на Тракийския конник край Состра / И. Христов, С. Торбатов, Б. Иванова, С. Иванов, Л. Нинов. София: UNICART, 2013. 264 с.
14. *Щеглов А.Н.* Фракийские посвяtitельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье: материалы и исследования по археологии СССР. № 150. М.: Наука, 1969. С. 135–177.
15. *Borisov B.* Dyadovo. Vol. 2. The sanctuary of the Thracian Horseman and The early Byzantine fortress. Varna: Zograf Publishing, 2010. 239 s.
16. *Boteva D.* A propos des «secrets» du Cavalier Thrace // Dialogues d’Histoire Ancienne. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
17. *Boteva D.* Dedicators with roman names and the indigenous cult of the Thracian Horseman // Archaeologia Bulgarica. XI. 2007. 3. Sofia. P. 75–89.
18. *Boteva D.* Soldiers and veterans dedicating votive monuments with a representation of the Thracian horseman within the provinces of Lower Moesia and Thrace // Römische Städte und Festungen an der Donau. Akten der Regionalen Konferenz (16–19 Oktober 2003). Belgrade, 2005. P. 199–210.
19. Corpus cultus equitis Thracii (CCET). V vols. Leiden: Brill, 1979–1984.
20. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l’histoire et de la culture Thrace. 1998. № 6. P. 129–135.
21. *Gočeva Z.* Les épithètes du Cavalier Thrace // Linguistique balkanique. 1992. № 3–4. P. 155–180.
22. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. V vols / Edit. G. Michailov. Sofia: In aedibus typographicis Academiae litterarum Bulgaricae, 1958–1970, 1997.
23. Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae / Edit. B. Gerov, G. Michailov. Serdicae: In Aedibus Universitatum Kliment Ohridski, 1989. 232 p.
24. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 p., 89 pl., 528 fig., 1 c.
25. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). VIII vols. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999.
26. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen Traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 p.

27. *Pfuhl E.* Die ostriechischen Grabreliefs: II vols. / E. Pfuhl, H. Möbius. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977. 278 p., 72 figs., 169 pls.
28. *Venedikov I.* Le syncrétisme religieux en Thrace á l'époque romaine // *Acta antiqua Philippopolitana. Serdicae*, 1963. P. 153–166.
29. *Will E.* Le relief cultuel gréco-romain: Contribution á l'histoire de l'art de l'empire romain. Paris: E. de Boccard, 1955. 492 p.

Literatura

1. *Britova N.N.* Obraz vsadnika na rel'efax Frakii i Bospora // *Kratkie soobshheniya o dokladax i polevy'x issledovaniyax*. 1948. № 22. S. 53–56.
2. *Gaj Yulij Solin.* *Sobranie dostopamyatny'x svedenij (vy'derzhki)* / Per. i komm. I.I. Maxan'kova // *Znanie za predelami nauki*. M.: Respublika, 1996. S. 198–229.
3. *Gerodot.* *Istoriya*: v 9 kn. / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo; pod obshh. red. S.L. Utchenko; red. perevoda N.A. Meshherskij; otv. red. S.L. Utchenko. L.: Nauka, 1972. 600 s.
4. *Gocheva Z.* Antropomorfny'e izobrazheniya bogov u frakijcev // *Vestnik drevnej istorii*. 1981. № 2. C. 156–159.
5. *Danov X.* *Traki*. Sofiya: Narodna prosveta, 1982. 183 s.
6. *Diatroptov P.D.* *Izobrazheniya vsadnikov v antichnom Severnom Prichernomor'e // Pozdnie skify' Kry'ma*. M.: GIM, 2001. S. 78–86.
7. *Lomtadze N.V.* *Frakijskie syuzhety' u Sofokla* // *Istoriya i kul'tura Drevnego mira. Rossijsko-bolgarskij sbornik statej i uchebny'x materialov v chest' T.V. Blavatskoj*. M., 1996. S. 110–117.
8. *Pomponij Mela* / Per. S.K. Apta // *Antichnaya geografiya*. M.: Geografgiz, 1953. S. 176–238.
9. *Rostovcev M.I.* *Svyatilishhe frakijskix bogov i nadpisi beneficiariev v Aj-Todore* // *Izvestiya arxeologicheskoy komissii*. 1911. Vy'p. 40. S. 1–42.
10. *Solov'yanov N.I.* *O kul'tax rimskoj armii v Nizhnej Mezii i Frakii v I–III vv. n. e'.* // *Problemy' ideologii i kul'tury' v ranneklassovy'x formaciyax: mezhvuzov. sb. nauchn. tr.* M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1986. S. 46–55.
11. *Solomonik E'.I.* *Dve sluchajny'e e'pigraficheskie naxodki v Kry'mu* // *Numizmatika i e'pigrafika*. T. 5. M.: Nauka, 1965. S. 97–102.
12. *Strabon.* *Geografiya*: v 17 kn. Reprint izdaniya 1964 g. / Per. i komentarii G.A. Stratanovskogo; pod obshh. red. S.L. Utchenko. M.: Lodomir, 1994. 944 s.
13. *Xristov I.* *Svetilishhe na Trakijskiya konnik kraj Sostra* / I. Xristov, S. Torbatov, B. Ivanova, S. Ivanov, L. Ninov. Sofiya: UNICART, 2013. 264 s.
14. *Shheglov A.N.* *Frakijskie posvyatitel'ny'e rel'efy' iz Xersonesa Tavricheskogo* // *Drevnie frakijczy' v Severnom Prichernomor'e: materialy' i issledovaniya po arxeologii SSSR*. № 150. M.: Nauka, 1969. S. 135–177.
15. *Borisov B.* *Dyadovo. Vol. 2. The sanctuary of the Thracian Horseman and The early Byzantyne fortress*. Varna: Zograf Publishing, 2010. 239 s.
16. *Boteva D.* *A propos des «secrets» du Cavalier Thrace* // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. 2000. Vol. 26/1. P. 109–118.
17. *Boteva D.* *Dedicators with roman names and the indigenou cult of the Thracian Horseman* // *Archaeologia Bulgarica*. XI. 2007. 3. Sofia. P. 75–89.
18. *Boteva D.* *Soldiers and veterans dedicating votive monuments with a representation of the Thracian horseman within the provinces of Lower Moesia and Thrace* //

Römische Städte und Festungen an der Donau. Akten der Regionalen Konferenz (16–19 Oktober 2003). Belgrade, 2005. P. 199–210.

19. *Corpus cultus equitis Thracii* (CCET). V vols. Leiden: Brill, 1979–1984.

20. *Delev P.* Observations sur le Cavalier Thrace // *Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace.* 1998. № 6. P. 129–135.

21. *Gočeva Z.* Les épithètes du Cavalier Thrace // *Linguistique balkanique.* 1992. № 3–4. P. 155–180.

22. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae.* V vols / Edit. G. Michailov. Sofia: In aedibus typographicis Academiae litterarum Bulgaricae, 1958–1970, 1997.

23. *Inscriptiones Latinae in Bulgaria repertae / Edit. B. Gerov, G. Michailov.* Serdicae: In Aedibus Universitatum Kliment Ohridski, 1989. 232 p.

24. *Kazarow G.* Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien // *Dissertationes Pannonicae.* Ser. II. Fasc. 14. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 p., 89 pl., 528 fig., 1 c.

25. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC).* VIII vols. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–1999.

26. *Oppermann M.* Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen Traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 p.

27. *Pfuhl E.* Die ostriechischen Grabreliefs: II vols. / E. Pfuhl, H. Möbius. Mainz: Deutsches Archäologisches Institut, 1977. 278 p., 72 figs., 169 pls.

28. *Venedikov I.* Le syncrétisme religieux en Thrace á l'époque romaine // *Acta antiqua Philippopolitana.* Serdicae, 1963. P. 153–166.

29. *Will E.* Le relief cultuel gréco-romain: Contribution á l'histoire de l'art de l'empire romain. Paris: E. de Boccard, 1955. 492 p.

A.V. Shchemelev

The Thracian Horseman: Features of the Source Base Study

The article is devoted to the analysis of the source base study of the phenomenon of the Thracian horseman. The images of Thracian horseman are presented in the reliefs of votive and funeral character, founded mostly in the ancient Thrace and outside its borders. Modern science should attract both archaeological and narrative, epigraphic and other sources so as to find answers to the «mysteries» of the Thracian Horseman and to clarify the origin and essence of this phenomenon.

Keywords: ancient Thrace; Thracian Horseman; votive plaques; funeral steles; reliefs.

А.А. Войтенко

Яблоки и фиги. Одно разночтение в Житии св. Онуфрия Великого

Статья посвящена одному разночтению в Житии св. Онуфрия Великого. В одном из эпизодов Жития его автор описывает оазис, напоминающий рай. Он приводит список растений, которые там находятся. Коптская и греко-славянская версии Жития содержат разночтение: в коптской указаны фиги и яблоки, в греко-славянской — вместо фиг названа шелковица и отсутствуют яблоки. В статье сделана попытка объяснить это разночтение.

Ключевые слова: агиография, Житие св. Онуфрия Великого, текстология.

Иногда случается так, что текстологические исследования, весьма узконаправленные и специфические по своей природе, способны открыть перед ученым широкую культурологическую перспективу и поставить ряд актуальных задач. Так было и в нашем случае. Делая сравнительный анализ греческих, коптских и славянских рукописей Жития св. Онуфрия Великого, мы неожиданно обнаружили одно примечательное разночтение, потребовавшее дополнительных изысканий.

Вначале следует сказать, что Житие св. Онуфрия является одним из самых интересных агиографических текстов. Во-первых, оно не представляет собой «классического» Жития, а изначально являлось неким peregrinatio, т. е. рассказом о путешествии монаха в пустыню, впоследствии получившим «статус» жития (см. например: [2; 18]). В основе такого рода произведений лежали не классические античные жанры (биос, энкомий и др.), а устное творчество монахов. С большой долей уверенности можно утверждать, что оно было письменной фиксацией монашеского фольклора, и именно фольклорные особенности рассказа повлияли на сюжетные и литературные приемы текста. Ранних агиографических произведений, созданных по такой же сюжетной «рамке», обнаружено около десятка. Вероятно, самый первый пример подобного текста — широко известное Житие св. Павла Фивейского. Их скрупулезное литературоведческое исследование было предпринято Элис Элиотт [14]. Стоит отметить, что в монографии Элиотт анализ Жития св. Онуфрия занимает одно из главных мест, и это говорит о его значимости в генезисе такого типа агиографического повествования.

Во-вторых, разные версии Жития св. Онуфрия сохранились почти на всех языках христианского средневековья: оно дошло до нас в разных версиях на греческом, коптском, латинском, арабском, церковнославянском, эфиопском (геэз), грузинском и армянском. Редко какой агиографический текст

может похвастаться таким широким распространением почти по всей христианской экумене. Среди всех версий Жития наиболее важное значение, на наш взгляд, имеют греческие, коптская и церковнославянская версии текста.

Греческие рукописи, содержащие различные версии Жития, до сих пор не исследованы достаточно хорошо. Однако, благодаря нашему знакомству с архивом покойного о. Жозефа Парамеля, бывшего директора Греческого отдела Института истории текстов (IRHT, section grecque, Paris), нам удалось установить, что как минимум три греческие рукописи отражают наиболее раннюю редакцию текста, в целом совпадающую с коптской и славянской версиями [3: с. 39–40]. К сожалению, о. Жозеф скопировал до конца только одну из интересующих нас рукописей, миланскую (Ambros. D92 sup., XI в., f. 98–105^v) (см.: [16: р. 156, № 1379g]). Но нам удалось получить цифровую копию венской рукописи (Vindob. hist. gr. 63, f. 1–12^v), за что мы сердечно благодарим К. Акерман (Упсальский университет). Архив о. Жозефа Парамеля с копиями некоторых неопубликованных греческих рукописей Жития хранится в Женеве у о. Энцо Луккези, которому мы также выражаем нашу благодарность за возможность работы с этими материалами.

Коптская версия Жития представлена тремя полными рукописями, две из них сохранились на саидском, одна — на бохайрском диалекте. Существует также ряд фрагментов на саидском диалекте, самый ранний из которых предположительно датируется VI веком [13: р. 1841]. Все три рукописи опубликованы, бохайрская — Э. Амелино, саидские — Э. А. Уоллисом Баджем и А. Юверна (последняя — фототипическим способом) [12; 21: р. 205–224; 17: р. 1–40]. К сожалению, издание Амелино содержит ряд серьезных ошибок, которые нам удалось выявить при сравнительном анализе его публикации с микрофишем рукописи, любезно предоставленной нам А. Будор (IRHT, section grecque, Paris). После проведенного сравнительного анализа мы полагаем, что наиболее близкой к сохранившейся в трех рукописях греческой версии (=Тип I) (см.: [3: с. 39–40]) является рукопись из собрания Пьерпонта Моргана (M 580. f. 2–19^v, 889–890 гг.), опубликованная А. Юверна. Рукопись начала XI века из собрания Британской библиотеки, опубликованная Э.А. Уоллисом Баджем (Oriental. 7027. f. 1–21^v), представляет слегка сокращенный вариант текста, появившийся, вероятно, вскоре после перевода Жития на саидский диалект. Бохайрская версия (Vat. Copt. 65. f. 99–120^v, 978–979 гг.), по нашему мнению, представляет собой текст, немного отличный от саидского и одновременно греческого текста типа I. Вероятнее всего, на бохайрский диалект Житие переводилось не с саидского текста (что было наиболее распространенной практикой), а непосредственно с греческого. При этом греческий текст, послуживший основой для перевода на бохайрский диалект, также немного отличался от текста типа I: это, помимо прочего, показывает проведенный нами анализ греческих заимствований в саидской и бохайрской версиях.

Славянская версия Жития («Хождения», по терминологии К. Акерман [11: с. 122]) достаточно точно передает греческую редакцию типа I с той лишь разницей, что там отсутствует лакуна в одном из эпизодов, которая есть в венской

рукописи (Vindob. hist. gr. 63. f. 6^v). Рукописей, содержащих эту версию, более 80, но примерно 30 из них оказались релевантными для текстологического исследования [11: с. 123]. В нашем анализе мы использовали четыре рукописи с текстом Жития: рукопись XIV века из собрания Хлудова (ГИМ. Хлудов. 195. Л. 352–361), текст XVI века из Великих Четых миней митрополита Макария (ГИМ. Sin. 995. Л. 166–173), Троицкий список XIV – перв. четв. XV века (РГБ. Тр. 304/1. № 39. Л. 133–157об.) и автограф Нила Сорского XV – нач. XVI века (ГЛМ. РОФ 8354, № 14. Л. 96–113об.) [6: с. 195–226]. При этом следует отметить, что три из них (текст ВМЧ, Троицкого списка и автографа Нила Сорского) в конечном итоге восходят к одному архетипу, тогда как текст хлудовской рукописи — к другому, что позволяет предполагать возможность не одного, а как минимум двух славянских переводов, но сделанных с одной и той же греческой редакции (тип I). Текст преп. Нила Сорского имеет явные следы редакторской правки первоначального текста, вероятнее всего, эта правка принадлежит самому преп. Нилу. Однако мы принимаем в расчет возражения Т. Лённгрен о том, что преп. Нил строго следовал автографу XV века (К-Б 24/1101. Л. 316–343). Заключение эти сделаны на основании только двух примеров сходных чтений [7: с. 849], что не кажется нам достаточным, но проверить выводы этой исследовательницы мы на сегодняшний день не можем.

В нашей работе мы использовали также славянский текст Жития, изданный в диссертации К. Акерман [8]: текст был издан по Троицкому списку, но при этом содержит аппарат разночтений по еще шести рукописям из разных семей. Два других типа славянского текста о св. Онуфрии (по терминологии К. Акерман «Сказание» и «Контаминированный тип» [11: с. 123]) более позднего происхождения и не имеют прямого отношения к начальной версии Жития: первый представляет собой легенду о детстве и отрочестве св. Онуфрия (сохранившуюся также в латинских версиях), второй — контаминацию первоначального текста Жития и этой легенды.

Коптские рукописи, с одной стороны, и греко-славянская версия — с другой, содержат ряд интересных разночтений, на одном из которых мы хотели бы остановиться в этой статье. Как уже упоминалось, Житие представляет собой хождение монаха по имени Пафнутий в дальнюю пустыню с целью обнаружить более совершенных подвижников. Перед самым выходом из пустыни Пафнутий попадает в оазис, где живут четыре молодых монаха. Этот оазис напоминает ему рай: данная аллюзия содержится в греческих и славянских списках, а также в двух коптских рукописях (она отсутствует только в сокращенном тексте лондонской рукописи). Оазис обильно снабжается водой из источника, поэтому внутри его произрастают фруктовые деревья, усыпанные плодами, а также растения, распространяющие благоухания, например мирт. Таким образом, аллюзия на Эдемский сад дается и в восприятии этого оазиса органами чувств: помимо сладости плодов и их вида, радующего глаз, он еще источает благовония. Вряд ли стоит сомневаться, что в средиземноморской «культуре запахов» эта отсылка не случайна.

Однако самое интересное заключается в том, какие растения упоминаются в коптской (с одной стороны) и в греко-славянской (с другой) версиях Жития. Безусловно, их список варьируется в разных рукописях — отчасти из-за искажений, отчасти — из-за сокращений, но в целом можно утверждать, что греческая и славянская версии совпадают между собой, тогда как коптская отличается от них по двум пунктам.

В коптском тексте (если смотреть на него совокупно) этот список выглядит так: финики, лимоны, гранаты, персики, фиги, яблоки, ююба, виноград. В греко-славянском так: финики, лимоны, гранаты, шелковица (тутовое дерево), ююба и виноград. Отличие, таким образом, заключается в том, что в греко-славянской версии вместо фиг упомянута шелковица, и совсем не упомянуты яблоки. Некоторую проблему представляют «сирики», стоящие в Хлуд. 195: известные нам словари церковнославянского и древнерусского языков это слово не содержат. Вероятнее всего, он синонимичен «зиньзифам», стоящим в тексте ВМЧ и означающим ююбу. Мы исходим из того, что коптский список плодов является более близким к оригиналу, а изменения произошли позднее, в греческом тексте, и с этого, уже отредактированного текста был сделан славянский перевод (или переводы). Остается понять причины этих изменений.

При этом следует отметить, что в одной греческой рукописи XIII–XIV веков (Paris gr. 919. F. 41a), представляющей собой иную, сильно сокращенную редакцию греческого текста Жития (тип III по нашей классификации) (см.: [3: с. 41–44]), список плодов близок к коптскому списку, отсутствует только лимон. Список этот следующий: финики, гранаты, виноград, яблоки, фиги, персики, ююба. Мы полагаем, что в этой сокращенной редакции сохранились два изначальных чтения Жития, «фиги» и «яблоки», присутствующие и в коптской версии.

Замена «фиги» на «шелковицу» могла произойти из-за близости греческих слов, их означающих: *σῖκον* / *σικαμίνον*. Замена одного слова другим вполне могла возникнуть при ошибке переписчика. При этом в аппарате к славянскому тексту в диссертации К. Акерман мы находим славянское слово «смоква», которое соответствует греческому *σικαί*, означающему «фиги» (ср.: [19: р. 864]). Это обстоятельство может косвенно указывать на присутствие слова «фиги» (а не «шелковица») в некоторых утраченных греческих списках типа I, по которым славянские книжники могли производить правку своих копий.

Гораздо сложнее объяснить отсутствие яблок в греко-славянской традиции Жития. Оно никак не может быть отнесено к случайной утрате при копировании: помимо отсутствия каких-либо упоминаний о яблоке в двух греческих и четырех славянских списках, их нет в аппарате к тексту в диссертации К. Акерман, их нет также и в остальных греческих редакциях (о чем мы можем судить как по их изданиям, так и по копиям неизданных списков в архиве о. Жозефа Парамеля). Такое бесследное исчезновение слова из-за простой ошибки переписчика трудно себе представить. Единственным свидетельством о яблоке является уже упомянутая рукопись Paris gr. 919: но этот сокращенный текст Жития (=тип III)

сохранился как интерполяция в другой ранний агиографический текст «Историю египетских монахов» [подробнее см. 3: с. 41–44]. Текст еще одной рукописи, изданной Ф. Алькеном [15: р. 79–88], где данное сокращенное Житие существует в форме самостоятельного рассказа (= тип IIIa), упоминания о яблоке уже нет.

Вспомним, что сад в оазисе, который видит Пафнутий, имеет аллюзии к райскому саду. Эпизод пребывания Пафнутия в оазисе и причастие из рук ангела можно считать высшей точкой его странствий по дальней пустыне. Именно поэтому мы предполагаем, что их отсутствие не случайно и связано с распространением хорошо нам известной традиции о том, что плод искушения, который вкусили Адам и Ева в раю, был яблоком.

Как известно в библейском тексте (Быт. 3: 1–12) плод с дерева познания добра и зла точно не обозначен. Это, в свою очередь, создало возможность для различной его атрибуции. Помимо яблока его ассоциировали с фигой, лимоном, апельсином, айвой, грушей и гранатом [10: с. 369]. При этом есть основания предполагать, что ассоциация плода искушения с яблоком достаточно поздняя: в Средние века в качестве плода искушения сначала изображали гранат и только позднее яблоко [4: с. 321]. Однако, когда, где именно и под влиянием каких причин сложилась традиция о яблоке как символе искушения и грехопадения? Насколько нам известно, этот вопрос исследован довольно слабо. Каких-либо специальных работ по этому вопросу нам найти пока не удалось. Единственный факт, известный нам, относится к области истории искусства: в католической иконографии Благовещения на исходе Средневековья яблоко означало тайну грехопадения (см.: [1: с. 174]). Исходя из этого, распространение традиции о яблоке как плоде искушения следует относить к эпохе позднего Средневековья и географически — к Западной Европе. Однако наши свидетельства могут существенно дополнить эти данные.

Следует сказать, что в ранневизантийский период (IV–VII века), вероятнее всего, традиция о яблоке как плоде искушения еще не существовала или же она не была широко распространена. Помимо имеющихся у нас свидетельств в коптских рукописях Жития св. Онуфрия, есть еще один примечательный текст: краткое Житие Евфросина-повара, который его издатели датируют IV–VII веками [20]. Там описано видение пресвитера, живущего в том же монастыре, где подвизался главный герой рассказа — Евфросин. Во время сна пресвитер переносится в райский сад, который по описанию очень похож на оазис из рассказа в Житии св. Онуфрия: «Ибо росло там множество деревьев разнovidных, прекрасных, высоких и не похожих на обычные. Все они были покрыты плодами изобильнее, чем листьями, а плоды имели такие благоцветные, большие и душистые, каких не зрели смертные. Под этими деревьями текли обильные студеные и чистые воды, и поднимались там всякого рода душистые травы, и оттуда струило всевозможными ароматами, так что стоявшему чудилось, будто он вдруг попал в покой, где приготавливают благовония» [9: с. 181; 20: р. 43]. В раю пресвитер встречает Евфросина, и тот дает ему три яблока, которые потом становятся доказательством пребывания его и Евфросина в раю. Греческое слово, означающее яблоко, μήλον, встречается и в Paris gr. 919. Ни о каком «отрицательном» символизме речи не идет, как раз наоборот:

райские яблоки имеют большие размеры, чрезвычайно приятны на запах и вкус, к тому же обладают целительными свойствами [9: с. 183; 20: р. 45]. Стоит предположить, что интерполяция краткого рассказа о св. Онуфрии в некоторые версии текста «Истории египетских монахов» произошла тоже довольно рано, когда символика яблока еще не несла в себе отрицательных коннотаций. И позже текст этого рассказа, находясь внутри другого авторитетного агиографического текста, не претерпел изменений.

К сожалению, мы можем только догадываться о тех причинах, которые привели к возникновению традиции о яблоке как плоде с дерева познания добра и зла и, наряду с этим, как символу искушения и грехопадения. Возможной причиной могут быть названы строки из библейской «Песни Песней» (Песн. 2: 3–4): «Что яблоня (μῆλον) между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей». Несмотря на существование в христианской экзегезе духовных толкований этого библейского текста, мы вполне допускаем возможность того, что явный эротический символизм яблока в данном случае мог повлиять на складывание негативной традиции о нем. Другой основой для такой традиции мог послужить рассказ Иосифа Флавия о содомских яблоках (*Иосиф Флавий*. Иудейская война. IV, 8: 4). Описывая область Содомы, известный античный историк приводит одно предание: «Каждый раз появляется вновь пепел в виде известных плодов, которые по цвету кажутся съедобными, но как только ощупывают их рукой, они превращаются в прах и пепел. Таким образом древние сказания о Сodomской стране подтверждаются наглядно» [5: с. 303]. Эти плоды обычно ассоциируют с *Calotropis procera* (или «Калотропис высокий»), растущим, в частности, по берегам Мертвого моря. Но как бы там ни было, Иосиф Флавий был хорошо известен среди христиан и через него предание о содомских яблоках вполне могло проникнуть в христианскую экзегезу и повлиять на складывание исследуемой нами традиции.

Еще одной возможной причиной ее появления можно назвать античный миф о яблоках из садов Гесперид, связанный с циклом о двенадцати подвигах Геракла. Мы вполне допускаем, что ряд параллелей с библейским рассказом: сад, находящийся где-то в труднодоступном и охраняемом месте (в данном случае, на краю земли под охраной змея Ладона), дерево необычного происхождения с необычными плодами (в данном случае, дерево с золотыми яблоками, выращенное Геей, плоды которого способны дарить вечную молодость) и т. д. вполне могли соединиться с библейской традицией о древе познания добра и зла. Наконец, существует еще одно предположение: в латинском языке слово *malum* означает одновременно и «яблоко» и «зло». В последнем случае негативная традиция о яблоке могла возникнуть на Западе христианского мира (возможно, как следствие экзегезы библейского рассказа (Быт. 3: 1–12) у латиноязычных авторов) и уже потом распространиться на Восток.

Других возможных причин возникновения «отрицательной» традиции о яблоке мы назвать не можем. На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать либо в одной из них, либо в нескольких вместе. Однако несомненно

одно: исходя из имеющихся данных, мы можем четко зафиксировать те временные пределы, которые лежат по обе стороны проблемы. Данные коптских рукописей Жития, временем возникновения которого мы считаем конец IV века, и сведения из краткого Жития Евфросина-повара четко показывают, что в период ранней Византии этой традиции либо не было, либо она была распространена еще очень слабо. Вторая дата — это XI век. Именно так датируется одна из трех греческих рукописей (Cod. Mediolan. Ambros. D92 sup.), где представлена наиболее ранняя версия Жития, но уже без упоминания о яблоке [16: p. 156, № 1379g]. Венская рукопись датируется XIV веком, а данными о датировке третьей, ватиканской рукописи мы, к сожалению, не располагаем.

Таким образом, можно сделать два предварительных вывода. «Негативная» традиция о яблоке, скорее всего, появилась задолго до периода позднего Средневековья и характерна не только для Западной Европы. Возникнуть и распространиться она могла в период между VII и XI веками. Но, к сожалению, расстояние между этими двумя датами представляет на сегодняшний день «черный тоннель»: мы едва ли можем представить себе без дополнительного скрупулезного исследования, как формировалась и распространялась эта традиция в Византии и Западной Европе. А пока в этом «тоннеле» приходится двигаться на ощупь.

В конце стоит отметить, что яблоки все же вернулись в славянский текст Жития св. Онуфрия, но гораздо позже исследуемого нами времени. Чтение «и яблока велики и красны» обнаруживается в церковнославянском тексте Четых-Миней свт. Димитрия Ростовского. Том, содержащий Житие св. Онуфрия, вышел в Киеве в 1705 году. Известно, что свт. Димитрий правил текст ВМЧ по другим источникам, вероятно, по западным старопечатным изданиям. Однако это уже предмет для совсем иного исследования.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Благовещение // Мифы народов мира: энциклопедия. М.; Минск; Смоленск2: Российская энциклопедия, Дилер, Русич, 1994. Т. 1. С. 173–174.
2. *Войтенко А.А.* Коптское «Житие преп. Онуфрия Великого» и египетское монашество в конце IV в. // Культура Египта и стран Средиземноморья в Древности и Средневековье: сб. ст., посвященный Т.Н. Савельевой. М.: ЦЕИ РАН, 2009. С. 127–143.
3. *Войтенко А.А.* Греческие редакции Жития св. Онуфрия Великого и архив о. Жозефа Парамеля // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2015. Вып. 4 (65). С. 37–49.
4. Грехопадение // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. С. 318–321.
5. *Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. Я.Л. Чертка. Минск: Беларусь, 1991. 512 с.
6. *Лённгрен Т.П.* Сборник Нила Сорского. М.: Языки славянской культуры, 2000. Ч. 1. 477 с.
7. *Лённгрен Т.П.* Источник Жития Онуфрия Пустынного в Сборнике Нила Сорского // Семинар «Историческая текстология русского языка» [тезисы]. С. 849. URL: www.philol.msu.ru.

8. *Окерман С.К.* Ошибки в топонимике как текстологический критерий при исследовании переводных памятников (на примере Жития Онуфрия Пустынника) // *Scripta & e-Scripta. The Journal of Interdisciplinary Medieval Studies.* Sofia, 2009. Vol. 7. P. 121–134.
9. *Полякова С.В.* Византийские легенды. М.: Ладомир, 1994. 304 с.
10. *Топоров В.Н.* Растения // *Мифы народов мира: энциклопедия.* Т. 2. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. С. 368–371.
11. *Åkerman S.K.* Житие Онуфрия Пустынника в рукописной традиции средневековой Руси. Uppsala, 2007. Diss. 321 с.
12. *Amélineau E.* Voyage d'un moine égyptien dans le désert // *Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes.* 6. Paris, 1885. P. 166–194.
13. *Coquin R.-G.* Onuphrius, Saint // *Coptic Encyclopedia.* Vol. 6. P. 1841–1842.
14. *Elliott A.G.* Roads to Paradise. Reading the Lives of the Early Saints. Hanover, London: University Press of New England, 1987. 244 p.
15. *Hagiographica inedita decem e codicibus eruit F. Halkin.* Turnhout; Leuven: Brepols, 1989 (Corpus Christianorum. Series Graeca, 21). XIII+165 p.
16. *Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles: Société des bollandistes, 19573. Vol. 2. 322 p.
17. *Hyvernat H.* Bibliothecae Pierpont Morgan Codices Coptici Photographice Expressi. Rome, 1922. Vol. 48. 120 p.
18. *Malevez M.* La mission de Paphnuce. Premières recherches en vue de la constitution du dossier hagiographique des abba Onuphre, Paphnuce et Timothée // *Études coptes.* VIII / éd. sous la direction de Chr. Cannuyer. Lille-Paris, 2003. P. 225–236.
19. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobona: Guilelmus Braunmueller, 1862–1865. XXII + 1171 p.
20. *Nau F., Clignet L.* Vies et récits d'anachorètes (IVe–VIIe siècles) // *Revue de l'Orient chrétien.* Vol. 10 (1905). P. 39–56.
21. *Wallis Budge E.A.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1914. 523 p.

Literatura

1. *Averincev S.S.* Blagoveshhenie // *Mify' narodov mira: e'nciklopediya.* М.; Минск; Smolensk2: Rossijskaya e'nciklopediya, Diler, Rusich, 1994. Т. 1. S. 173–174.
2. *Vojtenko A.A.* Koptskoe «Zhitie prep. Onufriya Velikogo» i egipetskoe monashestvo v konce IV v. // *Kul'tura Egipta i stran Sredizemnomor'ya v Drevnosti i Srednevekov'e:* sb. st., posvyashheny'j T.N. Savel'evoj. М.: CEI RAN, 2009. S. 127–143.
3. *Vojtenko A.A.* Grecheskie redakcii Zhitiya sv. Onufriya Velikogo i arxiv o. Zhozefa Paramelya // *Vestnik PSTGU. II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi.* М., 2015. Vy'p. 4 (65). S. 37–49.
4. *Grexpadenie* // *Mify' narodov mira.* Т. 1. М.: Rossijskaya e'nciklopediya; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. S. 318–321.
5. *Iosif Flavij. Iudejskaya vojna / Per. Ya.L. Chertka.* Минск: Belarus', 1991. 512 s.
6. *Lyonngren T.P.* Sobornik Nila Sorskogo. М.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2000. Ch. 1. 477 s.
7. *Lyonngren T.P.* Istochnik Zhitiya Onufriya Pustynnogo v Sobornike Nila Sorskogo // *Seminar «Istoricheskaya tekstologiya russkogo yazy'ka» [tezisy].* S. 849. URL: www.philol.msu.ru.

8. *Okerman S.K.* Oshibki v toponimike kak tekstologicheskij kriterij pri issledovanii perevodny'x pamyatnikov (na primere Zhitiya Onufriya Pusty'nnika) // Scripta & e-Scripta. The Journal of Interdisciplinary Medieval Studies. Sofia, 2009. Vol. 7. P. 121–134.
9. *Polyakova S.V.* Vizantijskie legendy'. M.: Ladomir, 1994. 304 s.
10. *Toporov V.N.* Rasteniya // Mify' narodov mira: e'nciklopediya. T. 2. M.: Rossijskaya e'nciklopediya; Minsk: Diler; Smolensk: Rusich, 1994. C. 368–371.
11. *Åkerman S.K.* Zhitie Onufriya Pustynnika v rukopisnoj tradicii srednevekovoj Rusi. Uppsala, 2007. Diss. 321 c.
12. *Amélineau E.* Voyage d'un moine égyptien dans le désert // Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 6. Paris, 1885. P. 166–194.
13. *Coquin R.-G.* Onuphrius, Saint // Coptic Encyclopedia. Vol. 6. P. 1841–1842.
14. *Elliott A.G.* Roads to Paradise. Reading the Lives of the Early Saints. Hanover, London: University Press of New England, 1987. 244 p.
15. *Hagiographica inedita decem e codicibus eruit F. Halkin.* Turnhout; Leuven: Brepols, 1989 (Corpus Christianorum. Series Graeca, 21). XIII+165 p.
16. *Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles: Société des bollandistes, 19573. Vol. 2. 322 p.
17. *Hyvernat H.* Bibliothecae Pierpont Morgan Codices Coptici Photographice Expressi. Rome, 1922. Vol. 48. 120 p.
18. *Malevez M.* La mission de Paphnuce. Premières recherches en vue de la constitution du dossier hagiographique des abba Onuphre, Paphnuce et Timothée // Études coptes. VIII / éd. sous la direction de Chr. Cannuyer. Lille-Paris, 2003. P. 225–236.
19. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobona: Guilelmus Braunmueller, 1862–1865. XXII + 1171 p.
20. *Nau F., Clignet L.* Vies et récits d'anachorètes (IVe–VIIe siècles) // Revue de l'Orient chrétien. Vol. 10 (1905). P. 39–56.
21. *Wallis Budge E.A.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1914. 523 p.

A.A. Voytenko

Apples and Figs. One Discrepancy in the Life of St. Onnophrius the Great

The article is devoted to one variant reading in the Life of St. Onnophrius the Great. In one episode of the Life the author is describing an oasis, reminding the paradise. He lists plants that grow there. Coptic and Greek-Slavonic versions of the Life have one discrepancy: in the Coptic version figs and apples are indicated, in the Greek-Slavonic one instead of the figs a mulberry is designated and the apples are lacking. In the article the author made an attempt to explain this discrepancy.

Keywords: Hagiography; Life of St Onnophrius the Great; textual criticism.

Ж.С. Мажитова

**Вклад М.П. Вяткина
в исследование народно-освободительного
движения казахов под руководством
бия-батыра Срыма Датова**

В статье рассматривается вклад М.П. Вяткина в исследование одной из сложных тем по истории казахского общества, касающееся народно-освободительного движения под руководством бия Срыма Датова. Автор отмечает, что М.П. Вяткину удалось, несмотря на наметившуюся в то время в советской историографии тенденцию, относить всех биев к классовым врагам советской власти, показать движение под его руководством как народное и освободительное.

Ключевые слова: народно-освободительное движение; бии; суд биев.

Одним из приоритетных направлений, исследование которого было начато в 1940-х годах, стала тема освободительного движения казахов. Появилось немало работ, в которых предпринимались попытки раскрыть закономерности причин и ход народных выступлений, выявить социальный состав участников, цели и задачи каждой политической силы. В этом направлении, бесспорно, выделяются фундаментальностью работы профессора М.П. Вяткина (1895–1967) о батыре Срыме [1–2], который был бием рода байбакты, богатым родоправителем, руководителем одного из самых значительных выступлений казахов в Младшем жузе в последней четверти XVIII века (1783–1797). Полагаем, что выход монографии стал важным историографическим событием, так как заложенный ученым теоретико-методологический подход к изучению народных выступлений стал основополагающим не только для советской, но и для современной историографии.

М.П. Вяткин при исследовании этого движения столкнулся, на наш взгляд, с рядом трудно разрешимых задач: во-первых, руководителем движения являлся представитель привилегированного, зажиточного сословия, а между тем ученый при характеристике этого выступления называет его антиколониальным и антифеодальным. Объяснение объективных и субъективных побудительных мотивов руководителя движения для выступления против той части общества, представителем которой он сам являлся, учитывая, что в «Кратком курсе» ученым вменялось в обязанность «не сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев» [4: с. 154], мы полагаем, вызывало у автора методологические трудности. Во-вторых, неоднородность движущих сил на разных его

этапах приводила к изменению «политической программы» руководителя и его сторонников, поэтому ученому предстояло объяснить, каким образом Срымү Датову удавалось сохранять баланс политических сил, на протяжении длительного времени (14 лет) оставаться признаваемым народным лидером, в конце концов, свергнуть ханскую власть, т. е. совершить своего рода «революцию», учитывая, что он не был пролетарием и уж тем более большевиком. В-третьих, характеризуя выступление шаруа как народное, крестьянское, М.П. Вяткин в то же время показывает, что бии, старшины, султаны и другие привилегированные группы не были случайными «попутчиками», они выступали совместно с крестьянскими массами, выражая и преследуя общие с ними цели.

Надо отметить, что ученому в целом удалось решить возникшие научные задачи путем скрупулезного анализа сложившейся социально-политической и экономической ситуации в Младшем жузе в XVIII веке. Нас заинтересовала та часть исследований М.П. Вяткина, в которой предпринята попытка дать развернутую характеристику сложившихся общественных отношений у казахов. Ученый, исследуя классовую структуру казахского общества XVIII века, выделяет два основных класса: «...с одной стороны, феодалы в лице султанов — старой кочевой аристократии, и родовой знати в лице биев, батыров, мурз, тарханов и, с другой, феодально-зависимых масс трудящихся казахов» [2: с. 378]. Важно заметить, что М.П. Вяткин, не будучи знаком с архивными материалами Оренбургской пограничной комиссии¹ (такой вывод позволяет сделать приведенный в монографии обзор источников), предлагал дифференцированно относиться к этому «видовому, а не родовому понятию». Так, те бии, которые с 1787 года, когда российское правительство ввело в Младшем жузе особую должность «родовых старшин», стали именоваться биями-старшинами, или просто старшинами, скорее всего, принадлежали к знатым и влиятельным семействам. В то же время ученый считает, что сословная группа биев в казахском обществе была открытого типа, т. е. «звание бия мог получить и казах, не принадлежавший к родовой знати. Мы должны таких биев — добровольно признаваемых судей — отличать от биев-старшин» [1: с. 111]. Такой вывод очень важен для понимания особенностей выступлений казахских шаруа, учитывая, что наметившаяся в то время в советской историографии тенденция относить всех биев, старшин и т. д. к классовым врагам советской власти не позволяла объективно обрисовать сложность и противоречивость отношений различных групп, скрепленных родовыми отношениями. Отчасти такой подход ученого объясняет активное участие биев в этом движении.

По мнению автора, наиболее трудно объяснимым термином является «бий», корни которого, на основе сравнительного анализа тюркских источников, он относит к доказахскому прошлому общества Дешт-и Кыпчака. Так, например, он пишет: «В хронике Муниса “Рай счастья” Узбек-хан (1312–1340), чтобы отличить принявших мусульманство нойонов, присвоил им тюркское

¹ Речь идет об отчетах 1846 г. чиновников Оренбургской пограничной комиссии Аитова, Белозерова и др., в которых были представлены материалы об обычном праве казахов.

звание “бек”» [2: с. 107]. Далее, вновь ссылаясь на этот источник и материалы дореволюционной российской историографии, М.П. Вяткин приходит к убеждению, что бии в казахском обществе являлись не столько представителями «родовой демократии» (хотя ученый этого не исключает), сколько родовой знатью, захватившей в свои руки управление государством, позволив им создать привилегированную группу родовой знати и прямым образом влиять в своих интересах на верховную власть. Подтверждая свой вывод, М.П. Вяткин пишет: «Ни одного сколько-нибудь значительного решения хан не мог принять без согласия старшин. Когда хан обходил решения собрания, это вызывало протест со стороны старшин. Феодалным “правом совета” старшины крайне дожили». Более того, осознание своего значения и авторитета среди кочевников и боязнь потерять их привели к конфликту: «Одной из причин возмущения старшин ханом Нуралы в 80-х гг. XVIII в. было то, что хан в практике управления отказался признавать это право за старшинами» [2: с. 149–150].

Останавливаясь в своей работе на вопросе наследственности бийского звания, ученый говорит о появлении такой тенденции в XVII веке. Однако, как правильно подмечает М.П. Вяткин, генеалогическая близость претендента на это звание к бийскому сословию не означала автоматического признания общиной его в этом качестве. Звание бия было почетным, и желание со стороны родовой знати создать замкнутую наследственную группу говорит, скорее всего, о наметившемся стремлении бийского сословия.

Большое внимание ученый уделяет раскрытию специфики национально-освободительных движений казахов. Интерес ученого вызван желанием связать классовые противоречия в казахском обществе, как причину народных выступлений, с наличием различных форм патриархально-родового быта: родовая ответственность сородичей за каждого своего члена, делегирование интересов общины ее родовым представителям, регулирование общественных отношений нормами адата, генеалогическая иерархия племенных и родовых групп, внеэкономические формы принуждения (саун, аманат-мал, сыбага и т. д.), совет биев и старшин и т. п.

Наличие патриархально-родовых пережитков, которые замаскировывали классовые общественные противоречия, по мнению ученого, объясняют многие, непонятные на первый взгляд коллизии движения. Во-первых, родовые обычаи и узы, которыми переплетались все социальные группы (в том числе антагонистические в материальном отношении), мешали размежеванию сил, в итоге управление родовыми общинами и руководство движением сосредотачивалось в руках признанных делегатов — высших социальных слоев, в данном случае — биев (Срыма Датова). М.П. Вяткин, ссылаясь на сведения Я. Гавердовского, пишет: «О его богатстве... дает некоторое представление тот ас (поминки в годовщину. — *Ж.М.*), который был справлен по нему после его смерти. Ас по Срымю стоил наследникам и родным 3000 овец, до 300 лошадей, до 6000 ведер кумыса, нескольких кибиток, панцырей и множества других вещей» [2: с. 194–195]. Во второй половине XVIII века бийская группа,

обеспокоенная сужением кочевых маршрутов, вызванных правительственными указами от 1742 года и приведших к земельному кризису, который в свою очередь спровоцировал появление антиханских настроений, «созревает» до введения на территории Младшего жуза новых форм казахской государственности путем отказа от ханского управления и передачи рычагов власти съезду биев и старшин.

Данное обстоятельство не помешало автору сделать вывод о народном характере крестьянской войны под руководством Срыма Датова, так как, с одной стороны, «огромную роль играл земельный вопрос», с другой — «народная основа борьбы позволила Срым Датову поставить вопрос о ликвидации ханской власти» [2: с. 217–218]. Причина парадоксальности и противоречивости на первый взгляд вывода ученого — «Срым Датов — вождь народного движения» — объясняется, видимо, следующим образом. М.П. Вяткин, оказавшись зажатым в тисках классового подхода, был вынужден искать классовую природу конфликта там, где она не могла иметь ярко выраженной формы. Ведь недовольный политикой родоправителя кочевник мог в знак протеста откочевать в любое время года и в любом направлении. В кочевом обществе противоречия редко выступали в форме вооруженной борьбы, они сглаживались обычно-правовыми институтами. Поэтому классовый подход в объяснении национально-освободительного движения казахов не помогал, а скорее усложнял задачу исследователя: «Срым Датов — богатый родоправитель, бий, “эксплуататор” и руководитель народного движения» в одном лице. Отсюда понятно желание М.П. Вяткина сгладить это противоречие патриархально-родовыми пережитками общества.

Во-вторых, ученый видит связь между патриархально-родовыми пережитками и участием широких масс кочевников в движении в том, что в традиционном сознании народа бий являлся общепризнанной популярной фигурой. Бий — почетное звание, авторитетное лицо, непререкаемый судья: априори казахи доверяют ему свои кровные интересы и заботы, будучи уверены в том, что лучше него защитить и отстоять будущее общины не сможет никто. Понятен замысел ученого, когда он приводит народные сказания о Срыме, полные неподдельной любви и надежды, рисующие его народным героем, борцом, оратором. В-третьих, несмотря на то, что Срым и его сторонники преследовали, в первую очередь, узкородовые интересы, активность масс прослеживалась практически на всех этапах движения. Данное обстоятельство, так же как и предыдущие, объяснялось патриархально-родовыми формами, которые предполагали солидарность всех членов кочевой общины. Стихийность, размежевание участников в ходе движения, изменение политической цели (от полной ликвидации ханской власти до пожелания «такого хана, какой их воле был бы послушен») и др. причины стали объективным фактором «разоблачения» призрачности единства интересов разных политических сил. Это, в свою очередь, позволило М.П. Вяткину сделать принципиальный вывод: «Движение Срыма мы должны оценить как явление революционно-освободительное в развитии казахского общества» [1: с. 212], «классовый характер движения

проявился в борьбе *не против родовых биев* (курсив мой. — Ж.М.), а против султанов, стоявших вне казахских общин» [2: с. 380]. В целом схожую характеристику со стороны М.П. Вяткина получили и другие движения казахов, возглавляемые биями, — И. Таймановым, Ж. Нурмухамедовым.

Взгляды ученого по этому вопросу были отражены в первом издании «Истории Казахской ССР» 1943 года, соавтором которого он являлся [5]. К работе над первым учебником по истории республики была привлечена группа специалистов из центральных научных институтов Москвы и Ленинграда, эвакуированная в Казахстан в годы Великой Отечественной войны, в числе которых были такие видные ученые, как А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.П. Вяткин и др. С казахстанской стороны в работе над научным проектом принимали участие Е.Б. Бекмаханов, И. Омаров и др. Жаркие споры и дискуссии среди авторов вызывали многие вопросы истории казахов, среди которых стоит особо отметить следующие: характер, причины и ход присоединения Казахстана к России («наименьшее зло» или «сговор казахской феодальной верхушки с царским правительством»); время формирования казахской народности (до или после образования Казахского ханства). Пожалуй, одним из немногих вопросов, по которым ученым удалось выработать единую позицию, стал вопрос о народно-освободительном движении казахов XVIII–XIX веков, которое характеризовалось как антиколониальное и национально-освободительное, вне зависимости от степени и активности участия в них полярных классовых сил, так как «элементы социальной борьбы не играли роли» [5: с. 329]. Концептуальный подход при освещении национальных движений в советской историографии того времени был высказан А.М. Панкратовой: «Национальные освободительные движения в Казахстане проходят через весь колониальный период казахской истории. Их можно разбить на три периода: борьба против завоевания и колонизации Казахстана с середины XVIII века до конца XIX века; национально-революционное движение в годы первой русской революции 1905–1907 годов; массовое национально-освободительное восстание 1916 года, непосредственно предшествовавшее Октябрьской революции» [6: с. 22].

Основные задачи выступлений казахов, по мысли авторов учебника, заключались в «создании независимого Казахского ханства, против наступавшего русского царизма, против тех представителей казахской знати, которые становились на сторону царского правительства» [5: с. 329]. Конечно, в военные годы, когда особенно актуализировались вопросы советского патриотизма, «нерушимости дружбы и единства исторических судеб народов, живших в Советском Союзе», трактовка закономерностей исторического развития казахов сквозь призму борьбы за свою независимость объективно не могла не вызвать критику со стороны как партийных, так и научных организаций.

Поэтому неудивительно, что первое издание по истории Казахстана и в первую очередь вопросы по истории национально-освободительного движения подверглись массивной критике со стороны как партийных органов, так

и историков. Резюмировать критические выступления в адрес авторов учебника можно словами профессора С.К. Бушуева, который, в частности, отмечал: «Книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России» [7].

Огульные обвинения, показательные осуждения «политически невыдержанных» исследований с участием ответственных партийных работников, наклеивание необоснованных ярлыков конечно же не могли не привести к морально-психологическому дискомфорту, естественной обиде, появлению чувства научной неполноценности, невостребованности среди целой плеяды замечательных ученых.

Некоторые ученые (М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов и др.) под давлением сложившихся обстоятельств были вынуждены поменять свои научные взгляды (или продемонстрировать, что они их поменяли). Так, в 1952 году появляется «покаянная» статья М.П. Вяткина, в которой автор признавал грубые ошибки, допущенные при оценке национальных движений [3]. В статье встречается ряд положений, недостаточно аргументированных и явно декларативных, со ссылкой на работы И.В. Сталина, доказывающих зависимость автора от утвердившихся в исторической науке шаблонов и не отражающих его истинной научной позиции. Несмотря на идеологический диктат, конъюнктуру в исторической науке, научный вакуум (к написанию третьего издания истории Казахской ССР его не пригласили), М.П. Вяткин старался оставаться верным своим научным убеждениям.

Таким образом, в начале 1940-х годов появлялись работы, отличающиеся новизной исследовательских подходов, глубиной выводов, основывающихся на скрупулезном изучении первоисточников. Именно к таким можно отнести исследования М.П. Вяткина, внесших значительный вклад в разработку методологических подходов при анализе народно-освободительного движения кочевников. Благодаря М.П. Вяткину советская историография 1930–1950-х годов смогла поставить и решить целый комплекс проблем, в том числе исследовать один из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народное движение. Труды М.П. Вяткина и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишней раз доказывают высочайшую квалификацию ученого, его желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученого такого уровня в исследовании истории движений можно и сегодня назвать монопольным.

Литература

1. *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л.: Огиз, 1941. 367 с.
2. *Вяткин М.П.* Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. 391 с.
3. *Вяткин М.П.* Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 157–159.
4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
5. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 660 с.
6. *Панкратова А.М.* Основные вопросы истории Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1943. № 11–12.

7. *Иванов Ю.Ф.* Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.

Literatura

1. *Vyatkin M.P.* Oчерki po istorii Kazaxskoj SSR. T. 1. L.: Ogiz, 1941. 367 s.
2. *Vyatkin M.P.* Baty'r Sry'm. M.; L.: AN SSSR, 1947. 391 s.
3. *Vyatkin M.P.* Pis'mo v redakciju // Voprosy' istorii. 1952. № 2. S. 157–159.
4. Istorija Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M.: Gospolitizdat, 1938. 351 s.
5. Istorija Kazaxskoj SSR s drevnejshix vremen do nashix dnei / Pod red. M. Abdy'kaly'kova, A. Pankratovoj. Alma-Ata: KazOGIZ, 1943. 660 s.
6. *Pankratova A.M.* Osnovny'e voprosy' istorii Kazaxskoj SSR // Bol'shevik Kazaxstana. 1943. № 11–12.
7. *Ivanov Yu.F.* Pis'ma Anny' Mixajlovny' Pankratovoj // Voprosy' istorii. 1988. № 11. S. 54–79.

Z.S. Mazhitova

M.P. Vyatkin's Contribution in the Research of Kazakh National-Liberation Movement Led by Biy-Batyr Syrym Datov

The article considers M.P.Vyatkin's contribution in the research of one of the complicated issues in the history of Kazakh society related to the national liberation movement led by biy Syrym Datov. The author notices that M.P. Vyatkin managed to show the movement led by him as national and liberating despite the trend charted at the time in the Soviet historiography to attribute all biys as the class enemies of Soviet regime.

Keywords: national-liberation movement; biys, biys' court.

Д.С. Крысенко

Место Анголы в противостоянии США и СССР на юге Африки (1975–1991 годы)

В статье освещаются основные события и закономерности соперничества США и СССР в Анголе на завершающем этапе «холодной войны». Внимание акцентировано на военно-политических аспектах стратегии Москвы и Вашингтона относительно событий войны в республике.

Ключевые слова: США; СССР; Куба; ЮАР; Ангола; ФНЛА; УНИТА.

Вторая половина XX века вошла в историю как закат империй. Распад каждой из них имел свою «клинику», однако большинство европейских метрополий достаточно легко отказались от своих колоний в Тропической Африке, ответственность за будущее которой поспешили взять на себя новые сверхдержавы — США и СССР. Итак, в контексте глобального противостояния между ними образовалось множество «горячих точек», и значительная их часть — на африканском континенте. Отечественные и зарубежные ученые сохраняют к ним значительный интерес. В частности, этим проблемам посвящены работы Д. Беннета, Р. Биссела, К. Эдельмана, Дж. Кемпа, Д. Макгерни, В. Скурника, Дж. Спенсера, Н. Уэссели, В. Уейнштейна, Т. Хенриксена, Ю.И. Алимова, К.Н. Брутенц, Л.В. Гончарова, Л.М. Энтина, Е.М. Примакова, Г.Б. Старушенко, Е.М. Тарасова, Г.В. Фокеева, А.М. Хазанова. Однако «ангольский вопрос» традиционно остается «в тени» более резонансных конфликтов континента, в частности, в Алжире и Эфиопии. Итак, целью данной статьи является анализ форм и методов противоборства Москвы и Вашингтона в Анголе 1970–1980-х годов. Для реализации поставленной цели определены следующие задачи: выяснить истоки американо-советского соперничества в Юго-Западной Африке; проследить ход противостояния; раскрыть их стратегию и тактику.

Богатые природными ресурсами и важные с геополитической точки зрения Ангола и Мозамбик, расположенные на юге Африканского континента, более полтысячелетия оставались владениями Лиссабона. Ситуация изменилась в 1960-х годах, когда произошел мощный подъем антиколониального движения. Его ячейками были «Народное движение за освобождение Анголы» (МПЛА), «Национальный фронт освобождения Анголы» (ФНЛА) и «Национальный союз за полную независимость Анголы» (УНИТА). Эти движения были организованы Агостиньо Нето, Холденом Роберто и Жонасом Савимби в 1956, 1962 и 1966 годах

соответственно. Все три лидера вели свою собственную борьбу за независимость страны и плохо ладили друг с другом. Группировки имели относительный силовой паритет, однако наибольшей поддержкой населения пользовалась близкая к Москве и Гаване марксистская МПЛА, которая первой вступила в партизанскую борьбу против колониальных властей [7: с. 481].

С переменным успехом эта борьба продолжалась в течение всех 1960-х гг., однако победа освободительных движений была опосредована внешними событиями, прежде всего изменениями в самой метрополии. В апреле 1974 года в Португалии произошла антифашистская «революция гвоздик», в результате которой к власти пришли левые военные, близкие к португальской коммунистической партии. Новое правительство сразу же заявило о намерении отказаться от колониальной империи и дать свободу бывшим владениям. Успешный «правый» контрпереворот в Португалии в марте 1975 года не повлиял на решение Лиссабона отпустить Анголу, и вскоре между Португалией, с одной стороны, и МПЛА, ФНЛА и УНИТА, с другой, было подписано соглашение о практическом переходе африканской страны к независимости. Согласно достигнутой договоренности, эти группы должны были создать коалиционное правительство новой независимой Анголы. Они же должны были привести страну к выборам. Однако на пути стабильного развития молодой республики стали противоречия между их лидерами, переросшие в вооруженные столкновения. В результате переходное правительство так и не было сформировано, начался длительный политический кризис. Силам МПЛА удалось вытеснить из столицы конкурентов, поэтому последние поспешили обратиться за помощью к западным государствам, прежде всего — США.

Бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс в книге воспоминаний «Из тени» пишет о том, что к лету 1975 года Соединенные Штаты лишь наблюдали за тем, что происходит в Анголе: «Притом, что и ЦРУ, и Госдепартамент практически враждебно относились к идее дальнейшего вмешательства, к лету 1975 года ничего не происходило. Летом вмешался Генри Киссинджер и сдвинул дело с мертвой точки — в немалой степени из-за угрозы того, что две страны — Португалия и Ангола — могли почти одновременно стать коммунистическими. По его настоянию, ЦРУ, в конце концов, разработало план оказания военной и другой помощи ФНЛА и — в меньшем объеме — УНИТА» [9: с. 302]. В июне 1975 года состоялась серия заседаний Совета по национальной безопасности, в ходе которых обсуждался «ангольский вопрос». В узком кругу американской политической элиты царил единодушие относительно стремления взять на себя роль Португалии в Африке. Вдохновителем американской роли в «ангольской драме» выступал госсекретарь Г. Киссинджер, однако участие это стремился скрыть. С момента поражения в Индокитае американское общественное сознание было поражено «вьетнамским синдромом», и прямое участие собственных сил в конфликтах третьего мира было неприемлемым. Р. Гейтс пишет о том, что 1975 год был поворотной точкой «холодной войны» в третьем мире. США проиграли Вьетнам и вышли

из войны с твердым убеждением: никогда больше Америка не будет принимать участие в подобных мероприятиях [9: с. 305]. Итак, высшие политические круги могли действовать в Африке только секретно: на совещаниях СНБ было принято решение о финансовой поддержке боевиков УНИТА и передаче им пакета вооружений. Гейтс отмечает, что «вскоре после сделки 1975 года между Португалией и тремя группировками, которые были основаны по племенному признаку, начался конфликт, который имел этнический оттенок. ЦРУ предложило Белому дому предоставить небольшую финансовую помощь ФНЛА во главе с Холденом Роберто... Предложение было рассмотрено, и ей было выделено 300 тысяч долларов» [9: с. 305]. Кроме того, в страну отправились инструкторы и новейшая техника. Несмотря на это, МПЛА сохраняла военную инициативу: «Соединенные Штаты хотели чужими руками таскать каштаны из огня, но эти планы провалились», — отмечает Пьеро Глейджесес, профессор университета Джона Хопкинса. Помощь оппозиции было решено существенно увеличить, и президент Дж. Форд утвердил программу по поставкам вооружений на сумму в 14–17 млн долларов. В августе к этой сумме добавили еще 10 млн, и в общей стоимости операция в Анголе до сентября 1975 года обошлась в 25 млн долларов [10: с. 119]. «Выгребать жар» из огня в ангольских прериях США попытались руками ЮАР, которая стремилась окружить себя поясом лояльных режимов. Также к антиангольским действиям удалось привлечь Заир, и в июле 1975 года, после нажима из Белого дома, их регулярные войска и наемники из других стран перешли ангольскую границу. Руководства УНИТА и ФНЛА оказались «всеядными», стремясь воспользоваться любой помощью как с Запада, так и с Востока. Их успехом была поддержка Китая. В середине июля 1975 года Пекин дал свое согласие на передачу войскам УНИТА китайского военного снаряжения, которое находилось в Заире. В местах их дислокации появились китайские военные советники, которые учили боевиков тактике партизанской войны. Однако в борьбе за «африканское» влияние китайцам пришлось уступить. Пекин, в отличие от Москвы, еще не был готов «проецировать» свою политическую и военную мощь на дальние расстояния. Это произошло позже, когда не стало ни самого СССР, ни его силовой мощи.

Итак, Претория и Киншаса действовали с одобрения и при поддержке Вашингтона. Впрочем, во время слушаний в Конгрессе (как и на страницах своей книги воспоминаний «Годы возрождения») Киссинджер подчеркивал, что агрессия против Анголы оказалась для США полной неожиданностью, поскольку от африканских дел они отстранились.

С помощью США, Китая и военных контингентов Южной Африки ФНЛА и УНИТА перешли в наступление. Взаимоотношения этих двух группировок не были гармоничными, и объединить их на время могло только одно — общий враг в лице МПЛА. И борьбу с ней щедро оплачивал Запад.

Вокруг Луанды сложилась угрожающая ситуация, а сил и средств для длительного сопротивления у МПЛА не было. Учитывая это, Нето обратился к Кубе с отчаянным призывом о помощи, и 4 ноября 1975 года ее правительство

дало положительный ответ. Выбор ангольским руководством именно этой страны был опосредован высокими боевыми качествами кубинской армии, а также наличием большого количества чернокожих солдат в ее составе, что могло значительно облегчить общение с местным населением. Решение Фиделя Кастро помочь африканцам вызвало среди кубинцев волну энтузиазма: откликнулись тысячи добровольцев, однако по критерию боевых и моральных качеств условия отбора были жесткими [11: с. 584]. Подготовкой «ангольской» операции, получившей в Гаване кодовое название «Карлота» (в честь легендарной рабыни, которая возглавила восстание чернокожих на Кубе в 1843 году), было поглощено практически все руководство кубинских вооруженных сил [8: с. 375]. Экспедиционный корпус в Анголе возглавил начальник генерального штаба Кубы генерал-майор С. Регуера. СССР, благосклонно относясь к кубинско-ангольскому сотрудничеству, проявлял осторожность, «передоверяя» Кубе активную роль в оказании помощи ангольским левым силам [1: с. 384].

Несколько дней после того, как кубинцы ответили согласием, в ночь с 10 на 11 ноября 1975 года А. Нето объявил о социалистическом выборе новой независимой африканской страны, которая получила название «Народной Республики Анголы». В тот же день ее признал целый ряд государств, в том числе СССР. Первым президентом Анголы был избран А. Нето, а руководящая роль его партии в политической жизни была закреплена конституцией [8: с. 481].

Сложилась парадоксальная ситуация, при которой официальный Вашингтон утверждал, что вмешался уже после того, как в Анголе появились силы социалистических стран. Впрочем, вывод о центральной роли Соединенных Штатов в «разжигании ангольского костра» разделяют и сами американцы, в частности, упомянутый Глейджесес. Он подтверждает тот факт, что американские советники появились в Анголе несколькими месяцами ранее кубинцев. По словам этого историка, работавшего в архивах США и Кубы, Киссинджер распорядился, чтобы ЦРУ подготовило фальшивые свидетельства о событиях, которые происходили в Анголе с августа по октябрь 1975 года. В них «фиксировалось» пребывания в стране тысяч кубинских солдат. Однако реальность была иной: из документов ЦРУ, к которым имел доступ Глейджесес, следует, что к 4 ноября в Анголе находилось всего несколько кубинцев, которые выдавали себя за туристов. Причем Глейджесес уверяет, что это было сделано без ведома Москвы [10: с. 125]. На этом тезисе настаивает и А.Б. Давидсон, руководивший Центром африканских исследований Института всеобщей истории, который отмечает, что Гавана поставила Москву перед уже свершившимся фактом; активность кубинцев для нее оказались неожиданностью: как уже говорилось, португальцы отпустили все свои колонии на свободу почти без борьбы, поэтому советская разведка не успела вовремя отреагировать [3: с. 118]. По словам Р. Гейтса, в Соединенных Штатах советскую политику воспринимали так: «Хотя Советский Союз в течение многих лет оказывал небольшую финансовую помощь Нето, в начале 70-х годов в Москве еще не решились окончательно, которую из трех группировок поддерживать. Позже советские

источники рассказали нам, что Нето подозревался в связях с Западом. Было известно и о том, что у Нето серьезные проблемы с алкоголем» [9: с. 315]. Только в январе 1976 года кремлевские политики выделили аэрофлотовские самолеты Ил-62, которыми с Острова свободы в Анголу доставлялась помощь. В 1977 году Габриэль Гарсиа Маркес, выдающийся латиноамериканский писатель, поддерживавший неформальные отношения с Ф. Кастро, опубликовал свою версию участия Кубы в гражданской войне в Анголе. Согласно этой версии, кубинский команданте Флай Браво встретился с А. Нето в Браззавиле в мае 1975 года. На этой встрече Нето «попросил помощи в поставках вооружений и намекнул о возможности в дальнейшем более специфического сотрудничества» [6: с. 375]. Особенно его интересовал вопрос кубинских военных советников и инструкторов. Кубинская военная помощь наращивалась не по дням, а по часам. В начале 1976 года кубинцы смогли довести численность своего контингента до 36 тысяч человек, которые быстро завоевали популярность у жителей Анголы. Никогда ранее кубинское военное присутствие за рубежом не достигало столь значительного размера.

При этом контингент из СССР был гораздо малочисленнее, и группа советских военных советников и специалистов, прибывшая в Луанду во главе с полковником В. Трофименко, насчитывала всего 90 человек. Совместно с кубинцами им удалось открыть несколько учебных центров, где началась ускоренная подготовка местных военных кадров. В 1976 году группа советских военнослужащих в Анголе насчитывала, по некоторым оценкам, до 350 человек [5: с. 448].

В одном из своих радиointервью А. Нето с благодарностью признал, что Советский Союз без долгих проволочек поставил в Анголу несколько партий вертолетов, 10 истребителей МиГ-17 и 12 — МиГ-21 (впрочем, летали на которых кубинские летчики), 70 танков Т-34, 200 — Т-54 и 50 — ТТ-76, около 300 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также противотанковые ракеты, установки залпового огня и многое другое. К апрелю 1976 года были переданы и другие виды тяжелого вооружения, а также крупные партии стрелкового. Наиболее эффективно, как и предполагалось, показали себя установки залпового огня БМ-31, названные на Западе «сталинскими органами». Смонтированные на грузовиках, они могли посылать ракеты на расстояние до 12 км, в то время как лучшие минометы ФНЛА были эффективны на расстоянии всего в 8 км [6: с. 373–374]. Кроме того, оружие поставлялось из других социалистических (Югославии и ГДР) и одной несоциалистической страны (Греции). Помощь Варшавского блока поступала преимущественно через соседнее Конго, правительство которой поддерживало А. Нето. Встречи советских и ангольских дипломатов также преимущественно проходили в Браззавиле.

Итак, СССР и Куба продолжали расширять свое присутствие в Анголе, поэтому администрация Форда обратилась к ЦРУ с запросом о возможных вариантах дальнейших действий. Новая операция требовала значительного финансирования, выделить которое из собственного бюджета Центральное разведывательное управление не смогло. И на этом этапе, когда ЦРУ запросило у Кон-

гресса США еще 30 млн долларов на Анголу, законодатели вновь заговорили о «новом Вьетнаме». Ситуация осложнилась и тем, что 13 декабря 1975 года вся история тайных дел в Анголе попала на страницы газеты «Нью-Йорк таймс». В итоге, Конгресс потребовал прекратить какое бы то ни было вмешательство в Анголу и помощь какой бы то ни было группировке в этой стране. 9 февраля 1976-го президент США подписал соответствующее решение Конгресса, и оно стало законом. Ангола отошла в сферу интересов Советского Союза.

В результате к концу марта 1976 года вооруженные силы НРА при прямой поддержке кубинских добровольцев и помощи советских военных специалистов, которые принимали участие в планировании боевых операций, вытеснили со своей территории войска ЮАР и Заира, овладев крупными населенными пунктами и рядом военных объектов.

В конце мая 1976 года А. Нето приехал в Москву с официальным визитом, в ходе которого была подписана «Декларация о принципах дружественных отношений и сотрудничества между СССР и НРА». Сближение стран продолжалось, и пять месяцев спустя, 8 октября 1976 года был подписан договор о дружбе и сотрудничестве с 20-летним сроком действия [5: с. 377]. После этого А. Нето договорился с Ф. Кастро о постепенном выводе кубинских войск из Анголы (по 200 человек в неделю). Но эта договоренность так и осталась на бумаге: кубинский контингент еще долгие годы поддерживал в республике стабильность. В конце ноября 1976 года у ангольских берегов появилась группа боевых кораблей ВМФ СССР, которая должна была обеспечить безопасность торговых судов, следовавших в Анголу с грузами. Побережье патрулировалось силами советского флота на постоянной основе, а в столице страны находился пункт их материально-технического обеспечения. Там же находилась советская авиабаза, которая играла значительную роль в осуществлении материальной помощи правительства. Солдат МПЛА обучали советские офицеры, находившиеся в стране и гражданские специалисты.

Несмотря на политический успех, молодая республика имела множество проблем, прежде всего — сохранение мира. ФНЛА была расформирована, однако части УНИТА отступили в юго-восточный угол Анголы. Их тактическим успехом был захват в 1981 году Мавинги, небольшого городка на юге страны. Со своим аэродромом, он превратился для УНИТА в центр и ключевую базу снабжения.

Атаки УНИТА заставили СССР усилить свою помощь Луанде и увеличить поставки оружия, в том числе тяжелых танков Т-62, истребителей МиГ-23 и Су-22 и боевых вертолетов Ми-24. Одновременно Советский Союз построил на юге Анголы новую линию обороны и развернул станцию ПВО. Кроме того, в ноябре и декабре 1983 года в Анголу из Эфиопии перебросили дополнительные силы и кубинцы.

В конце июля 1984 года правительственные силы попытались нанести окончательное поражение оппозиции, однако на сторону последней снова стали США. Для американских чиновников «ангольская проблема» оставалась

настоящей «головной болью», так же как и для президента Р. Рейгана, который должен был продемонстрировать преданность собственной внешнеполитической доктрине: согласно ей он обязался защищать «борцов за свободу» и ликвидировать влияние СССР в странах третьего мира [2: с. 116]. «Вьетнамский синдром» понемногу отходил в прошлое, следовательно, необходимость поддержки ангольской оппозиции признали и на Капитолийском холме. Конгресс отменил поправку Кларка 1976 года, которая запрещала американскую помощь УНИТА. Силы УНИТА начали получать гуманитарную помощь, одобрил Конгресс предоставления и военной поддержки на сумму 27 млн долларов. Впрочем, министр обороны Каспар Уайнбергер и директор ЦРУ Уильям Кейси настаивали на том, что эта помощь должна быть еще более широкой. По их мнению, Ангола имела весьма важное значение, поскольку была для Москвы плацдармом распространения влияния на Намибию и ЮАР.

Не осталась в стороне и Претория, регулярные части которой вновь ворвались в Анголу. Развернулись бои, в которых активное участие также принимали израильские и немецкие пилоты-наемники. Июль 1985 года оказался для УНИТА наиболее успешным месяцем за весь период ее существования. С 60-ю тысячами воинов под своим командованием Савимби совершил сотни нападений по всей стране, и администрация Рейгана теперь получила уникальную возможность для реванша. В этот период кремлевские политики оказались в сложной ситуации, ведь кроме Анголы советские военнослужащие были привлечены к событиям в Афганистане, Эфиопии, Мозамбике и Никарагуа. Ситуация приобрела настолько угрожающий характер, что в Анголу в качестве главного военного советника был направлен генерал В.И. Варенников, который фактически возглавил ангольскую армию. Преимущества прямого советского оперативного управления были очевидными, и там, где раньше войска МПЛА могли продвигаться только до столкновения с огнем противника, было развернуто массированное наступление. Савимби вновь был вынужден отвести свои войска на юг [5: с. 261].

В результате до конца 1980-х годов Луанда сохраняла свою преданность Москве. Курс же США в отношении нее, наоборот, не достиг цели: «...политика США в Анголе была недальновидной и некорректной», — отметил бывший агент ЦРУ Роберт Халтслендер. Впрочем, ситуация изменилась в результате перемен в самом СССР — либерализация заставила его сдать свои позиции и прекратить помощь союзникам; в 1989 году было официально заявлено, что участие во внутренних конфликтах других стран больше не входит в сферу интересов Москвы. К тому моменту, начиная с 1975 года, в Анголе по линии Министерства обороны побывали более 10 тысяч советских военных советников и специалистов. Из них погибло 54 человека, в том числе 45 офицеров.

Лишенная советской поддержки, Луанда была вынуждена идти на уступки оппозиции, для переговоров с которой встретилась в 1990 году в Нью-Йорке. Участие в переговорах приняли также представители ЮАР, США, СССР и Кубы, которые подписали соглашение о прекращении иностранного вмешательства в дела Анголы. Условия мира были уточнены в 1991 году в Лиссабоне, и лидеры

УНИТА и МПЛА обязались провести многопартийные выборы. Впрочем, оппозиция потерпела на них поражение, следовательно, гражданская война разгорелась с новой силой [5: с. 261]. Вопреки тому, что к 2002 году конфликт был погашен (после того как в результате гибели Ж. Совимби УНИТА сложила оружие), социально-экономическая ситуация в стране, к которой потеряли интерес великие державы, оказалась на грани катастрофы: инфраструктура была почти полностью разрушена, а потери составили сотни тысяч погибших и искалеченных, около полумиллиона человек стали беженцами. В наше время 80 % населения республики, богатой нефтью и алмазами, живет в абсолютной бедности.

Литература

1. *Богатуров АД.* Системная история международных отношений 1918–2008. Т. 3: События. 1945–2003. М.: Аспект Пресс, 2010. 520 с.
2. *Васильков В.В.* Политика США в Африке южнее Сахары в 70-х – начале 80-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 337 с.
3. *Давидсон А.Б.* Московская Африка. М.: Изд-во Театр. ин-та им. Бориса Щукина, 2003. 220 с.
4. *Зауде Зелеке.* Внешняя политика стран Африки в 1970–1980 гг.: (на примере Анголы, Эфиопии, Конго и Мозамбика): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1991. 22 с.
5. *Кальвокоресси П.* Мировая политика. 1945–2000. Кн. 2. М.: Междунар. отношения, 2003. 448 с.
6. *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2005. 778 с.
7. *Хазанов А.М.* История Анголы в Новое и Новейшее время. М.: Ин-т востоковедения, 1999. 390 с.
8. *Родригес А.М.* История стран Азии и Африки в Новейшее время. М.: Проспект, 2009. 512 с.
9. *Gates R.M.* From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N.-Y.: Simon & Schuster, 1997. 608 p.
10. *Gleijeses P.* Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Raleigh: The University of North Carolina Press, 2001. 576 p.
11. *Kaplan S.S.* Diplomacy of Power. Soviet Armed Forces as a Political Instrument. Washington: Brookings Inst., 1981. 733 p.

Literatura

1. *Bogaturov AD.* Sistemnaya istoriya mezhdunarodny'x otnoshenij 1918–2008. T. 3: Soby'tiya. 1945–2003. M.: Aspekt Press, 2010. 520 s.
2. *Vasil'kov V.V.* Politika SShA v Afrike yuzhnee Saxary' v 70-x – nachale 80-x godov: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1984. 337 s.
3. *Davidson A.B.* Moskovskaya Afrika. M.: Izd-vo Teatr. in-ta im. Borisa Shhukina, 2003. 220 s.
4. *Zaude Zeleke.* Vneshnyaya politika stran Afriki v 1970–1980 gg.: (na primere Angoly', E'fiopii, Kongo i Mozambika): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 1991. 22 s.
5. *Kal'vokoressi P.* Mirovaya politika. 1945–2000. Kn. 2. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2003. 448 s.

6. *Lavrenov S.Ya., Popov I.M.* Sovetskij Soyuz v lokal'ny'x vojnax i konfliktax. M.: AST; Astrel', 2005. 778 s.
7. *Xazanov A.M.* Istoriya Angoly' v Novoe i Novejshee vremya. M.: In-t vostokovedeniya, 1999. 390 s.
8. *Rodriges A.M.* Istoriya stran Azii i Afriki v Novejshee vremya. M.: Prospekt, 2009. 512 s.
9. *Gates R.M.* From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N.-Y.: Simon & Schuster, 1997. 608 p.
10. *Gleijeses P.* Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Raleigh: The University of North Carolina Press, 2001. 576 p.
11. *Kaplan S.S.* Diplomacy of Power. Soviet Armed Forces as a Political Instrument. Washington: Brookings Inst., 1981. 733 p.

D.S. Krysenko

**Place of Angola in the Confrontation of the USA and the USSR
in Southern Africa (1975–1991)**

The major events and regularities of rivalry between the USA and the USSR in Angola at the final stage of the «cold war» are highlighted in the article. Special attention is paid to the military and political aspects of Moscow's and Washington's strategy toward the events of war in the republic.

Keywords: the USA; the USSR; Cuba; the RSA; Angola; the MPLA; the UNITA.

Ф.А. Михайловский

**Гульельмо Ферреро
и его «Величие и падение Рима»:
к столетию первого русского издания
(Ферреро Г. Величие и падение Рима /
Пер. А.А. Захарова. Т. I–V. М.: Изд.
М. и С. Сабашниковых, 1915–1923)**

В начале прошлого столетия, с 1902 по 1906 год, молодой итальянский журналист и публицист Гульельмо Ферреро, не писавший прежде научных работ по римской истории, выпускает целых пять томов под броским названием «Величие и падение Рима». При этом его общий замысел просто грандиозен и достоин самого Тита Ливия: «Я намерен, — пишет автор в предисловии к первому тому, — в последующих томах продолжить рассказ вплоть до окончательной гибели империи», он обещает изложить «весь ход развития одного из самых замечательных обществ в истории». Однако пятый том заканчивается смертью императора Августа и оказывается последним, так что, вопреки названию, «падения» Рима в книге нет. Отсутствует в ней и «весь ход развития» римского общества, ибо пять томов в основном посвящены только нескольким десятилетиям римской истории: времени Цезаря и Августа. Свое первоначальное намерение автор не осуществил, но зато создал одно из самых подробных описаний наиболее драматического периода римской истории — эпохи «падения» республики в Риме и начала его имперского «величия».

Среди трудов по римской истории, написанных в XX веке, едва ли найдется другое объемное сочинение, которому выпал бы настолько обескураживающий успех у широкой публики, как «Величию и падению Рима» Г. Ферреро. Книга еще не успела выйти полностью в первом миланском издании, как ее уже начали печатать в Париже в авторизованном переводе на французский (1904–1908 гг.; новое издание: 1918–1921 гг.). Сразу после выхода последнего тома следуют издания в Англии и Германии (1907 г.), Испании и Америке (1909 г.), затем в России (1915 г.), Швеции (1920 г.), Венгрии (1934 г.).

Книга победно шествовала по свету, несмотря на то, что специалисты приняли ее довольно скептически, что и понятно — ведь автор не был антиковедом. «Дилетант» — именно такое определение вынес автору «Величия и падения Рима» Гаэтано де Санктис в рецензии на первые два тома. Но были среди ученых также рецензенты, не поскупившиеся на самые высокие оценки. Так, известный французский исследователь античной истории Поль Гиро отметил книгу Г. Ферреро, как «превосходный труд», как «работу редкого достоинства».

В России книга, по мере выхода в свет отдельных томов, получила «хорошую прессу» и в целом очень сочувственный прием. Отмечая откровенную модернизацию автором римской истории, рецензенты также единодушны в признании высоких художественных достоинств его произведения. «Изложение настолько насыщено фактами, что не поддается пересказу и производит впечатление художественно нарисованной картины, чем ученой работы» (в журнале «Летопись»); «... значение его произведения... в остроумном объяснении причин многих исторических событий и в богатстве использованного материала» (в журнале «Гермес»). Также в более обстоятельной и критической рецензии в «Русских записках» (автором, по некоторым сведениям, был будущий академик Е.В. Тарле) как одно из бесспорных достоинств книги отмечена художественная манера изложения, вызывающая желание перечитывать отдельные страницы.

У Г. Ферреро было легкое перо и широкий круг научных интересов. Неслучайно справочные издания именуют его историком, социологом, психологом, журналистом, беллетристом, писателем. Кроме работ по истории, как древней, так и новой, как научных, так и художественных (Г. Ферреро в конце жизни писал исторические романы), он оставил статьи и заметки разного содержания, сотрудничая во многих периодических изданиях стран Европы и Америки, путевые очерки, работы по психологии и социологии.

Гульельмо Ферреро родился в Портичи, близ Неаполя, 21 июля 1871 года, образование получил в университетах Пизы и Турина, специализируясь в области литературы, а затем права, память заслужил прежде всего как историк, мировую известность — как автор «Величия и падения Рима». А первым его крупным произведением была книга «Преступная женщина» (1893), написанная в соавторстве с выдающимся криминологом и судебным психиатром Чезаро Ломброзо, на второй дочери которого Джине (авторе книг по психологии) Г. Ферреро был женат и которого считал одним из своих учителей.

Под влиянием Ломброзо он написал «Символы в их отношении к истории и философии права и социологии» (1893). В результате длительного путешествия по Европе, предпринятого после защиты докторской диссертации, появляются книги «Молодая Европа» (1897) и «Милитаризм» (1898), представлявшие собой издание путевых заметок, небольших статей и лекций.

В те же годы Г. Ферреро занялся изучением уголовного законодательства императорского Рима, но затем его планы переменялись, и вместо исследования об эволюции правовых институтов Г. Ферреро создает «Величие и падение Рима» (он работал над ним в общей сложности с 1897 по 1907 год).

К истории Древнего Рима ученый обращался еще не однажды в своем дальнейшем творчестве. Но известность и значение всех других его работ по древнеримской истории не идет в сравнение с его пятитомным трудом (на русский язык, например, была переведена только одна небольшая книга — «Гибель античной цивилизации», 1921 г.). Древняя история вообще не являлась предметом специальных углубленных научных исследований Г. Ферреро, интересуя его, скорее, как источник, из которого можно черпать поучительные примеры для современности, всегда занимавшей более важное место в его творчестве.

Накануне Первой мировой войны он выпустил книгу «Между двух миров» (1913), в годы войны — книги «Европейская война» (1915) и «Латинский гений» (1917), сразу после войны — «Проблемы мира» (1919) и «У реки в Риме» (1923; в английском издании — «Четыре года фашизма»). Как видно уже из названий, все эти работы посвящены общественно-политической проблематике.

Фашизм Г. Ферреро вначале приветствовал, будучи разочарован в Версальском мире, и в 1922 году после прихода к власти Муссолини вошел в его правительство. Дело в том, что фашистам удалось на первых порах привлечь на свою сторону немалую часть интеллигенции, настроенной либерально-демократически. Они создали Национальный институт культуры, который возглавил философ Джентиле, поощряли деятельность других центров и обществ по изучению итальянской истории. Г. Ферреро был далеко не единственным среди ученых, кто поддержал фашистов. Тот же Г. Де Санктис, один из суровых критиков книги Г. Ферреро, вначале был к ним вполне лоялен.

Но очень скоро наступило прозрение: Г. Ферреро занял независимую позицию, оставил свой пост и перешел в лагерь антифашистов. Он жил в последующие годы фашистской диктатуры в сельской местности, в своем имении на юге Италии. Фашисты отказывали ему в разрешении на выезд за границу до 1929 года, когда ученый, наконец, эмигрировал в Швейцарию. В 1930 году Г. Ферреро был избран профессором новой истории Женевского университета. В последующие годы, до самой смерти (3 августа 1942 года), он активно выступал в печати с антифашистских позиций (в 1935 году его книги были запрещены в Италии фашистским правительством), читал лекции и публиковал на французском языке книги о Наполеоне Бонапарте, Талейране, о проблемах политической власти, а также исторические романы о жизни Италии в период Франко-прусской войны.

Итак, содержание книги не вполне соответствует ее названию. Написана она «дилетантом» в области древней истории, но настоящим специалистом в области истории современной и профессиональным писателем, для которого Древний Рим — не какая-то далекая древность, качественно отличная от нашей цивилизации, а жизнь, которая была как будто позавчера, о которой можно вести репортаж.

Модернизация истории в книге Г. Ферреро — это и метод, и система, ей подвергаются и личности, и события, и процессы. Он сравнивает пастухов древнего Лация с пастухами Техаса, римлян с бурами, Рим с Лондоном, Парижем, Нью-Йорком, Берлином, Миланом, Лукулла с Наполеоном, пишет

о капитализме, античном пролетариате, аграрном коммунизме, парламентаризме, империализме, феминизме, о клубах, митингах, высшем свете, про- нунциаменто и т. п. Катон — это лендлорд, Цезарь — социалистический лидер, «босс Таммани-Холла», Цицерон — первый политик из интеллигенции. Положение Италии в I в. до н. э. сравнивается с развитием Франции и Англии после промышленного переворота, Италии и Германии после революций 1848 года или США после Гражданской войны. Завоевание Галлии соответствует колониальным захватам европейских государств, а отдельные эпизоды этой войны напоминают сражения русских и японцев в Маньчжурии. Красс и Антоний в своих парфянских кампаниях подобны Наполеону в России. Власть Августа не отличается от власти президента США и т. д.

Таков неполный список модернизаторских сравнений, рассеянных по страницам книги Г. Ферреро. Конечно, проведение аналогий и параллелей между разными, пусть даже отдаленными друг от друга по времени историческими эпохами вполне допустимо. Вопрос только в том, насколько эти аналогии полезны — поясняют они смысл явлений или, напротив, лишь затемняют его. Иначе говоря, модернизация требует хотя бы относительной точности и пропорциональности сравнений. Легко заметить, что у Г. Ферреро необходимая мера далеко не всегда соблюдена. Но обрушиваться на автора с критикой за его излишнюю увлеченность модернизацией не возникает желания. К тому же это было бы пустой формальностью, если не догматизмом. Систематичность и само количество модернизаторских сравнений в книге переходит в новое качество. Но оно отнюдь не сводится просто к полной деформации прошлого. История — особая дисциплина, симбиоз науки и искусства. И задачи исторического исследования не ограничиваются сферой логически-рационального познания, но имеют также эстетическую и нравственно-этическую направленность. Так, К. Маркс когда-то отозвался о Спартаке как об «истинном представителе античного пролетариата», конечно, не для того, чтобы указать на социально-экономический статус вождя рабов, а чтобы подчеркнуть, что он был «самым великолепным парнем во всей античной истории». Модернизация прошлого у Г. Ферреро обусловлена не тем, что он вообще не признавал различия между античными и современными обществами. Достаточно указать в связи с этим хотя бы на XVIII главу первого тома, где автор специально останавливается на этом вопросе (при этом не так уж важно, насколько правильно и полно он трактовал эти различия). Просто для Г. Ферреро античная история была материалом для публицистики, но публицистики искренней и азартной.

Научно-методологические особенности труда Г. Ферреро не ограничиваются модернизацией. История для Г. Ферреро — стихийный процесс. При этом в своем общем потоке события, конечно, взаимосвязаны, но даже сравнительно незначительное может иметь глубокие последствия. Это проявляется уже в полном пренебрежении традиционной периодизацией истории Древнего Рима. Г. Ферреро начинает свой труд с 450 г. до н. э., вовсе не являющегося датой какого-либо важного события, а просто неким моментом римской истории, выбранным произвольно. Он излагает римскую историю в форме общего вводного очерка, по его собственным словам, «до того

момента, с которого начинается подробный рассказ». Этим моментом, опять достаточно условным, служит смерть (уже сложившего власть) диктатора Суллы (78 г. до н. э.), а моментом, на котором «подробный рассказ» (содержание всей книги) обрывается — смерть Августа (14 г.).

Уже в первых главах Г. Ферреро словно бы гипнотизирует читателя, создавая иллюзию художественно-обработанной хроникальной ленты, которую комментатор прокручивает вперед и назад, нажимая, где требуется, на клавишу «пауза». Вот — Рим, его территория, ресурсы, население. Вот — сами римляне, их образ жизни, достоинства, жизненные ценности. А вот — их общественно-политическая организация. Искусство Г. Ферреро как рассказчика состоит в том, что ему удается параллельно развернуть панораму постепенных изменений римского общества, давая читателю представление и о структуре, и о динамике ранней республики римлян.

Г. Ферреро показывает, как «аристократическая республика земледельцев» (определение, способное вызвать комментарии ученого) эволюционирует в общеиталийское государство. В начале этого пути аристократически-крестьянский Рим отличали простота и суровость нравов, бережливость, верность традициям, дисциплина, патриотизм и т. п. Но вот дисциплинированные римские крестьяне, организованные суровыми аристократами в непобедимую силу, завоевывают своих соседей по Апеннинскому полуострову (для Г. Ферреро это был не захват и грабеж, а объединение Италии) и выходят на мировую арену. И уже первые победы и завоевания вне пределов Италии в III в. до н. э., неся с собой господство над другими народами и богатую добычу, начинают деформировать старинный уклад жизни, разъедая его духом «меркантилизма». В следующем столетии из «среднего класса» формируется «капиталистическая буржуазия» (речь идет о сословии всадников), разоряется крестьянство, идет пролетаризация населения, растет рабство, деградирует аристократия. Результаты: «подлинный римский империализм» и социальные потрясения.

Рим сотрясается «аграрным коммунизмом» Гракхов и «великим восстанием античного пролетариата» под руководством Сатурнина и Главции. Аристократия раскалывается на две партии — консервативную и демократическую. Вместе с тем Италия становится более сплоченной (Г. Ферреро ошибочно приписывает уже Тиберию Гракху заботу о наделении участками италиков, а не только римских граждан). Первым итогом всех процессов — и нового империализма, и борьбы партий, и объединения Италии — оказывается сулланская диктатура.

Образ Суллы — один из шедевров в целой галерее психологических портретов деятелей римской истории, созданных Г. Ферреро. Сулла в книге — законченный эгоист, ставший консерватором, диктатором поневоле. Равнодушный к партийной борьбе, он выступил только из чувства самосохранения, преследовал всегда только личные цели, а проведя «полицейскую операцию» в государстве (т. е. фактически не сделав ничего для будущего), сложил власть и, промотав здоровье в кутежах, быстро сошел в могилу. Надо признать, что таким образом деятельность Суллы не оценивал никто ни до, ни после Г. Ферреро. Но,

вступив на путь подробного описания «падения» республиканского Рима, автор подготовил читателю еще немало подобных оценок.

Так, совершенно неожиданной после почти уничижительной характеристики Суллы оказывается в работе Г. Ферреро оценка Л. Лициния Лукулла, фигуры по всем статьям явно менее значительной. В книге он — первый колониальный генерал, творец и пионер новой политики, «Наполеон последнего века республики», учитель Помпея и Цезаря. Зато Помпей, который уже у современников заслужил почетное прозвище Магн (Великий), показан хитрым интриганом, просто пользовавшимся удачно складывавшимися обстоятельствами. Но это уже не удивительно: ведь Помпей был главным политическим противником Лукулла, одного из любимых героев Г. Ферреро, и он относится к Помпею Магну соответственно — очень иронично, даже насмешливо. Почти всякое появление Помпея на страницах книги обещает улучшить настроение читателю. Например, знаменитая военная кампания Помпея против пиратов, когда он получил чрезвычайные полномочия, представлена не как дело государственной важности, а в виде фарса. Случай просто опять вовремя подвернулся Помпею, да и ничего особенного он не совершил («укрошал пиратов своим милосердием»). Но в итоге «Помпея приветствовали в Риме как чудесного героя, который ударом грома уничтожил такого ужасного врага». «В скором времени, — добавляет Г. Ферреро, — пираты снова вооружили свои корабли и принялись пенить моря». Словом, от Помпея Великого до Помпея смешного оказывается всего один шаг.

Оригинальные суждения высказываются чуть ли не о каждом значительном, ставшем зачастую уже хрестоматийным эпизоде последнего века республики в Риме. Неудивительно, что критики отмечали у Г. Ферреро «страсть к парадоксам», «погоню за эффектами» и желали ему «держать в узде воображение». Сам же автор считал своей наиболее оригинальной идеей описание галльской войны Цезаря в тесной связи с событиями политической борьбы в Риме («Я надеюсь, что завоевание Галлии в моем изложении предстанет в совершенно новом освещении»). Была ли эта идея совершенно новой для современной Г. Ферреро историографии, или же он заблуждался на этот счет, но она не новшество в тексте самой книги. Уже с первых страниц у Г. Ферреро нет изолированных тем, что так характерно для капитальных трудов и учебников. Г. Ферреро не выделяет в особые разделы экономику, политику, культуру, а вплетает в ткань повествования самые разнородные данные. И политическая борьба в Риме времен Мария, Суллы, Лукулла описана не сама по себе, а в связи с внешними войнами названных полководцев.

Описывая завоевание Галлии как колониальную войну, которую вел вождь одной из партий с целью воспользоваться результатами победы в своей политической борьбе за власть, Г. Ферреро стремится доказать, что неожиданно затянувшаяся война отсрочила на несколько лет гибель республики. Но что, бесспорно, было новым словом в научной историографии Рима, так это изображение жестокости завоевания и вместе с тем развенчание самого завоевателя и одновременно первого историографа данной темы.

В начале XX века, ко времени появления книги Г. Ферреро, в историографии античности существовала, по остроумному выражению одного итальянского

ученого, «диктатура Моммзена». А этот, без преувеличения, крупнейший и наиболее авторитетный ученый был творцом мифа о Цезаре в европейской историографии. Цезарь для Т. Моммзена — это даже не то, что Лукулл для Г. Ферреро. Он — беспримерный государственный гений всех времен и народов, блестящий полководец, великолепный оратор и писатель, а благодаря завоеванию Галлии — основатель всей современной европейской цивилизации. Вопреки моммзеновской точке зрения, господствовавшей в историографии, Г. Ферреро дал Цезарю отрицательную оценку. Цезарь для него не гений, а «гениальный неудачник», не великий государственный деятель, а «великий авантюрист», честолюбец, который иногда разрабатывал и осуществлял дерзкие планы, а иногда сам становился игрушкой обстоятельств и совершал ошибки.

Но в одном пункте Г. Ферреро солидарен с Т. Моммзеном: он также усматривает в завоевании Галлии историческую миссию Рима, указывая, что процесс ее романизации послужил основой для всей европейской цивилизации. Но если для Т. Моммзена в этом состоит провиденциальная миссия Цезаря, то для Г. Ферреро — всего лишь оправдание его деятельности.

Отлична от моммзеновской и данная Г. Ферреро оценка Октавиана Августа. Он не считает Августа исполнителем планов Цезаря, но совершенно самостоятельным, оригинальным политиком. Принципат Г. Ферреро рассматривает как подлинно республиканский строй. С его точки зрения, Август действительно восстановил в 27 г. до н. э. республику, но в дальнейшем помимо личного желания правителя абсентеизм аристократии привел к концентрации в его руках власти. Однако Август, по оценке Г. Ферреро, вовсе не был основателем империи. Итог его правления — «испорченная республика, недоношенная монархия, выродившаяся аристократия, бессильная демократия». Центральная власть была ослаблена и не могла, как прежде, контролировать и грабить провинции. Это привело к расцвету последних и особенно Галлии, которую Г. Ферреро называет «Египтом Запада» и которой отводит ключевую роль в сохранении Римской империи еще в течение трех столетий. Мысль Г. Ферреро состоит в том, что если бы Галлия не была завоевана и не была затем романизирована, то Рим и Италия оказались бы на периферии богатых и обширных восточных провинций. «Столица империи, самые обширные, населенные и богатые провинции которой были в Азии и Африке, не могла бы лежать у противоположных границ, на пороге варварства, так же как столица Русской империи не могла бы быть теперь во Владивостоке или Харбине». Рассуждением об этом Г. Ферреро заканчивает свой знаменитый труд, который в нашей стране был переиздан только в 1997–1998 годах (СПб.: Наука; Ювента, под научной редакцией профессора Э.Д. Фролова).

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2015, № 3 (19)**

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович — аспирант кафедры истории стран СНГ Санкт-Петербургского государственного университета (felix_1985@mail.ru).

Андреев Игорь Львович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ (andreev@mgpu.ru).

Войтенко Антон Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН (cesras@cesras.ru).

Карпов Евгений Александрович — соискатель кафедры отечественной истории МГПУ (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Kasarov@mgpu.ru).

Кириллов Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ (Kirillov@mgpu.ru).

Крысенко Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Луганского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (mamaj@rambler.ru).

Кустова Елена Витальевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (kustovael@yandex.ru).

Латышев Артём Валерьевич — аспирант кафедры истории России XX – начала XXI века исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (artfarrus2@yandex.ru).

Мажитова Жанна Сабитбековна — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории стран ближнего зарубежья МГУ им. М.В. Ломоносова (mazhitova_69@mail.ru).

Михайловский Фёдор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Щемелев Артём Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (artemvshchemelev@gmail.com).

«MCTTU Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2015, № 3 (19)

Alimdzhанov Bakhtiyor Abdikhakimovich — postgraduate, History of CIS department, Saint-Petersburg State University (felix_1985@mail.ru).

Andreev Igor Lvovich — Ph.D. (History), docent, History of Russia department, MCCTU (andreev@MGPU.ru).

Voytenko Anton Anatolievich — Ph.D. (History), senior staff scientist, Center of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (cesras@cesras.ru).

Karpov Evgeniy Aleksandrovich — postgraduate, History of Russia department, MCTTU (Evg-A-Karpov@yandex.ru).

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Kasarov@mgpu.ru).

Kirillov Viktor Vasilievich — Ph.D. (History), full professor, head of Institute of Humanitarian Sciences (Kirillov@mgpu.ru).

Krisenko Dmitriy Sergeevich — Ph.D. (History), docent, Political Science and Law department, Shevchenko LSU (mamaj@rambler.ru).

Kustova Elena Vitalevna — Ph.D. (History), docent, History of Russia department, Vyatka State University for the Humaniti (kustovael@yandex.ru).

Latyshev Artem Valerjevich — postgraduate, History of Russia of XX–XXI centuries department, Moscow State university (artfarrus2@yandex.ru).

Mazhitova Zhanna Sabitbekovna — Ph.D. (History), docent, postgraduate of History of near-abroad countries department, Lomonosov Moscow State University (mazhitova_69@mail.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor of World History department, MCTTU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Shchemelev Artem Vladimirovich — postgraduate, World History department, MCTTU (artemvshchemelev@gmail.com).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

№ 3 (19), 2015

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

И.Е. Посоха

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 05.10.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.